

Здравствуй АВВАКУЛ!

Я слонялся еще довольно долго в ожидании вызова. Когда прошла неделя моего ожидания, я не выдержал и поехал в областной военкомат в Москву, чтобы оттуда позвонить в училище и узнать переслали-ли мое личное дело из Харьковского училища в Армавирское. Эту поездку мне подсказал сосед по дому – подполковник запаса, чтобы с облвоенкомата по военной связи узнали о моем личном деле в училище. Но, то-ли работник военкомата не хотел особо себя утруждать, то-ли был недобор в Ставропольское училище на факультет штурманов боевого управления, он начал меня уговаривать написать заявление на этот факультет. Я наотрез отказался и с тяжелым сердцем поехал домой. На душе было дерьмово, Мишка уже, сдавал экзамены в училище, а у меня до сих пор не было вызова на руках. Зашел в подъезд и стал подниматься в квартиру, а на глаза наворачивались слезы. Машинально открыл почтовый ящик, там лежало письмо. Я взял его и бросил взгляд на обратный адрес. Оно было из Армавирского ВВАКУЛ! Быстро разорвал конверт и вытащил небольшой листок бумаги. Глаза сами бежали по строчкам: «Уважаемый ..., вы приглашаетесь в Армавирское ВВАКУЛ ПВО для сдачи вступительных экзаменов. Крайний срок прибытия 15 июля 1972 года». Я уже влетал домой, дочитывая последнее предложение, а в голове вертелось только одно – завтра уже 13-е! Побежал в военкомат, там мне выписали проездные документы. Оттуда бросился на завод к маме, сказать, что пришел вызов из училища. Отец, к сожалению, был в это время в командировке.

Мама отпросилась с работы и мы вместе поехали домой. Сборы были недолгими. Собственно брать-то с собой много не приходилось, разве что учебники по физике и математике. Из одежды тоже много не требовалось, так как, если поступлю, то все равно переодевали в военную форму, а если проваливаюсь, то через неделю - полторы домой. Билет мы купили на поезд Москва - Баку. На вокзале меня провожали мама и моя девушка. На душе было немного тоскливо. Ехал и не понимал толком, что может это навсегда. Казалось, что вот съезжу, сдам экзамены и приеду домой. Тоска усиливалась еще и тем, что вагон был общий, народу было немного — ехали в основном абитуриенты поступать в училища. В то время были воинские общие вагоны, в которых ездили солдаты по воинским перевозочным документам. Поезд пришел во-второй половине дня на железнодорожный вокзал Армавир-2. Я тогда не знал, что есть еще и Армавир-1, который находится в центре города.

Армавир встретил меня южным солнцем и прогретым до терпкости воздухом. На привокзальной площади было не людно и я спросил у первого попавшегося мне прохожего как проехать в училище. Он показал на остановку автобусов и назвал номер маршрута. Автобуса ждал недолго. Сел в него, купил билет и на счастье посмотрел на номер билета, загадав, что если он счастливый, то поступлю. В общем-то я не верил в эти приметы и никогда не проверял номера билетов на «счастливый-несчастливый». Но тут что-то подсказало мне посмотреть. И удивительное дело – билет оказался счастливый! Придало-ли мне это абсолютной уверенности? Нет. Но я перестал думать о том, что поступлю или не поступлю. Уже уверенный в себе, я смотрел с любопытством в окна автобуса и поражался тому, что вместо тополей и лип, как у нас в городе, вдоль дороги росли абрикосовые деревья и яблони. А тополя были пирамидальные. Их я видел только в деревне, где была высажена маленькая аллея этих удивительно красивых в своей стройности деревьев. Кое-где попадались и черешни. Абрикосы были усыпаны плодами. Тогда я еще не знал, что в Краснодарском крае их называли «жердёлы». А культурные абрикосы называли «прищепка». Но культурных

абрикосов не высаживали на улицах, они росли только в садах. И на всем этом великолепии был приличный слой пыли, присущий южным городам, где очень редко выпадают дожди. Это резко контрастировало с подмосковной умытой частыми дождями зеленью. Но в тот год и Подмосковье больше походило на южный припыленный регион России.

Кто-то из пассажиров подсказал мне остановку училища и я вышел, не доехав до центрального КПП двести метров. Когда прошел вдоль бетонного забора училища и оказался у КПП, сердце забилось, что вот она цель всех моих усилий! Вход в училище узнал сразу, так как на площадке перед КПП на стеле красовался МиГ-17, точно такой-же, как и у КПП Клинского авиационного гарнизона. На КПП дежуривший солдат подсказал, что войсковой приемник находится в обратной стороне. Мне пришлось вернуться несколько дальше остановки, и за домами военного городка я увидел ворота, за которыми стояли большие палатки идневального, сидевшего у ворот приемника. Сразу понял, что это войсковой приемник, так как на территории его ходили такие-же ребята, как и я в гражданке. Подал дневальному вызов в училище и он отвел меня в штабную палатку. Там сидел дежурный по войсковому приемнику. Сейчас трудно вспомнить, кто из офицеров это был, но, по-моему, один из командиров взводов моей будущей роты.

Этот МиГ-17 на постаменте встречал первым всех абитуриентов, приехавших поступать в училище.

Долго не держали меня, определили в учебную группу и отвели в палатку, где было свободная кровать недалеко от входа. Из памяти стерся номер моей учебной группы, но по-моему это была 25-я группа. Я думал, что попал в последнюю группу, но набор закончился на 27-й учебной группе, а может и еще большей по номеру.

Распорядок дня был построен тоже по военному образцу. Поэтому вечером, а приехал я, когда ужин в приемнике уже давно закончился, пришлось довольствоваться тем, что еще осталось от моей снеди, которую мне в дорогу собрала мама. Выложил книги и туалетные принадлежности в тумбочку, а чемодан

зادвинул под кровать. Лежать на кровати днем было нельзя, только сидеть на табуретке. Поэтому я старался придерживаться правил, установленных в приемнике. Но потом, когда перезнакомился со многими ребятами и, посмотрел, как соблюдаются эти правила другими, понял, что это было всего лишь требование. Тем более мы были лишь абитура, а не курсанты, принявшие присягу. Правда, когда заходили офицеры, то устраивали нагоняй за несоблюдение правил и порядка. Может сложиться впечатление, что в приемнике был бардак, но это далеко не так. Был полный порядок, да и некогда было устраивать бардак, и почти никому, так как весь день группы проходили ВЛК и «психотбор» (это мы так называли тестирование на профессиональную пригодность), сдавали экзамены. И только ближе к вечеру перед ужином собирались все на территории приемника.

Перед отбоем нас построили и провели вечернюю проверку. Делали это потому, что ежедневно приезжали новые абитуриенты и уезжали не сдавшие экзамены или не прошедшие ВЛК. Было много ребят из Армавира и конечно-же они не упускали возможность сбежать домой. Да и те, кто приехал из других городов, иногда уходили в самоволку через забор. Но это было после отбоя. А ночью проверить всех не было возможности, так как приезжали и уезжали ежедневно.

На следующий день прозвучало «Подъем» и моя жизнь начала укладываться в распорядок армейского бытия. После подъема утренний «моцион», это когда все выстраивались у двух рядов умывальников. Освобождавшееся место, тут-же занималось. С утра я нашел и Михаила Царева. Он уже к тому времени сдал два экзамена и собирался на третий. Прозвучала команда «Строиться» и нас по группам повели в столовую. И «повели» и «столовая» это все условно. Палатка, рассчитанная на взвод, служила столовой и находилась тут-же на территории. В ней стояли длинные солдатские столы и скамейки. Как и у солдат на столах стояли кастрюли с едой и кружки с чаем на которых лежали куски белого хлеба с кусочком масла. Гороховая каша стала основным продуктом на завтрак на все время абитуриентской жизни. Правда в обед давали жидкие щи, на второе перловку с кусочками то-ли вареной свинины, то-ли вареного сала, компот или серо розоватый кисель. Вечером была опять перловка с намеком на тушенку или гороховая каша.

После завтрака нашу учебную группу, которая состояла из вновь приехавших, построили и повели к автобусу, чтобы везти в лазарет для прохождения комиссии. Это была предварительная поездка, когда мы сдавали анализы, делали флюорографию, снимки лобных пазух. Все это было до обеда, а после обеда делать было нечего, поэтому кто-то лежал и читал учебники, кто-то просто спал. Многие пытались найти прохладу в тени немногих деревьев, окружавших наш «пионерский лагерь». Но, в большинстве своем это была акация и ее своеобразная листва давала не особо много тени. А лето «катилось в июль», как сказал Маяковский:

«В сто сорок солнц закат пылал,
В июль катилось лето,
Была жара,
Жара плыла...»

Я тогда не мог себе и предположить, что эта изнывающая жара будет сопровождать меня большую половину моей военной службы. Думаю, что это и хорошо, что абитуриенты не знают, что их на самом деле ждет в будущем, иначе-бы некоторые не стали поступать в военные училища. Упоминание о «тяготах и лишениях» армейской службы тогда звучало чем-то эфемерным, не совсем реалистичным и осязаемым. Будущие трудности не то что не пугали, они блекли перед мыслью о полетах на истребителях, военной форме, погонах; перед мыслью, что у тебя будет настоящая мужская профессия.

Во вторую поездку на ВЛК врач «ухо-горло-нос» (тогда так было написано на дверях кабинета и только потом стали писать на дверях «Отоларинголог») сказал, что у меня небольшое затемнение левой пазухи носа и надо сделать прокол. Я не знал, что это за прокол и пытался отказаться, мотивируя тем, что дышу нормально и ничего не мешает. На что врач сказал:

- Если прокол не сделаешь, то я не смогу дать заключение, что годен для поступления в училище.

Естественно я дал согласие без дальнейших препирательств. Прокололи, промыли, ничего не обнаружили и заполнили пазуху каким-то маслом, заткнув ноздрю ватой. Потом это масло вытекало сутки из носа, что было довольно неприятно. Не мне одному делали прокол лобных пазух. Потом я узнал, что за каждую такую операцию врач дополнительно получал пять рублей. Но, как бы-то ни было, врачебно-летную комиссию я прошел и начались экзамены. Сдавали через день по экзамену. По русскому и литературе среди прочих школьных тем была моя любимая тема - свободная «Почему я решил стать летчиком». Как сдавал физику, я не помню, но главное, что сдал. А вот на математике возникли небольшие затруднения с решением задачи. Принимала экзамен преподаватель кафедры высшей математики училища Мухамедзянова. Проходя по рядам, она остановилась рядом со-мной и, видя мое затруднение, полушопотом подсказала путь к решению. Впоследствии она вела в нашем классном отделении курс высшей математики. Это была добрая, тихая с миловидным лицом женщина лет тридцати пяти. Портила ее только излишняя полнота. Это видимо и накладывало отпечаток на ее застенчивый характер.

На экзаменах я получил две четверки и две тройки, что дало мне возможность набрать немного больше проходного балла. А проходным считался балл в тринадцать, если память не изменяет. Сейчас это может вызвать смех, но надо было знать условия приема в то время в училище, когда на медкомиссии «резали» абитуриентов по малейшему подозрению на какие-то отклонения в организме. Даже небольшой шрам на голове уже был «шлагбаумом» для поступления. Поэтому те, кто попал в первые группы, в большинстве своем не прошли ВЛК. А когда подошли к последним группам, оказалось, что намечается недобор. А этого никак нельзя было допустить потому, что предполагалось набрать несколько больше, чем обычно. Только потом, когда нас зачислили в училище, мы узнали, что наш курс будет экспериментальным – мы начнем летать с первого курса. Было много ребят, которые приезжали поступать уже не первый раз, они знали, что может быть недобор и поэтому тем, кто получил двойки на экзаменах, советовали не уезжать сразу, а дожидаться окончания сдачи экзаменов всеми группами. В итоге так и получилось, что отсеяв по здоровью и на экзаменах дал приличный недобор. Не буду достоверно утверждать, но ходили слухи, что приняли в училище тридцать человек с двойками. Кто-то даже ходил на квартиру к начальнику училища и просил его принять, так как очень хочет летать и вне авиации не видит себя. Но, как-бы то не было, все-же набрали триста пятьдесят курсантов.

В войсковом приемнике я познакомился со многими ребятами, которые в тот год не поступили. Были там и из рабочих и крестьянских семей, были и из семей военных. Подружился с одним парнем у которого отец был командиром корпуса на Дальнем Востоке. Он подарил мне фотографию А-4А «Скайхоук», сделанную его отцом в полете над Японским морем. К сожалению я ее не сохранил. В тот год он не поступил, но поступил позже. А встретились мы с ним позже, в Савостлейке на переучивании. На третьем курсе училища встретил уже другого парнишку, поступавшего со-мной, но не сдавшего экзамен. Осенью 72-го года его призвали на атомную подводную лодку для прохождения срочной службы. Но на втором году службы он написал рапорт в наше училище и поступил. Мы сидели в

курилке и он много рассказал мне об особенностях службы на АПЛ. Рассказал, как после автономки возвращались в бухту в Вилючинске и поступила команда срочное погружение. Тогда американцы разбомбили наши торговые суда во Вьетнаме и все корабли и подводные лодки, что были не у причалов отправились к Берегам Вьетнама и в заданные районы, так как не исключали прямого боестолкновения с американцами в акватории Тихого океана. Многие ребята поступали по два, а то и три раза в училище.

Но вот все сдали экзамены, и подошло время мандатной комиссии. Поговаривали, что и на мандатке могут завалить. Но что такое «мандатка» я не знал и страха поэтому не испытывал. В один из дней августа, а точнее второго августа нашу учебную группу, кто остался после успешной сдачи экзаменов, после завтрака построили и повели на территорию училища в новый учебный корпус, где заседала мандатная комиссия. Собственно всех сдавших экзамены в этот день рассматривали на мандатной комиссии, только прием был разнесен по времени между группами. Комиссия состояла из нескольких полковников из состава руководства училища и учебного отдела. Начальником училища был в то время полковник Трофимов Евгений Федорович, Герой Советского Союза. Мы все выстроились вдоль стен и заходили в аудиторию по вызову. Страх не было, был небольшая тревога перед неизвестностью, которая казалась мне порогом. Вот он порог за этой дверью! Мне предстоит сделать последний шаг к моей мечте, и перешагну-ли порог или передо мной закроют двери, никто на тот момент мне сказать не мог. Прозвучала моя фамилия и все страхи словно слетели с меня. Я шагнул к порогу, то есть в дверь аудитории. Пройдя к столу, за которым сидела комиссия, я обратился к начальнику училища и отрапортовал (пригодились навыки клуба «Юный дзержинец» в который мы с Михаилом ходили):

- Товарищ полковник, абитуриент Заднипранец для собеседования на мандатную комиссию прибыл!

Я ждал вопросов про родственников, про мое желание учиться, про мечту, в конце концов, но услышал следующее:

- Ты Царева Михаила знаешь?- задал мне вопрос один из полковников, улыбаясь глазами.

- Так точно!

- А полковника Иванова?- это уже спросил другой полковник с уже обозначившейся улыбкой на лице.

- Так точно! Знаю.

- Тогда поступил! – засмеялись они и все присутствующие, и попросили пригласить следующего.

Я вышел счастливым, каким никогда не приходилось бывать! У старшего группы отпросился на почту, благо она была рядом на КПП, и побежал давать телеграмму домой. Не помню сейчас точное содержание телеграммы, но текст был коротким, вроде «Поступил в училище. Все хорошо». И отправился в приемник собирать свои вещи в чемодан.

Я ничего тогда не знал о том, что полковник Иванов Анатолий Николаевич командир клинского транспортного полка замолвил за нас с Михаилом слово в кадрах училища по просьбе Зои Григорьевны Чекановской и мишиной мамы Эллы Александровны. Но после мандатки мне все стало ясно. Может это и хорошо, что не знал до самого последнего момента, так как надеялся только на себя на экзаменах.

Вот она казарма, вот мой новый дом!

После обеда всех, кто прошел мандатную комиссию в этот день, построили и

повели в курсантскую казарму. Находилась она по другую сторону от учебных корпусов через главную аллею училища и примыкала к кирпичному забору, через который не одно поколение курсантов перелезало в самоволку, но это я понял уже потом. Меня определили во вторую роту первого взвода, которым командовал капитан Чмут, а Михаил попал в 4-ю роту батальона курсантов. Я до сих пор не понимаю, почему мы не попросились в одну роту? Наша 2-я рота располагалась на первом этаже, а 4-я рота на втором этаже трехэтажной казармы. Только входы в казармы были разные. На третьем этаже располагалась половина четвертого курса, которая летала в Армавирском полку.

Казарма имела два входа по краям, а перед ней располагался плац для построений. Помещение, в котором расположилась наша рота, занимало весь первый этаж здания. Этаж был разделен на два помещения со сквозным проходом посередине. Часть кроватей стояли в два яруса, так же как и в палатках. Да и невозможно было разместить сто семьдесят с лишним человек на одном ярусе. Это уже на втором курсе был только один ярус, так как много ребят списали после первых полетов «по нелетной». Но, об этом расскажу дальше.

*Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик, полковник Трофимов Евгений Федорович.
Начальник АВВАКУЛ ПВО 1970 – 1972 г.г.*

А сейчас нам определили наши места в соответствии с тем, в какой взвод и отделение ты попал. Все ребята были незнакомы мне, так как не был знаком с ними по войсковому приемнику. Командование пригласило парикмахера в казарму и в бытовой комнате всех нас подстригли «под ноль». Только тем, кто поступал из армейской среды, разрешили не стричься. По казарме ходили этикие «биллиардные шары». Было непривычно, как будто тебя раздели. И это в то время, когда длинные волосы «а ля Битлз!» были в моде у молодежи. Затем всех нас повели в баню. Ну, а после бани выстроилась очередь пред каптеркой роты. Наш каптерщик рядовой Василина уже завез форму для нас, то есть нижние рубашки, кальсоны и собственно кителя с бриджами, яловые сапоги и портянки. Василина был колоритной фигурой. Это был бывший курсант, которого списали на ВЛК из-за шумов в сердце и он дослуживал срочную службу каптерщиком в батальоне курсантов. Его любовь к гирям и тяжестям сыграла с ним плохую шутку – появились шумы в сердце. Он был дико курнос, весь в «канапушках», то-биш в веснушках, с мощной рельефной мускулатурой. Позже к нему в помощники

определили одного из курсантов - Зайцева Валеру из второго взвода, которого каптер тоже приобщил к тяжестям. И со временем Валера стал внешне и характером похож на нашего первого каптера. Но это уже было потом, а сейчас всем надо было подогнать форму, пришить подворотнички к кителю.

Когда все закончили пришивать подворотнички, командир взвода приказал зам.ком.взвода учить нас правильно заворачивать портянки. На первый взгляд дело это не сложное, но это только на первый взгляд. Учились наверное час, но так толком некоторые и не смогли правильно завернуть портянку. У меня получилось с первого раза. Это благодаря отцу я научился еще до училища заворачивать портянки. Как-то, когда я ждал вызова, отец и говорит мне:

- Садись, сейчас будешь учиться заворачивать портянки.

На мой недоуменный вопросительный взгляд, он продолжал:

- Правильно заворачивать портянки не так просто. Тебе придется носить сапоги, поэтому, чтобы не набить мозолей на ногах, я научу тебя правильно это делать. Я не сомневался в отце, так как 7 лет срочной службы накладывают свой отпечаток. И все, что за это время приобретаешь, не забывается никогда. Но второе я уже понял много позже. Получилось не с первого раза. Но уже на пятый или шестой раз он похвалил. На этом решили, что я усвоил. Вот теперь эта наука пригодилась. Весь день нас одевали, водили на прием пищи, столовая была напротив казармы через 50 метров за маленьким парком с яблонями. Пришел фотограф, чтобы нас фотографировать на любительские фото, чтобы мы смогли отослать родителям. Много позже потом я узнал, что фотографом был отец Гены Грехова из нашей роты. Он-же нас фотографировал и на выпускные фотографии, и на удостоверение личности офицера в конце четвертого курса.

Суэта первого дня закончилась только к вечеру. Постепенно проходило знакомство между ребятами. После вечерней проверки не успело прогреметь «Отбой» из уст старшины, все мгновенно провалились в глубокий сон, который уже не былотягчен переживанием за будущее.

Что снилось в первую ночь в казарме, я не помню. Осталось только ощущение счастья перемешанного с усталостью от напряжения эмоционального состояния и тревоги; и того, что ты достиг первой ступени к поставленной цели. А шагать, как я тогда предполагал, еще четыре года. Все мы тогда думали, что стоит закончить училище и ты вот он боевой летчик!

Не знали мы, что ступени к становлению настоящего военного летчика, профессионала с окончанием училища не заканчиваются. Это только один пролет лестницы. И их таких пролетов четыре. А у кого-то их больше. Получение каждой классной квалификации – лестничный пролет в карьере. Академия – тоже лестничный пролет. И так до самых вершин. Не все прошагали все пролеты карьерной лестницы потому, что чем выше шагаешь, тем уже становится сама лестница, не всем хватает на ней места. Но, все-же каждый летчик должен прошагать четыре пролета лестницы профессионального мастерства до первого класса!

Утром дежурный по роте объявил «Подъем» и начался наш «Курс молодого бойца». После подъема пять минут до построения на зарядку. Затем кросс один километр, комплексы упражнений, и утренний моцион! На все про все - час. Подъем в 7.00, а завтрак уже в 8.00. Начало занятий в 9.00. Перед посещением столовой проводился утренний осмотр. Вот по этому графику нам предстояло прожить пол-года, до отъезда на полеты. Но, это мы узнали немного позже. А сейчас после завтрака, где присутствовала классическая армейская перловка с небольшим куском полу-мяса-полу-сала и чай с хлебом и маслом, каждый взвод занимался по

Мы с Виктором Кривенко

расписанию занятий Курса молодого бойца. Это были азы армейской службы. Строевая подготовка, изучение уставов (а их было четыре - строевой, внутренней службы, караульной службы и конечно-же дисциплинарный устав); изучение оружия. За каждым курсантом впоследствии закрепили личное оружие – СКС (самозарядный карабин Симонова). И конечно-же марксистско-ленинская подготовка (МЛП)! На протяжении всей службы менялись изучаемые предметы, но МЛП оставалось всегда!

Забыл рассказать про утренний осмотр. Это был целый церемониал. Роты выстраивались на плацу фронтом к казарме повзводно и командиры взводов с зам.ком.взводами проводили осмотр внешнего вида каждого курсанта. Проверялось все от головы до ног: правильность надевания головного убора, подстрижка, хотя ее-то и не проверяли целый месяц, так как все были с одинаковой прической новобранца – «под ноль». Только тем, кто пришел в училище из армии разрешили носить нормальную прическу. Далее проверяли подшивку подворотничка (чтобы край не выступал более, чем на один миллиметр над краем ворота кителя), блеск бляхи ремня и как затянут ремень на талии, отсутствие «гармошки» на сапогах и как они начищены. Вообще ежедневно следить за внешним видом было довольно тяжело – сапоги пылились, подворотнички на августовской жаре быстро намокали от пота и грязнились, бляха тускнела от пота рук. А утром ты должен выглядеть опять как огурчик. Выданных подворотничков не хватало, они быстро застирывались под холодной водой и принимали желтовато-сероватый оттенок. Поэтому покупали в военторге дополнительно подворотнички. А после первого отпуска почти каждый привез по приличному отрезу белого ситца, который хранили в чемоданах в каптерке. В подкладке пилотки каждый из нас хранил две иголки: с белой и зеленой нитками. А у многих в кармане брюк лежала маленькая фланелевая тряпочка или суконная тряпочка с нанесенной на нее асидолом или пастой голя для чистки бляхи ремня. На бляхах со временем появлялись царапины, но их удаляли просто – или завальцовывали иголкой, или шкурили самой мелкой наждачкой – нулевкой, а потом полировали пастой голя. После полировки все углы на бляхе слегка округлялись, и она принимала этакий флантоватый вид. Сапоги чистили ваксой из

большой банки. Но потом стали покупать себе обувной крем и чистить только им и своей щеткой, которая не так забивалась, как общая щетка. Чтобы добиться «совершенного» блеска, как на хромовых сапогах у офицеров, после нанесения крема слегка сбрызгивали поверхность сапога водой и полировали щеткой. Сапоги чистили по несколько раз в день: утром перед осмотром, перед обедом, перед построением на самоподготовку, вечером перед отбоем. Жара и пыль делали сапоги через пару часов уже сероватыми, поэтому приходилось эту пыль постоянно удалять с сапог.

Как-бы то ни было, но в девять часов начинались занятия. Самое легкое было изучение оружия. Тем более, что в клубе «Юный дзержинец», который я посещал в школе нам эту науку преподавали, да и в школе изучали военное дело. Даже стреляли. И не только из малокалиберных винтовок, но и ездили в Лесную, где стояла часть ЗРВ, на стрельбище. Там и стреляли из СКСов. Все учебное время было разбито на пары, то есть одна пара это два учебных часа, отводилась на один предмет. Особые усилия над собой у меня вызывала политучеба. Собственно для меня и так все было понятно: я защищаю свою родину от супостата в образе стран НАТО во главе с империалистической Америкой. Но писать конспекты все равно приходилось. А каково это было делать в ленинской комнате казармы взводом, когда на улице было за тридцать градусов жары. Постоянно клонило в сон. Это была настоящая борьба с недисциплинированностью организма. Уставы, политподготовка все это проводилось в помещении. Но и на занятиях вне казармы было не легче. Сразу же после нескольких занятий по строевой у меня на подъеме левой ноги вскочил фурункул. Сапоги еще не разношены, в них ноги на солнцепеке просто жарились, а тут такое дело! В перерывах я бегал в санчасть, благо она располагалась в двухстах метрах от казармы. Там мне делали перевязки по два раза на день. Фельдшер предлагал дать освобождение от строевой, но я отказался. Сильной болью «незванный гость» мне не докучал, поэтому терпеть можно было. Да и перед ребятами было-бы стыдно, еще подумают, что от строевой хилею. У казармы строевой подготовкой мы занимались редко. Командир взвода вводил нас на те бетонированные площадки, на которых раньше стояли палатки войскового приемника. Там взвод делился на отделения и каждое отделение занималось на своей площадке. Там уже нам прививали командирские навыки. По очереди мы командовали отделениями как при в передвижении одиночно, так и в составе отделения. Опять-же для меня это не представляло трудности, имея за плечами маршировку в военизированном клубе и на плацу перед школой на уроке по военной подготовке.

Да, август для молодого пополнения в училище всегда был этакой школой выживания. Даже прошедшие строгий медицинский отбор, мы с трудом переносить строевую подготовку в изнуряющую жару. Нельзя было ни закатать рукава у кителя, ни расстегнуть воротничок. Из-под пилотки на лицо скатывались капельки пота на подбородок. Кому становилось плохо от перегрева, сразу-же отправляли в тень деревьев немного прийти в себя. Только после обеда, когда отводилось немного времени, чтобы отдохнуть, мы могли снять китель и сапоги, чтобы просушить портянки, дать отдохнуть ногам немного. Хотелось прилечь на кровать, отдохнуть лежа, но делать этого было категорически нельзя. Иначе грозил наряд вне очереди. Присягу мы не приняли, но нарядами старшина Валера Пилипенко награждал регулярно. И отработывали мы их в туалете после отбоя. Не помню за что, но мне и еще паре человек старшина объявил наряд. После отбоя пошли в умывальник, а он совмещался с туалетом, оттирать половую плитку от черных полос, оставленных сапогами. Полировали плитку кусочками красного кирпича, предварительно смочив водой ее. Ничего особенно трудного в

этом не было. Мы потихоньку оттирали плитку за плиткой и общались между собой, узнавая друг друга более полно. Но тут в роту зашел командир второго взвода капитан Желудков. Он услышал негромкий разговор в умывальнике и конечно-же заглянул.

- А эти что здесь делают? – спросил он у старшины, кивая головой в нашу сторону

- Отрабатывают наряд вне очереди.

Дело в том, что после отбоя работы не были предусмотрены уставом, и конечно-же

эта инициатива старшины была незаконна.

- Пусть идут спать и чтобы больше я этого не видел. – вынес свой вердикт Желудков.

Это был по-моему первый и последний наряд после отбоя в нашей роте. Во-всяком случае меня больше никогда не трогали, да и других ребят из нашего взвода тоже. До отбоя бывали наряды, а после отбоя не было.

Надо отдельно сказать о ребятах, кто поступал после армии или из армии (тогда после года срочной службы можно было писать рапорта на поступление в военные училища). Они были как-бы отдельной кастой в роте, так как все «тяготы и лишения» они уже прошли на «срочке» (срочная служба). Поэтому из них сделали заместителей командиров взводов, командиров отделений. А наш старшина Валера Пилипенко, имел звание старшего сержанта и до поступления служил на севере в тактическом десанте. Не все из них дошли до выпуска. Некоторых списали по нелетной, здоровью, дисциплине. Но, на протяжении всех четырех лет, которые мы провели под одной крышей казармы, у нас, у меня-то точно, сохранилось уважение к ним, как к старшим товарищам. Может возникнуть вопрос была-ли «дедовщина»? Скажу, что такого среди нас не было. Никто не стирал портянок им, не подшивал подворотнички или чистил сапоги, так как, узнай об этом кто-то из офицеров, то такого «старика» неминуемо ждало отчисление из училища. Наверное поэтому и уважали их за то, что не культивировали «дедовщину». Да и в армии в то время такое явление было редко.

У нас зам. ком. взвода был морячок (к сожалению забыл его фамилию сейчас), но его быстро сняли с должности за самоволку и пьянки. Поставили Володю Маркина, тоже бывшего солдата. Конечно, он начал «закручивать гайки» во взводе. Начались необоснованные придирки к ребятам. И вот однажды после отбоя, когда я собирался заснуть, подошел ко мне Саня Картуз из третьего взвода и попросил подойти в каптерку, поднял он еще и Валеру Гадючко из нашего взвода. Мы пошли в каптерку, не предполагая зачем нас зовут. Там естественно сидел Василина и старшина. Были и ребята с четвертого курса: Володя Картуз, Сашкин родной брат, и Володя Шкарин (на втором курсе он будет у меня инструктором). Было и еще пару человек из нашего взвода, но кто именно, уже подзабыл. Оказывается, нас собрали, чтобы «вправить мозги» Маркину. Он тоже был там. Каптера попросили выйти, так как это были «курсантские разборки» и негоже было срочникам на них присутствовать. Марк объяснял свою требовательность тем, что с него тоже спрашивают, но мы-то видели, что частенько по отношению к нам, бывшим десятиклашкам, сквозило некоторое презрение и надменность. Все ждали конкретного предложения друг от друга «бить или не бить» и почему-то спросили моего мнения. Я не был сторонник выяснения отношений на кулаках, да и жить нам предстояло потом бок о бок не один год. поэтому сказал, что все его требования согласно устава будем выполнять, но и он чтобы поумерил свой пыл. На том и порешили. Впоследствии у нас с Марком были иногда трения по первоначальному, но до рук дело не доходило, я просто предлагал ему пойти за казарму и выяснить отношения. После этого

проблемы в общении отпадали. А с началом полетов у нас сложились нормальные отношения. Уже потом я узнал, когда ушел на пенсию, что Марка иногда водили в подвал свои-же бывшие солдаты и «вправляли ему мозги». Но мы «салаги» тогда ничего этого не знали.

Во второй половине августа, когда именно уже не помню, в роте случилось одно неприятное происшествие. Однажды в новом учебном корпусе на третьем этаже, где в холле здания были витрины в которых стояли макеты самолетов, начиная с И-15 и Ут-2 и до современных на то время истребителей, как нашей страны, так и стран вероятного противника, пропали два макета. На кафедре тактики была лаборатория, где заведующий лабораторией делал эти макеты. Приходили туда и курсанты, кто хотел делать макеты самолетов. В последствии и с нашего курса будут ходить ребята, а Сережа Зелеин получит главный приз от начальника училища за лучший макет. Он сделает Су-15, который будет отличаться от всех остальных абсолютной натуральностью, в нем будут все, даже мелкие, детали.

Не знаю каким образом, но вор был установлен очень быстро, им оказался Сергей Тарадаев из нашего взвода. Это был высокий парень, несколько сутоловатый с постоянно бегающим взглядом. Даже при разговоре, он опускал глаза или отводил их в сторону. Конечно у каждого были свои особенности, и мы никогда не придавали таким мелочам значения. Но в один из дней вместо самоподготовки состоялось ротное комсомольское собрание. Руководство училища отдало право решать самим курсантом, как поступить с ним. Конечно все были поражены таким поступком и высказывались негативно по этому поводу, но каждый из нас понимал, что нам, если Сергей останется в училище, жить с ним еще четыре года бок о бок. И никто не гарантировал, что он не будет воровать у нас. Каждый держал те небольшие деньги, что нам выдавали или присылали родители, в военном билете, который всегда находился во-внутреннем нагрудном кармане. Ночью кителя висели на спинках стульев и легко можно было находясь в наряде или просто встав с кровати, вынуть незаметно деньги из военника. Дебаты шли горячие, мы понимали, что парень стремился в училище, но общий тон был один, исключить из училища. Он каялся, просил оставить его, но решение свое мы не поменяли. Так Сергей стал первым, кого отчислили из училища с нашего курса. В армии в солдатской среде к воровству относились очень негативно, бывали случаи, что пойманного вора били так, что он становился инвалидом потом.

Август со-своей испепеляющей жарой, зудом цикад и пылью подошел к концу, и нам предстояло принимать присягу. Всем выдали парадную форму одежды и мы стали пришивать погоны, нашивки, петлицы. Многие учили текст присяги наизусть, учил и я. Принятие присяги состоялось 27-го августа. Настроение у нас было приподнятое – наконец-то закончилась солдатская муштра и теперь начнутся занятия в учебных корпусах. Прием присяги проходил на стадионе училища. Командование училища устроило настоящий праздник для нас. Оно устроило день открытых дверей, для родственников курсантов и гражданских, желающих посмотреть на процедуру приема присяги. В основном это были родители ребят, кто смог приехать. Но, больше было армавирцев, чем приезжих. Нас построили на футбольном поле, напротив каждого взвода стоял стол, на котором лежала красная папка с текстом присяги. Ровно в десять часов командир батальона отдал приказ:

- К приему присяги приступите!

Мы выходили к столам по алфавитному списку брали в руки текст присяги и только, сверяя текст краем глаза, присягали Родине и народу:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь...».

Расписывались в листе и вставали обратно в строй. Этот ритуал был отработан десятилетиями и сохранился даже после распада СССР. Сменился текст присяги, но сам ритуал остался. Как итог этого церемониала – прохождение торжественным маршем в составе рот. Когда закончился прием присяги и прохождение маршем перед трибунами, то над стадионом появился МиГ-17. Он прошел над стадионом на малой высоте и горкой полетел в набор. А затем посыпался каскад фигур сложного пилотажа. Вот это был действительно подарок всем нам от командования училища. Самолет пилотировал заместитель начальника училища по летной подготовке полковник Захаров. Все мы с восхищением смотрели на это чудо! Многие из нас никогда не видели подобного. Это было «самбо» в небе! Грудь распирало чувство, что и мы скоро сможем так летать. Это был такой заряд радости, что само торжество от принятия присяги потускнело как-бы, а память сохранила то чувство восхищения от этого пилотажа и по сей день.

Прохождение торжественным маршем после принятия присяги. Впереди командир роты майор Колеух, за ним командир 1-го взвода капитан Чмут. Я в первой шеренге слева второй.

Часто можно встретить в литературе, что прием присяги приводит «в легкий душевный трепет от величия момента». Все это ерунда литературно-художественная. Никакого трепета. Просто в этот момент понимаешь, что ты стал настоящим мужчиной, который берет на себя обязательства и готов нести ответственность.

Для местных ребят было увольнение. Ушли в город и наши сержанты. А мы стали ждать праздничного обеда. Не помню его праздничность, но что-то было новое. Возможно, были булочки к компоту, а может с этого момента перестали давать «керзу», так испокон веков в армии называли перловку. Да и гороховую кашу стали давать крайне редко, все-же пол-дня в аудиториях лекции слушали. Остаток дня мы были предоставлены сами себе, то-бишь было личное время до отбоя с перерывом на ужин.

*Заместитель начальника училища,
Заслуженный военный летчик,
полковник Захаров Л.Н..*

Правда в этот день случилось и еще одно событие. После обеда на построении капитан Чмут и сказал, что приказом начальника училища мне присвоено звание младший сержант и я назначен командиром первого отделения во-взводе . Я не знал как к этому относиться. С одной стороны было приятно получить звание и должность, все-же мы и шли в армию, чтобы расти в карьерном плане, с другой мне было немного неудобно перед ребятами, а еще были сомнения — спавлюсь-ли. Ведь с должностью пришла и ответственность за таких-же как и я ребят. А еще надо было требовать от них выполнения армейского уклада жизни. И я не знал как они отнесутся к этому. Но, как показала потом жизнь, все сложилось хорошо. Ребята все прекрасно понимали, да и физическая подготовка играла не последнюю роль, чтобы не случалось возражений. Правда силой никогда не хвастал, да и не было в этом необходимости. Все отношения в нашей курсантской среде строились так, как они строятся в семье. Теперь весь наш курсантский коллектив стал семьей для каждого, а командиры рот были для нас и папа. и мама. С этого дня они нам и помогали, и утешали, и требовали, и наказывали, и защищали, если это надо было.

Первый курс

Теперь, после принятия присяги, мы стали полноправными курсантами первого

курса АВВАКУЛ. Пока мы ходили строевой и изучали уставы, в учебном отделе училища кипела работа. Там версталось расписание для учебных групп нашего курса. И так-же, как и в школах, это расписание вывешивалось на первом этаже в холле нового учебного корпуса. Был и старый учебный корпус, трехэтажный, кирпичный, построенный видимо сразу-же после войны. В новом-же было четыре этажа и больше стекла и бетона. В нем были широкие коридоры и большие холлы на каждом этаже. А между корпусами была разбита аллея, в которой стояли на пьедесталах бюсты Героев Советского Союза, окончивших Армавирское училище. В середине аллеи был небольшой круглый фонтан в центре которого на камнях в виде альпийской горки была установлена фигура девушки с платком в руке и маленький самолетик. Когда фонтан запускали, то самолетик как-бы летал по кругу над девушкой, а с ним крутилась и девушка, махавшая платком этому самолетику. Конечно, это был не шедевр фонтанного искусства, но эта композиция была настолько близка молодым здоровым юношам, решившим связать свою жизнь с небом, что стала одним из символов училища. В самом парке росли плакучие ивы и каштаны. Стояли садовые скамейки, на которых мы иногда, когда выпадала свободная минута, отдыхали.

Наш взвод после принятия присяги.

Столкнулись мы сразу-же с новыми для нас предметами: аэродинамика, термогазодинамика (в курсантском просторечии ТГД), самолетовождение (СВЖ), метеорология, конструкция самолета и двигателя (СД), авиационное оборудование, радиозлектронное оборудование, системы автоматического управления, системы жизнедеятельности и спасения. Но были и знакомые для нас

предметы: математика, физика, иностранный язык. Правда математика и физика уже были высшие: курс высшей математики и курс высшей физики.

А еще была кафедра научного коммунизма, на которой нам предстояло заниматься все четыре года и сдавать государственный экзамен. Сейчас такие знания вызывают двоякое толкование в современной России, но тогда они были обязательны. Мы тогда еще не могли предположить, что в 1975-м году выпускник нашего училища перелетит на самом современном самолете на то время МиГ-25 в Японию и, что экзамены по научному коммунизму будут самыми трудными для нашего выпуска, так как придет принимать их комиссия из военного отдела ЦК КПСС. Но все это будет потом, а сейчас мы не загадывали наперед.

Занимались мы в обоих корпусах поочередно. Кафедры физики, математики, иностранного языка, радиоэлектроники и конечно-же научного коммунизма находились в старом корпусе. А кафедры конструкции самолета и двигателя, термогазодинамики, аэродинамики, метеорологии были размещены в новом корпусе. Классы для самоподготовки были распределены между курсами: у первого курса они были в старом корпусе, а у старших курсов в новом. Передвижение на занятия и в казарму было только строем. А в понедельник утром начало учебной недели начиналось торжественным разводом под музыку строевых маршей в исполнении училищного духового оркестра. На начало движения команду отдавал комбат, а потом с замполитом батальона и помощником по комсомольской работе шли кратчайшим путем к старому корпусу и там принимали парад. Эта традиция сохранилась до выпуска.

Конечно мы были молодые ребята, в которых еще бурлило желание похулиганить, да и монотонное марширование каждое утро надоедало. Возникло желание «привнести разнообразия», но чтобы это не выглядело хулиганством. Я как-то вспомнил рассказ отца о том, как у него на марше размоталась обмотка, а он этого не заметил и сзади идущий наступил на этот размотавшийся конец. Отец упал, а на него посыпались сзади идущие. Был смех на весь взвод. Напротив входа в старый корпус был канализационный колодец, который сантиметров на пять выступал над асфальтом. Я подговорил ребят в первой шеренге и мы на подходе к этому колодцу начинали постепенно принимать влево на него. Первая шеренга и вторая перешагивали крышку колодца, а с третьей начинали падать. И все это было в пяти метрах от комбата, который стоял как раз на против этого колодца. Кто-то ржал, те кто упал возмущались на направляющих, но мы сохраняли серьезный вид или делали недоуменное лицо. Но, на второй раз комбат понял в чем дело. Он не стал наказывать нас, отправил вокруг аллеи на повторный заход. Два взвода нашей роты пошли в учебные корпуса, а мы торжественно маршировали еще раз. Перекурить перед занятиями ребята уже не успевали.

Уже в сентябре мы узнали, что начнем летать с первого курса. Роту поделают на два потока, из которых первый поток, а это пол-роты, поедет на полеты после первой сессии, а второй поток поедет после сдачи экзаменов за вторую сессию. Невозможно передать нашу радость и наше нетерпение побыстрее начать летать! Вот оно, уже скоро и мы поднимемся в небо на реактивном истребителе! Еще нам сказали, что это эксперимент. И получалось, что наш выпуск должен был стать 13-м, да еще и экспериментальным выпуском летчиков-инженеров АВВАКУЛ. Поэтому к учебе мы относились очень серьезно. Было трудно, особенно в понимании новых предметов, но учили.

Уже потом, когда летал на МиГ-17 в Майкопе, я понял, что выучить - это еще не все. Главное чтобы эти знания стали твоей психологией, образом мышления. По-другому у летчиков не должно быть. Ибо в воздухе в сложной обстановке нет времени вспоминать и взвешивать решение. Там мозг, словно компьютер (тогда

этого понятия не было еще) или ЭВМ, которая просчитывает автоматически все варианты и выдает команду на руки. Но это все будет, а сейчас мы учили, зубрили, разбирались, запоминали и воспроизводили в своих ответах.

Почти с первых дней начали изучать термогазодинамику. И для меня начался кошмар! Я никак не мог уловить взаимосвязь между секундными расходами воздуха, степенями сжатия и давления перед турбинами и за ними, на входе в двигатель и на выходе из сопла и т.д. Давалось все это без разжевывания, сжато. Еще к тому-же, я не научился к этому времени быстро конспектировать. Мысль не успевала уложить в логическую цепочку то, что рассказывал преподаватель, а надо было еще и законспектировать. На самоподготовке ребята тоже зубрили ТГД. Пытался запоминать, но видимо у меня так был устроен мозг, что если не пойму взаимосвязи событий и причин, то память не хочет принимать информацию. Видимо в то время еще адаптировался к такому обучению и сам не напряг свои мозги на понимание. Это стало понятно уже потом, в учебном полку.

А сейчас, после трех месяцев изучения ТГД, надо было сдавать экзамен. Это был первый экзамен в училище и не сдать его, значит получить «хвост» на будущее. А с «хвостом» на полеты уже не поедешь. Надо было искать выход! Но что предпринять? Шпаргалки не подходили, так как это было собеседование, оттянуть сдачу тоже не получалось. Тогда я обратился к нашему «энциклопедическому словарю» - Пете Чикову. Петру Федоровичу, так мы его величали, когда хотели подколоть. Петя сразу возразил:

- Я не могу пойти сдавать, я уже сдавал и преподаватель меня знает. На что я ему, не без оснований, по-моему мнению, возразил:

- Не мог преподаватель за такой короткий срок запомнить каждого в лицо из трехсот с лишним человек.

Наш Петр Федорович Чиков.

Будущий лучший командир звена группы Советский войск в Германии.

Петя начал колебаться. Это придало мне уверенности, что мои обоснования имеют под собой реальную почву. Надо добавить, что в зачетках у нас не было

фотографий, как у студентов, поэтому задача решалась легче, чем в гражданском ВУЗе. Я еще немного поднажал и Петро согласился. Он один из немногих, кто ТГД сдал на "отлично", поэтому я не переживал за оценку. Ждать пришлось недолго, через час он вернулся с улыбкой на лице и спросил:

- Четверки хватит?

Хватит-ли мне четверки?! Да это было «выше крыши» для меня. Вот так прошел мой первый экзамен. Но, это было в первый и последний раз. Все остальные экзамены, зачеты, курсовые, я сдавал сам с первого раза. А Петя Чиков не раз удивлял нас своими знаниями. Иногда казалось, что у него память словно промокашка, стоит «разлить» кому-то любую информацию и его память впитывала все без остатка. Любимыми книгами для него были фолианты Курса высшей математики для ВУЗов или Курса физики для ВУЗов. Он их читал, как другие читали Вальтера Скотта или Чехова с Конан Дойлем. Восприятие внешних событий, которые в это время происходили вокруг него, не проникало в его сознание. Его мозг отключался от всего мира и сосредотачивался только на информации из книги. Кстати, не видел никогда, чтобы он читал художественную литературу. А еще его особенностью было то, что он много курил, когда читал. Если сидел в курилке возле казармы, а только там можно было курить, то Петя садился в пол оборота, закидывал ногу на ногу, а книгу клал на лавочку и постоянно дымил. Он докуривал сигарету, а курил он «Приму», до такого состояния, когда окурок уже обжигал пальцы. Тогда он на мгновение отрывался от учебника, доставал новую сигарету, прикуривал от окурка и снова принимался за познание непознанного. Мы удивлялись ему, так как сами по себе сигареты «Прима» были достаточно крепкими. Но в этот момент он не накуривался одной сигаретой, хотя в обычном его состоянии ему, как и всем, кто курил, достаточно было одной выкуренной сигареты. Стоя над ним, когда он читал, невозможно было привлечь к себе внимания, позвав его по имени, он просто отключался от внешнего мира. Его надо было обязательно толкнуть в плечо, чтобы он поднял голову. Была у Пети и еще одна особенность - он был, пожалуй, самым неряшливым во взводе. Подворотничок на кителе пришивал неровно, ремень всегда висел, а оторвавшуюся пуговицу он просовывал в петлю и с обратной стороны крепил спичкой. И так с оторванной пуговицей он мог ходить до тех пор, пока командир отделения или взвода не сделает замечание. Интересно было наблюдать иногда перед отбоем, когда Петя снимал китель. До трех пуговиц могло вот так висеть в петельках на кителе. Расстегивались только верхняя и нижняя пуговицы, остальные так и оставались «застегнутыми» на спички. Но, что удивительно, это не вызывало неприязни к нему как к неряхе. Может просто мы понимали, что люди с таким складом ума и бывают неряхами, это для них даже не второстепенно, а третьестепенно.

Время шло, мы постигали авиационные науки, а врачи училища тем временем следили за нашим здоровьем. В первом полугодии до полетов мы прошли три углубленных медосмотра. Это то-же самое, что ВЛК, только «стоя». Это выражение бытовало в авиации, когда хотели сказать, что ВЛК проходили амбулаторно, а не в стационаре в госпитале. Когда я поступал в училище, у меня вес был 76 килограмм при росте 185 сантиметров. Но учеба и «правильное» питание кашами, которое мы «корректировали» в чепке (это так в армии называли армейские кафе) сочниками с варенцом, дали свои «результаты». Я начал поправляться. В первый углубленный медосмотр моя фигура поправилась до 82,5 килограмм. Через месяц на втором мед. осмотре я имел уже 86,5 килограмм. И тогда мне врач-терапевт сказал:

*Наше первое отделение первого взвода второй роты.
Временно исполняю обязанности командира отделения*

- Если ты еще, дружок, поправишься на пару килограммов, мы тебя спишем. От таких слов меня прошиб холодный пот, внутри словно пустота образовалась. Конечно, я сказал, что больше не наберу лишнего веса. Но моим предположения не суждено было сбыться.... Уже к третьему ВЛК, я набрал еще до 89 килограмм. Контрольное взвешивание я сделала за несколько дней до ВЛК в санчасти училища. Это была уже для меня проблема, которую надо было как-то решать. Была середина ноября, но днем при безветрии солнце все так-же светило ярко, тепла уже было намного меньше. В удобную минуту мы выходили из казармы в курилку и там под косыми лучами солнца наслаждались краснодарской осенней погодой. На родине уже во-всю шли дожди, а у кого-то вперемешку со-снегом. А здесь стояла золотая осень с поспевшими напротив казармы яблоками, которые успешно были собраны курсанты еще задолго до их полного созревания.

Вот в один из таких дней мы с ребятами нашего взвода сидели в курилке. Кто-то курил, а кто-то просто так травил баланду. Я поведал свою проблему. На удивление тут-же наши спортсмены подсказали выход. Володя Толубеев (наш штангист), и Витя Воробьев (борец) научили, как при взвешивании на одном пальце руки подтянуться на поперечине весов, над которой двигали гирию; словно ты из любопытства

заглядываешь на шкалу. Пошли в санчасть, проверили это дело, получилось сбросить 5-6 килограмм. На следующий день проходили ВЛК в лазарете. Когда снимали параметрические данные, немного волновался, но обратной дороги уже не было. Встал на весы и стал заглядывать на шкалу, одновременно

«подтягиваясь» на пальце. Медсестра, наверное ровестница моей мамы, может и видела это, но защелкнула фиксатор весов и сказала второй медсестре:

- Запиши вес восемьдесят четыре пятьсот!

Остальное уже было не страшно для меня. Только терапевт сказал:

- Вот теперь вижу, что вес стабилизировался.

Но я-то знал, что это не так. И мысли постоянно крутились вокруг этой проблемы.

И однажды в курилке наш Сына, или Сынок, как мы легкой руки кого-то из офицеров стали называть Сашу Филипцова, посоветовал начать курить:

- Начнешь курить и перестанешь набирать вес.

Сам он был щуплым, маленьким, словно подросток. Я попробовал покурить, но сразу-же стало муторно и в голове «зашумело». Потом через несколько часов попробовал еще раз, уже сигарету докурил до половины и выбросил, опять стало нехорошо внутри. А потом привык. Так вот и стал курить. Это сейчас уже понимаю, что это был период, когда шла перенастройка организма и вес все равно вернулся-бы к норме, но тогда никто мне об это не сказал. Уже через несколько месяцев на полетах в Азербайджане я похудел до «абитуриентского» веса.

Армейская жизнь постепенно набирала обороты. Кроме учебы в учебных корпусах мы ходили в караул и прыгали с парашютом, были и увольнения в город. В октябре, когда мы изучили устройство парашюта, порядок его укладки и выполнения прыжков, с нами провели тренажи и в один из дней рано утром мы поехали на прыжки. Накануне мы получили летные комбинезоны, а утром загрузились в крытый «Урал» и поехали за город в поле. Там уже из армавирского полка стараниями парашютно-десантной службы были вывезены парашюты. Мы стали подгонять парашютные системы каждый для себя. Инструкторы проводили инструктаж, а тем временем прилетел и Ан-2 из училищного авиационного транспортного отряда. В подъеме мне предстояло прыгать первым из-за моего веса, поэтому заходил в самолет последним и сидел у самой двери. После взлета на высоте 100 метров выпускающий пристегнул к десантному тросу наши карабины от парашютов. Эти карабины крепились к вытяжным фалам парашютов и принудительно при покидании самолета парашютистом расचेковывали ранец парашюта, стаскивали с него чехол, в который он был упакован. Называлось это принудительным раскрытием. На ручное раскрытие ходили только инструкторы и спортсмены. А летный состав всегда прыгал только на «принудилровку». Правда потом, много позже летчикам, у кого было желание и не менее десяти прыжков, разрешили прыгать на ручное раскрытие. Такие прыжки с парашютом еще называли «на задержку». Но, когда участились случаи гибели летчиков на спортивных куполах, вышел приказ запрещающий летчикам прыгать на спортивных парашютах. А вот на ручное раскрытие можно было прыгать и на «дубах». Так мы называли десантные парашюты из-за их малой маневренности, в частности ПД-47, на котором в этот раз мы прыгали. Это был парашют с квадратной формой купола. В части уже поступал Д-1 с круглой формой купола, которым вообще невозможно было управлять. Можно было развернуться только на подвесной системе, чтобы «набегающую» землю можно было встретить ногами, а не задним местом.

Самолет набрал высоту в тысячу метров и инструктор дал команду двоим крайним встать. Я и еще один курсант (сейчас уже не помню, кто это был, но по моему это был Валера Буданов) встали. Выпускающий проверил еще раз ранец парашюта и после выхода на боевой курс, открыл дверь самолета.

Я забыл сказать, что до этого был пристрелочный «прыжок» «Ивана Ивановича». Так у парашютистов называют набитый опилками мешок, прикрепленный к пристрелочному парашюту, который по размеру меньше настоящего. Но скорость снижения у него такая-же 4-5 метров в секунду. Это

необходимо для расчета точки выброски штурману экипажа. Мы стояли у открытой двери Ан-2, а инструктор, высунув голову за обрез дверей, уточнять место выброски. Открывшийся вид земли в утренней дымке внизу далеко под самолетом подействовал, как и следовало ожидать, - ноги немного стали ватными. Когда самолет подошел к точке выброски, прозвучала команда «Пошел!» и мы друг за другом покинули борт. Кто-то закрывал глаза при прыжке, кто-то кричал, подбадривая себя, а у меня глаза раскрылись полностью, а дыхание «сперло». Но мысленно я отсчитал: «222, 223, 224»; и посмотрел вверх на купол. Купол уже наполнялся потоком, а я ощутил мягкий рывок, словно задом приземлился на подушку. Быстро стащил чехлы на стропах и стал осматриваться, куда меня несло воздушным потоком. Утром, как правило, ветер был минимальный, поэтому смещение на крест было небольшим. Я огляделся вокруг и заметил недалеко от себя снижающегося Валерку. Было ощущение радости! В дали горизонт закрывала легкая голубоватая дымка, прохладный чистый воздух слегка обдувал лицо, а душа пела! А снизу с земли уже в мегафон (в армии его называли «матюгальником») кричали:

- Заправиться на подвесной системе! - это значит сесть поглубже на нее, - Развернись лицом по-ветру! Подогни ноги перед приземлением! Колени вместе держи! Подошвы ног параллельно земле!

Паращют ПД-47

Все эти действия мы неоднократно отрабатывали на тренаже в парашютном классе, но сейчас лишнее напоминание не помешало, находясь в эйфорическом состоянии, курсант мог забыть про эти казалось-бы незначительные моменты и сломать ногу или удариться спиной о землю. А такие травмы не гарантировали уже дальнейшее обучение, тем более, если такое случилось на первом курсе. Мы сжимали колени, согнув немного ноги, чтобы смягчить удар о землю. А она приближалась неумолимо, с постоянной скоростью. И вот ноги встречают эту землю, и ты валишься на бок! Сразу-же надо встать, чтобы инструкторы видели, что с тобой все нормально, и загасить купол парашюта..Я свернул купол с его вершины до строп, связал стропы бесконечным узлом и уложил в парашютную сумку. Приземлился метрах в ста от креста - двух белых полотнища разложенных на земле крестом, потом взвалил сумку через плечо и пошел на «Старт». Там старшему руководителю прыжков доложил:

- Курсант Заднипронец первый парашютный прыжок выполнил!

Все конечно поздравляли друг друга с первым прыжком ребята взяли за руки и за ноги, приподняли, а кто-то запяской ударил о то место, на котором сидят. Это такой ритуал посвящения в парашютисты. И никто этот ритуал не миновал. Появился откуда-то фотоаппарат, мы радостные стали фотографироваться. Сейчас, смотря на фотографии, ощущаю то чувство от первого прыжка, которое всеми нами тогда владело. Было-ли страшно? Наверно немного было страшно, но только перед дверью самолета, когда смотрел в бездну, но я всегда говорил себе: «Раз другие это делают, то я тоже смогу». После прыжков нас всех построили, руководитель прыжков поздравил с первым выполненным прыжком и нам вручили значок парашютиста, на подвеске которого была цифра «1», что означало один прыжок. В последующем в процессе службы цифра эта менялась, сменил и значок на «Инструктора-парашютиста», когда количество прыжков перевалило за двадцать. Но того первого острого ощущения от прыжка в неизвестность уже не было. Был адреналин, радость, но первый прыжок это первый прыжок.

Наверное это было в ноябре, ко-мне приехал папа. Он ездил в командировку на юг на машине и завернул ко-мне в училище. Дневальный сообщил, что позвонили с КПП, там меня ждут. Я вначале не мог предположить кто-бы мог быть, даже не подумал, что отец может заехать. Но, чем ближе подходил к КПП, тем все больше росла уверенность, что это отец. И действительно за турникетом стоял он и улыбался. Он заехал ненадолго, поэтому хоть и дали мне увольнительную до вечера, мы с ним побыли всего часа два вместе. Он повел меня в кафе, где мы пообедали. Я рассказывал об учебе, а он о маме, Наташе, соседях по дому. На прощание он дал мне немного денег и нагрузил фруктами, которые мы ели всем отделением. Потом за все остальное время учебы он больше не приезжал. Да и куда было ехать, если мы то летали в Азербайджане, то учились в Армавире, то опять полеты, но уже в Майкопе. Конечно, всегда хотелось увидеть кого-то из семьи, но я больше всего ждал отца. Я понимал, что только он мог случайно заехать в командировке ко-мне.

По дому скучали все, не только я. И все много писали писем. В военторговском магазинчике специально продавали наборы для писем. В него входили конверты и бумага, в верхнем углу которой был незамысловатый вензельчик. Письма писали и в свободное время, и на лекциях, и на самоподготовке. Писали по два-три письма в неделю, родным, друзьям, девушкам. Мы понимали, что, чем больше ты напишешь, тем больше ответов придет тебе. Конечно, никто не жаловался, да и жаловаться было не на что, но это была необходимость общения с тем миром, который мы оставили ради полетов и военной службы. В определенной степени это была тоска, а ее материальным выражением было количество писем, написанных за неделю. С нетерпением мы ждали и ответов из родных мест. Каждый раз проходя мимо тумбочки дневального, бросали взгляд на нее, не появились-ли письма, принесенные каптером Василиной с почты. Но, чаще дневальный сам вручал нам письма, когда мы заходили в казарму после занятий. И если писем было много, то тумбочку вместе с дневальным окружала толпа в нетерпении найти свою весточку из дома. Проще было армавирским ребятам, они по субботам и воскресениям ходили в увольнение домой, если были не в наряде. Или к ним иногда на КПП приходили кто-то из родственников или друзей. Другие тоже ходили в увольнение, но больше в кино или на танцы в городской парк. Я не ходил первое полугодие в увольнения. Не было и желаний, и финансов особо не было. Получали курсанты тогда три рубля пятьдесят копеек, как и солдаты срочной службы. Я-же получал пять рублей, как командир отделения. Но на эти деньги надо было покупать и мыло туалетное, одеколон, зубную пасту, подворотнички, крем для обуви, канцтовары. Того, что нам выдавали по нормам

вещевого довольствия, не хватало на весь месяц. Да и подкармливались иногда в солдатской кафешке, как я уже рассказывал раньше. А еще к тому времени начал курить. Сигареты «Прима» стоили четырнадцать копеек. На месяц надо было минимум пятнадцать пачек. Так, что прибавку за должность я, образно выражаясь, прокуривал. Родители иногда присылали переводы по десять рублей, но не каждый месяц.

*Первый парашютный прыжок выполнен!
Справа от меня Витя Сафаев. Погибнет
на МиГ-23 командиром АЭ в Лодейном поле.*

В город я ходил только в составе патруля. Один офицер из учебного отдела и двое курсантов было в патруле. Маршруты были разные, но больше нравилось дежурить в опорном пункте милиции у танцплощадки в парке. Это было лучше, чем «бить ноги», наворачивая круги по городу. Таких, как я «не любителей увольнения», на первом курсе было достаточно. Если не шли в патруль или наряд, то смотрели телевизор, писали письма, читали книги. Или занимались в спортивном уголке казармы. Вечером в летнем кинотеатре у казармы роты охраны крутили фильмы. Но фильмы в основном были старые, ленты иногда рвались и кинооператор прерывал показ для заправки ленты в кинопроектор.

В ноябре появилась и еще одна дисциплина, это тренажер ТЛ-29. К этому времени мы уже изучили двигатель, авиационное, навигационное и радиооборудование самолета. Изучили кабину. Каждому дали фотографию кабины и мы постоянно тренировались в запоминании расположения приборов и

переключателей. Сдавали зачеты по кабине, рисуя приборную доску и панели управления на память. Посещали тренажер два раза в неделю. Там впервые мы виртуально «поднялись в воздух» в кабине самолета. Перед кабиной был экран, на который проектировалось изображение с телекамеры. А та в свою очередь транслировала это изображение с подвижного стенда, на котором был

Мое строевое отделение.

*Стоят: Ермаков (у окна), Саврасов, Гадючко, Домнин,
не помню, Чернышов, Ткаченко, Филипцов*

расположен миниатюрный аэродром с самолетами, строениями, машинами. В тренажерном комплексе работали летчики-пенсионеры. Они нас учили взлетать и садиться, летать по кругу, в зону на простой пилотаж. За все время не пропустил ни одного посещения тренажера, всегда с нетерпением ждал, когда подойдет моя очередь. К окончанию семестра налет на тренажере составлял в районе 20 часов. Но ходили мы в учебное время, вместо посещения лекций. Поэтому на самоподготовке изучали тот материал, что пропустили, самостоятельно.

Зима пришла как-то неожиданно. Немного прошли дожди и стал выпадать снег, но днем он таял на асфальте и только на траве оставался проплешинами. Воздух был влажным, на асфальте всегда были лужи и постоянно дул ветер. Утром, когда еще не совсем проснулся, надо бежать кросс вместе с ротой. Быстро строились на плацу и с него убегали в темноту, в холод, в сырость. Обратно прибегали разгоряченные, быстро раздевались по пояс в казарме и закалялись в умывальнике холодной водой. Мера эта была вынужденная, не было горячей воды в казармах в то время. И так было каждое утро. Но не помню, чтобы кто-то болел из ребят простудными заболеваниями.

Перед новым годом недели за две навалило снега. Температура крутилась вокруг ноля градусов, снег был липкий и ребята напротив окон казармы под яблонями налепили снежных баб. Были они огромные. У одной сзади выбрали внутри снег и туда можно было заходить, а во-рту сделали дырку и пускали сигаретный дым. Получалось, что снеговик курит. Другого снеговика сделали по форме женщиной с огромным бюстом и фотографировались с ними, ради хохмы положив руку на грудь. Но эти скульптурные изваяния из снега простояли не долго. Кто-то незаметно перенес морковку, которая была носом у снеговика, на нижний ком. Туда, где по аналогии с людьми, должен находиться детородный орган. И было это перед построением на занятия. Две роты ржали на весь плац. А командир батальона, увидев эту, позорящую честь батальона картину, и, понимая,

что «биолога» найти практически невозможно, приказал все «статуи» сломать.

Новый год подошел незаметно. Как мы праздновали его, уже и не помню. Но к празднику все получили посылки. Пришли и мне посылки из дома и из деревни от бабушки. Конечно, в основном были конфеты и разные сладости, но в бабушкиной посылке были еще и шерстяные вязаные носки. Она сама вязала эти носки, специально мне к зиме. Я, конечно, не мог представить, как их буду одевать в сапоги. Тем более, что нам уже выдали теплые байковые портянки, они не давали замерзнуть ногам. Но эти вязаные шерстяные носки я вспоминаю до сих пор и буду помнить до конца своей жизни. Я тогда и не предполагал, как они мне пригодятся.

После Нового года ударили морозы! Для многих ребят это не было неожиданностью, так как большинство было из Сибири и Забайкалья, или из центрального и северного районов Казахстана. А вот для местных это стало большой неожиданностью. В Краснодарском крае морозы крайне редки и если бывают, то небольшие и недолго. Но в том году температура опустилась ниже минус двадцати градусов. В казарме и учебных корпусах температура опустилась тоже. Через несколько дней трубы в казарме замерзли и лопнули. В умывальнике из лопнувших труб набежала вода на пол и образовался маленький каток. Чтобы умыться и почистить зубы и думать было нечего. Теперь умывались и обтирали торс снегом у казармы. Дело в том, что полагаясь на теплую зиму, и то, что в казарме будет более ста пятидесяти человек, командование батальона решило не вставлять вторые рамы в окна, а может и не успело. Но получилось так, как получилось.

Спали в шапках-ушанках. У кого были тренировочные костюмы, одевали их. Вот тогда и пригодились мне бабушкины шерстяные носки. Я одевал их на ночь, чтобы согреть ноги. Мы сдвигали две кровати и спали втроем, накинув с третьей кровати одеяло. Так было теплее, но среднему было неудобно. Хуже всех приходилось дневальным на тумбочке. Они стояли напротив входной двери, от которой тянуло холодом. Когда рота находилась в казарме, то температура немного поднималась, а когда уходили на занятия, то казарма остывала. В учебных корпусах было немногим лучше. Теплее всего было в маленьких аудиториях, на кафедрах физики, математики, английского языка. То есть в старом корпусе. В новом-же корпусе из-за того, что аудитории были большими, приходилось сидеть в шинелях и писать в перчатках. Паста в стержнях иногда застывала, поэтому писали карандашами. Мы согревались только в столовой или в помещении сушилки в казарме. Сушилка служила для сушки сапог, портянок и постиранных вещей. Там было много батарей и температура было за 30 градусов. Само помещение было три метра на четыре. Как-то я зашел туда погреться ночью, будучи дежурным по роте, но там было битком ребят, конечно-же «стариков». Молодежь познавала все «тяготы и лишения» в своих кроватях в остуженной казарме. Парадоксально, но заболевших простудными заболеваниями и в этом случае не было. По крайней мере не могу припомнить такого.

Вспоминается комический случай, связанный с холодом. Как-то Слава Щипицын и Саша Филипцов решили пропустить занятия. А что-бы не мерзнуть абы-где, забрались на чердак старого учебного корпуса. Там стоял расширительный бак отопительной системы здания. Вот они и устроились у этого бака. Тепло и скудность освещения постепенно перевели организм молодых ребят в состояние дремы, а потом и сна. Во-сне Славка зацепил рукой кронштейн клапана наполнения системы, который выдавал команду на автоматическое подключение пополнения системы. Клапан выдал сигнал, что система полна и автомат отключил подкачку горячей воды. В аудиториях и классах температура стала понижаться. Преподаватели сообщили дежурному по учебному корпусу, тот

естественно стал звонить в котельную. Операторы котельной сообщают, что автоматика работает нормально. Дежурному ничего не оставалось делать, как лезть на чердак и смотреть в чем там дело.

Слава Щипицын.

Закончит службу заместителем начальника полигона по авиации.

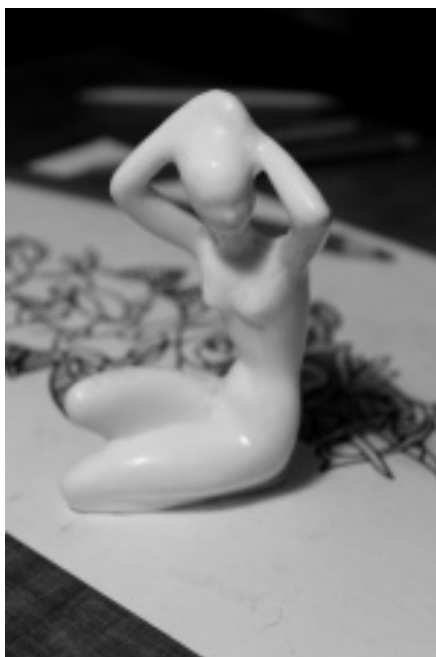
Славка потом рассказывал:

- Мы услышали звук открываемого на чердак люка и увидели появившуюся фигуру дежурного. Быстро стали перебираться за бак, чтобы он нас не увидел. Дежурный услышал шорох на чердаке и закричал дневальному: «Вызывай взвод охраны, здесь шпионы на чердаке!». Прибежали еще офицеры и дневальные из другого корпуса, мы это слышали по топоту ног и разговорам. Дежурный, осмелев немного, опять стал подниматься в люк, доставая из кобуры пистолет. Я четко услышал лязг передернутого затвора пистолета и понял, что патрон уже в патроннике. Мы с Сыной (это было прозвище Сани Филипцова) испугались, что дежурный начнет палить сейчас в темноте в нашу сторону и закричали, чтобы он не стрелял, что мы курсанты и выходим. Итогом этого прогула занятий Щипы и Сына стало двое суток на гауптвахте. По-моему это были первые ласточки училищной гауптвахты из нашего выпуска.

Но с приходом февраля морозы отступили. Вернее уже в третьей декаде января начало теплеть. А в феврале уже сошел снег. 6-го февраля на свой день рождения я сидел в курилке в майке, а солнце уже довольно прилично грело. Казарма загораживала курилку от ветра, поэтому в ней можно было уже в это время сидеть без кителя. Из дома мама прислала посылку, а ребята подарили мне недорогую маленькую скульптурку обнаженной девушки, сидящей видимо на берегу реки. Мне приятно было их внимание, а скульптурку я поставил в тумбочку. Этот подарок я сохранил и по сей день. Удивительно то, что сколько-бы мы с семьей не переезжали, а скульптурка не потерялась и была всегда с нами.

По уровню знаний ребята все были разные. Кто-то учился на отлично, а кто-то переползал с тройками. Много было ребят из национальных республик. Но надо сказать, что все они неплохо учились. Правда были и исключения. Во-взводе у нас учился азербайджанец Камал Гусейнов, вот у него были серьезные проблемы с русским языком. И не столько с разговорным языком (общался он довольно

хорошо и правильно), сколько с грамматикой. Это была его самая большая проблема. Он родом был из Аджикабульского гарнизона, сын портного, который шил форму для всех летчиков гарнизона. Конечно, при поступлении за него замолвили слово и его приняли. Но писать конспекты лекций для него было

Подарок однокурсников на 18-тилетие.

трагедией. За его подготовку взялся командир его отделения Витя Сафаев. Витя был у нас отличником, родом из Ярославля, а родители у него были инженеры и работали на Ярославском шинном заводе, одном из самых крупных в отрасли предприятий того времени. Камал с Виктором сидели и в личное время вечером, и после отбоя в ленинской комнате роты, где представитель Закавказья оттачивал грамматику русского языка. Через пару месяцев это сидение стало давать неплохие результаты. Да и упорство Камала нас поражало и поднимало его авторитет в нашей среде. Потом мы узнали причину его трудолюбия в вопросе изучения грамматики. Оказалось, что он познакомился с девушкой в городе. А так как не часто мы могли ходить за ворота училища в увольнение, он решил общаться с ней посредством писем. Одно из таких писем однажды он оставил неосмотрительно на столе ленкомнаты, когда отошел в туалет. И тут случилось заглянуть в ленкомнату Сане Пыхтину. Он, увидав письмо и прочитав его, не преминул огласит содержание в кубрике:

- Дорогая, Надя, я жду с нетерпением увольнения, чтобы опять встретиться с тобой. Я постоянно думаю о тебе и у меня поднимается настроение и все остальное...

Собственно нового ничего ребята не почерпнули, так как каждый писал письма с признанием, что скучает и ждет встречи, но зацепились за окончание фразы «поднимается настроение и все остальное». Бедный Камал, его этим «все остальным» чуть не довели до слез, всем хотелось услышать от него, что-же это такое все остальное. Конечно, с точки зрения этики это было нехорошо, но такова армейская среда. Найди это письмо кто-то другой, думаю, что ничего не было-бы и о содержании письма никто не узнал. Но Пыхтин был таков, что об этики в своем родном селе он никогда не слышал. Мне он был, честно говоря, неприятен. Длинный, сутулый, часто заискивающийся перед сержантами и с гнильцой. Проучился он с нами недолго, на первом курсе его списали «по нелетной». Это

выглядит парадоксально, но при прохождении летного обучения многие из тех, про кого говорят «с гнильцой», были списаны. Списывали и прекрасных по своим человеческим качествам ребят, и вот их было искренне жаль.

* * *

Как-то быстро и незаметно подошла пора экзаменов за первый семестр. Сдал экзамены и зачеты, разделался с тысячами по английскому языку. Не помню, оставался-ли на каникулы кто-то, кто не сдал экзамены. Может кто-то и был, но всем было не до них, все хотели попасть быстрее домой, на первые каникулы. Все соскучались за пол-года по родителям, друзьям, по родным местам, где выросли. В последний день перед отпуском я загремел в наряд дежурным по роте. Было обидно, что уезжать придется после того, как сдам наряд вечером, но поделаться ничего не мог. Когда рота улеглась, я пошел в бытовку готовить шинель и парадную форму к отпуску. Пришивал новые погоны, отглаживал парадку. Я такой был не один, в бытовку набилось немало ребят, наших «стариков». Кто-то играл потихоньку на гитаре и пел песни, кто-то, как я готовил форму. Миша Кулебякин подрезал шинель. Полы всех шинелей в роте были строго одной высоты от пола 25-30 сантиметров. Миша решил укоротить немного, сантиметров на пять. Надел шинель, взял метр, стоя отмерил расстояние от пола, отметил. Потом сняв шинель, принялся отрезать «лишнее». Когда закончил работу и опять надел шинель, чтобы посмотреть на результат своего портновского мастерства, то мы все, кто был в бытовке, на мгновение замерли с широко раскрытыми глазами от «изумления». А потом на всю бытовку раздался громкий хохот. Шинель превратилась из армейского обмундирования в гражданское пальто, с полами выше колен. Мишка стоял недоуменный – почему-же так получилось? А нас раздирал смех. Мы-то сразу поняли, что, когда он нагнулся вперед, чтобы отметить высоту полы, то она немного опустилась вниз. Но теперь ничего поделаться было нельзя. Шинель нам выдавали на все 4 года. И была она не солдатская, а офицерская. Пришить обратно отрезанный кусок тоже было нельзя, это было-бы еще большим абсурдом. А ведь на памяти у нас уже такие примеры были, когда после получения новых шинелей при переходе на зимнюю форму одежды, некоторые вот так-же укоротили шинели почти до колен, Тогда комбат приказал пришивать отрезанные куски шинелей. Но кто-то уже успел выбросить отрезанное, поэтому отрезали от старых рыжих солдатских шинелей и пришивали. Ночь прошла незаметно, а утром двенадцатого февраля, после подъема и завтрака все стали готовить форму к отпуску. Отпуск начинался с тринадцатого февраля. Документы должны были выдавать в полдень. Спать я не ложился утром, как то было в распорядке дежурного по роте. Не было желания, да и при том гононе и суете в казарме я вряд-ли уснул-бы. Документы выдавали после двенадцати дня, и партиями командиры взводов осматривали форму, инструктировали и отпускали на каникулы. Ко мне подошел командир взвода и сказал, чтобы тоже шел получать документы.

- А кому сдавать дежурство? – недоуменно спросил я.

- Никому. Положите повязки в тумбочку, штык-нож в оружейную комнату, а ключи от нее отдашь командиру роты.

Я так и сделал. А уже через час я был на вокзале «Армавир -1». Там было много ребят, кому надо было ехать на поезде. Многие разъехались на автобусе, кто жил в Краснодарском крае или Ростовской области. В сторону Москвы нас набралось четверо или пять человек. Со мной, ехали Миша Кулебякин с Саней Филипповым. Они из Москвы ехали дальше в Белоруссию. Леша Шутько из Москвы с пересадкой должен был добираться в Мордовию. Билеты мы купили в один

плацкартный вагон в два рядом расположенных купе. В одном купе были мы с Мишкой и Саней, а Леша в соседнем купе расположился. Когда поезд тронулся, я успокоился, нахлынуло чувство удовлетворения и в то-же время нетерпения побыстрее приехать в Москву. С нами в купе ехал модой мужчина лет тридцати. Он был приветлив и дружелюбен. Стал расспрашивать про учебу, говоря, что сам служил в армии и вспоминает те годы с добрым чувством. За разговорами он достал бутылку коньяка, у нас было немного еды с собой, что смогли купить на вокзале. Но он тоже достал кое-что из припасов. Мы распили на пятерых одну бутылку, появилась откуда-то вторая. Распили и ее. И тут сосед предложил пойти в вагон-ресторан.. Мы стали отнекиваться — курсантских денег явно не хватало на ресторан. Но он сказал, что ресторан за его счет. Мы согласились. Не потому, что за чей-то счет была возможность посидеть в ресторане, а потому, что парень приглашал от всей души. Да и душа уже пела и хотелось чего-то того, что было недоступно в училище. Саня Филипцов отказался наотрез и полез на свою верхнюю полку спать.

В ресторане мы сидели до закрытия. Время пролетело незаметно за разговорами. Пошли в свой вагон. В тамбуре нас проводница начала отчитывать, что напоили маленького, а сами ушли. Мы засмеялись, говоря, что он нам ровесник.

- Идите, посмотрите, - предложила она нам.

Когда подошли к нашему купе, и увидели Саню, то смех опять стал накатывать на нас. Саня спал мертвецким сном, раскидав ноги и руки и показывая проходящим мимо купе людям, исподнее армейское белье: нательную рубашку и кальсоны. Мы прикрыли его простыней и улеглись сами. Следующий день прошел в основном у окна поезда. Только на остановках выбегали из вагона покурить, да подышать свежим воздухом. В Москве мы расстались, Саня с Мишкой поехали на Белорусский вокзал, а Алексей поехал на Казанский. Домой я приехал вечером. Никто не ожидал меня, так как я не писал, с какого числа каникулы. Все зависело от результатов сдачи экзаменов, поэтому и не написал когда приеду.

Каникулы пролетели быстро. Встретились с Михаилом, сходили с ним в школу, где нас сразу-же попросили выступить перед учениками. Нам было немного стеснительно выступать, мы-же не какие-то герои, а обыкновенные «военные студенты». Уже потом Лидия Васильевна Смирнова нам рассказывала, что после нас стало много ребят поступать в военные училища.

За день до окончания отпуска я пришел к Царевым домой, чтобы попрощаться с его мамой и сестрой. У них в это время были гости. Не раздеваясь начал прощаться в прихожей, но вдруг из большой комнаты вышел подполковник и сказал, что поступила команда заходить в зал, где сидели гости. Не подчиниться офицеру я не мог, поэтому быстро снял шинель и ботинки и вместе с Михаилом и его мамой проследовал в зал. Там за столом сидел полковник Иванов - командир клинского полка со своей женой и два офицера мне не знакомых. Были и Чекановские Олег Григорьевич с Зоей Дмитриевной. Меня представили, посадили за стол и под тост Иванова за молодое поколение летчиков, выпили по рюмочке. Потом нас с Михаилом заставили петь под гитару, помятуя наши выступления в школе. А после нас за рояль села Элла Александровна и они с Зоей Дмитриевной дуэтом спели арию из какой-то оперы. А после арии последовала шуточная песня американских летчиков времен Второй мировой войны:

«А мы летим, ковыляя во-мгле,
А мы летим, подлетая к земле.
О-о-е!
Бак пробит, хвост горит, но машина летит
На честном слове и на одном крыле...»

Я впервые слышал эту песню, но потом много позже я узнал, что эта была одна из популярнейших песен того времени. Ее в свой репертуар включал и Леонид Утесов. На следующий день, распрощавшись с родными, я поехал в училище. Тоска опять, как и в первые месяцы учебы, поселилась в душе. Но, стоило перешагнуть порог училища, увидеть своих ребят, душевное состояние пришло в норму!

Аджикабул дает путевку в небо!

Из отпуска мы возвращались 26-го февраля. Кто-то приехал днем, кто-то ближе к вечеру, но к двадцати ноль-ноль все были в казарме. Казалось, не виделись две недели, а уже успели соскучиться по общению с друзьями. Все делились впечатлениями, угощали «цивильными» сигаретами. Из Москвы мы привезли «Столичные» и «Яву», которые тогда стоили соответственно сорок и тридцать копеек. Привозили домашнюю выпечку, что на дорогу собирали родные и конфеты. Вечером переоделись опять в повседневку, а парадную форму повесили в каптерку до лучших времен.

На следующий день каптеры стали получать на складах летное обмундирование для тех, кто должен был начать летать с первого курса. Из нашей роты в число

счастливчиков попал наш первый взвод и половина второго. Каждый получал комбинезон, демисезонную куртку, летные ботинки, картодержатель, наколенный планшет, кислородную маску, шлемофон с подшлемником и противоперегрузочный костюм (ППК). Это были собственно брюки, специально сшитые для предотвращения отлива крови в нижнюю часть тела при выполнении сложного пилотажа с большими перегрузками. Во втором взводе ребята решили разыграть Петю Апрускина, довольно доверчивого курсанта. Когда он принес на свою кровать весь набор летного обмундирования, кто-то его спросил:

- А трусы противоперегрузочные ты получил?
- Какие трусы?!
- Противоперегрузочные! ППТ называются.
- А вы-то что не получили?
- Нашего размера нет, завтра Василина должен поменять на складе.

Этого было достаточно, чтобы Петя пошел обратно к каптеру и в ультимативной форме стал требовать от нашего каптура эти трусы. По коридору разносился почти срывающийся на фальцет голос Василены:

- Какие тебе еще трусы нужны?! Ты все получил по накладной!
- Противоперегрузочные, ППТ. Я их не получал...
- Кто тебе такую «ерунду» сказал?!
- Куван с Длинным!

Василина все понял, но отвязаться от Петки было невозможно, он был настойчив. Закрыв с силой дверь каптерки, Василина размашистым шагом двинулся по проходу казармы в сторону второго взвода, приговаривая:

- Два «дятла», дурью мучаются, а мне надо выдавать шмотки! Я им сейчас «хиханьки» устрою!

И уже подходя к расположению второго взвода во-весь голос:

- Где эти два «дятла»?!...

Но по казарме уже стоял громкий ржач, какой только может исходить из более сотни глоток молодых здоровых людей. Смеялись до слез! Кого-то смех скручивал в три погибели. Тогда Василина «остывая» пошел обратно. А Петя, видя, что это был розыгрыш, успокоился и смущенно улыбался. Но обиды на Костю

Куваншкалиева — его зам. ком. Взвода оставалась.

Розыгрыш, «прикол» всегда были сопутствующими элементами при общении в воинской среде. От солдата до генералов, от курсантов до офицеров это была часть армейского бытия. Розыгрыш снимал напряжение, поднимал настроение. Но в этой армейской «забаве» был один нюанс, если человек не понимал розыгрыша и воспринимал его агрессивно и болезненно реагировал, то он становился объектом постоянных розыгрышей и насмешек. Спасение было одно – просто вместе со-всеми посмеяться или отнестись равнодушно. Тогда переставали подкалывать и переключались на кого-то другого. Были розыгрыши и не совсем безобидные, но тогда окружающие это понимали и своим молчанием давали понять тому, кто разыграл, что он поступает некорректно и наносит серьезную обиду. А то и прямо могли сказать об этом.

Как-бы то ни было, подошло время улететь в Аджикабул в учебный полк. Это был полк, который в свое время входил в систему ПВО страны и был укомплектован перехватчиками Як-25, но потом при появлении новой сверхзвуковой техники и повышении возможностей по перехвату новыми сверхзвуковыми комплексами, Аджикабульский и Сальянский полки передали Армавирскому училищу в качестве полков первоначального обучения курсантов. Оба полка переучили на легкие реактивные самолеты Л-29 чехословацкого производства. Это был боевой полк и в свое время он назывался 761 истребительный авиационный Полоцкий орденов Суворова и Кутузова полк. Но после передачи в училище в его названии слово «истребительный», убрали, а добавили «учебный». Большинство летчиков полка тоже были переученные истребители, которые теперь стали инструкторами.

В один из дней за нами в Армавир прилетел Ан-8 клинкового полка, чтобы перевезти всех в учебный полк. Загрузились мы со всем нашим скарбом. С нами летели и офицеры - командиры взводов, приехавшие за нами из полка. Разместились мы в грузовом отсеке, кто-то сидел на откидных сиденьях, кто-то лежал или сидел на расстеленных на полу кабины крыльевых чехлах. Летели мы на высоте 4000 метров. Грузовая кабина на Ан-8 не герметична, поэтому перевозка

личного состава разрешалась не выше этой высоты. Лететь предстояло где-то полтора часа. Стоял монотонный гул от работающих двигателей и меня начало понемногу клонить в сон. Вдруг кто-то из рядом сидящих ребят дернул за рукав и показал на протянутый маленький стакан. Я все понял, «намахнул» вина за удачную посадку, закрываясь от офицеров, которые сидели поодаль. Стаканчик пошел по кругу. Через некоторое время, когда переваливали через Большой Кавказский хребет, самолет набрал высоту пять тысяч пятьсот метров. Дышать стало немного тяжелее – не хватало кислорода. Организм сам через определенные промежутки времени начинал чаще дышать, потом успокаивался, а уже секунд через десять опять все повторялось. Сколько так летели, не знаю, но когда дышать стало легче, то по высотомеру над дверью в гермоотсек увидели, что стали снижаться.

Аджикабул встретил нас небольшим прохладным ветром и сырой погодой, характерной для этого времени года. По небу ветер гнал облака, а нашему взору открылась огромная степь с одной стороны и отроги гор с другой стороны. Мы, со всем нашим скарбом выгрузились на бетонку самолетной стоянки. Было нас 78 человек, ровно половина роты. На стоянке нас ждали тягачи ЗиЛ -131, куда мы загрузили наш скарб и загрузились сами.

Поселили нас в казарму правого крыла здания, в котором находился и штаб. Только штаб был в левом крыле. Помещение было большое и светлое. Кровати стояли в один ярус. Начали располагаться. Получали постельное белье, сдавали в

каптерку привезенное с собой обмундирование и чемоданы. Меня поразило то, что матрацы на кроватях и подушки были не ватные и перьевые соответственно, они были поролоновые. Но спалось на них отлично, а может это усталость от перебазирования в Аджикабул так подействовала.

Утром после физзарядки, утреннего туалета с утренним осмотром, нас повели в летную столовую. Располагалась она в ста метрах за нашим зданием, была небольшой и одноэтажной. Нас встретили официантки и повара, которые с любопытством рассматривали молодых «щеглов», которые теперь по три раза на день будут кормиться в их столовой. Принимали мы пищу в одном зале с инструкторами, но в другое время, чем они. Блюда, приготавливаемые в столовой, были одинаковыми и для нас, и для них. Но это мы узнали потом, а сейчас надо было спешить - предстояло построение эскадрильи, где нас должны были представить нашим инструкторам и командирам звеньев.

Построение проходило на плацу. Офицеры стояли на правом фланге, а мы, все семьдесят восемь курсантов во главе с командиром роты стояли на левом фланге. Командир полка, полковник Засолкин представил нам нашего командира эскадрильи подполковника Чунова Вячеслава Ивановича. Затем начальник штаба полка подполковник Солодов стал зачитывать фамилии инструкторов и тех курсантов, кто попал в летную группу к этому инструктору. Я оказался в звене капитана Мыздрикова Юрия Николаевича и в летной группе капитана Линского Василия Ивановича.

Началась наземная подготовка к полетам. В основном она включала в себя изучение района полетов. Прежде всего, мы склеили карты района полетов. Потом наносили на них аэродромы - наш и запасные аэродромы. Рисовали пилотажные зоны и маршруты полетов. Потом заучивали на память район полетов. Начинали с зон, запоминали в зонах расположение ориентиров и рельефа местности, а потом рисовали на память все это на чистом листе бумаги. После того переходили к маршрутам, рисовали уже весь район полетов по памяти. Это было сложно, но крайне необходимо в случае потери ориентировки в районе. Учили на память не только ограничительные пеленги зон, расстояния до них и курсы полетов в зоны, но и все этапы всех маршрутов, данные всех запасных аэродромов. Хотя в накаленном планшете все это тоже должно было быть, но в воздухе, как показала потом практика, иногда нет времени посмотреть лишний раз в планшет.

Настал день предварительной подготовки. В первый летный день я не летал, уже и не знаю почему, возможно был в наряде. Но вторую летную смену мне запланировали пять полетов по упражнению N 1. Это был ознакомительный полет по большому кругу. 26-го марта 1973-го года я впервые сел в кабину Л-29. Во второй кабине сидел мой инструктор капитан Линский. По СПУ (самолетное переговорное устройство) он дал команду на запуск после разрешения руководителя полетов. Надо сказать, что в первых полетах радиосвязь вел инструктор, а уже в последующих работали курсанты сами. Произвели запуск, вырулили со-стоянки на рулежную дорожку (РД). От выруливания и занятия исполнительного старта на полосе Василий Иванович по СПУ подсказывал мне, собственно с этого и началось практическое обучение. Правильно вырулить со-стоянки тоже надо уметь; не раз потом наблюдал случаи, когда в торопях летчики не успевали убрать тягу двигателя перед разворотом после страгивания, и техники от реактивной струи кубарем летели в сторону. Говорил инструктор не громко, спокойно на одной ноте, что придавало уверенности. Забегая вперед, скажу, что Василий Иванович никогда не повышал голос на курсантов. Самое его обидное было:

- Ну, что-же ты? Зачем так делал?

Или:

- А вот так не надо было делать!

Он ни разу никого не оскорбил, не унизил. Ко-всем курсантам относился ровно,

*Мой первый командир звена.
капитан Мыздриков Юрий Николаевич.*

Мой первый инструктор майор Линский Василий Иванович (слева)

по-отцовски не выделяя никого из группы. Возможно, в душе он и отдавал кому-то предпочтение, но внешне это никак не проявлялось.

На исполнительном старте он только и сказал:

- Держись мягко за управление. Педали и ручку не зажимай. И следи за тем как будет проектироваться горизонт относительно частей фонаря кабины.

В период наземной подготовке мы изучали по фотографиям в разработках, как

должен проектироваться горизонт при подъеме носового колеса, но то на фото, а тут вживую. Да еще надо следить за направлением движения самолета по взлетной полосе, стараясь не уклоняться от осевой разметки. Самолет набрал скорость, Линский взял ручку управления на себя, создавая угол атаки, и через несколько секунд мы оторвались от полосы. Самолет плавно набирал высоту, а меня распирало чувство счастья. Я не знал куда смотреть: толи на приборы, толи по сторонам. Обзор открывался удивительный, ведь над тобой находился прозрачный фонарь кабины, а не маленький круглый иллюминатор пассажирского лайнера. Конечно, в первом полете мне было не совсем до запоминания действий органами управления. Я купался в своем счастье. Уже при заходе на посадку я стал вникать в управление самолетом. Василий Иванович постоянно объяснял, как отклонения РУ влияют на поведением самолета. Здесь не было уже формул и выводов аэродинамики, здесь был простой понятный язык:

- Вот смотри, подходим к высоте начала выравнивания. Вот она! Плавненько берем ручку на себя и переводим самолет в горизонт. А взгляд переносим влево и вперед. Вот самолет начинает подходить к земле, увеличиваем плавненько уголок. И вот оно касание! А носовое колесо держим-держим. Вот скорость упала и колесо опустилось.

Начинать выравнивать самолет на посадке надо было на 6-7 метрах и это было самое сложное вначале – определить эту высоту визуально, когда самолет на большой скорости подходит к земле. Собственно эта высота, а по-сути неспособность определения этой высоты и стало камнем преткновения для многих. Именно по этой причине было списано немало ребят.

«Плавненько», «ровненько», «легонько», «помягче», «аккуратненько» было отличительной чертой Линского. Во-всяком случае, из всех инструкторов, с кем мне приходилось летать, он, да еще пожалуй Ковалев Геннадий Федорович рассказывали о технологии полета в такой терминологии. Инструкторы ведь тоже по характеру были разные, как и курсанты. И подход к обучению у них у каждого был свой, особенный.

Мне было запланировано в эту летную смену 5 полетов по первому упражнению. И в каждом полете постепенно инструктор давал мне все больше управления, держась мягко за РУ. Постепенно у меня начинало получаться что-то. Конечно, быстрее получилось держать в горизонтальном полете самолет, затем развороты и снижение. Посложнее было выдерживать режимы и глиссаду на снижении на посадочном курсе. Ну, а над самой посадкой работали еще достаточное количество полетов потом. Два этапа в летной работе являются самыми сложными, это взлет и посадка. Сложны они тем, что время на обнаружение ошибки, ее анализ и исправление ограничено. И чем ближе к земле, тем времени все меньше и меньше. Ну, а у земли все это должно быть одномоментно. Естественно понимание всего этого придет потом, с налетом. Придет и опыт, и анализ, и грамотное исправление ошибок. Но самое главное придет аналитическое мышление для исключения ошибок в зависимости от ситуации, что предотвратит возможные нехорошие последствия.

В течении трех недель нас учили инструкторы не только летать, но и исправлять ошибки. Даже было упражнение, когда инструктор вводил ошибку при пилотировании, а курсант должен был ее своевременно и грамотно исправить. Летали по кругам и в зону. В зоне отрабатывали снижение с выпущенными шасси и закрылками, развороты. Планировали мне в среднем 4-5 полетов в смену. Как-то незаметно приблизился день самостоятельного вылета. Накануне дня самостоятельного вылета аж девять полетов спланировали! Я сбегал в солдатское кафе к тете Маше и купил несколько пачек «Казбека». Существовала такая традиция - после самостоятельного вылета угощать всех папиросами «Казбек».

Видимо она родилась еще в довоенное время, когда эти папиросы считались лучшим табачным изделием в стране. Мне они не нравились из-за кислого привкуса во рту когда куришь. Но традиция есть традиция! Накупил десять пачек «Казбека» с надеждой, что вылечу с первого раза. Бывали случаи, когда курсанты не вылетали с первого раза. И на то было много причин, главной из которых это волнение. Стараясь в контрольном полете выполнить как никогда чисто полет, ребята из-за волнения допускали ошибки, концентрируя внимание на одном - двух элементах.

И вот настало 20 апреля 1973-го года. Погода в этот день была изумительной! На небе не было ни облачка, по горизонту стояла легкая голубая дымка от поднимающихся испарений проснувшейся после зимы земли. И дул легкий теплый ветерок. Запланировали мне на этот день 7 полетов: пять контрольных и два самостоятельных. Первые два полета я выполнял с командиром звена капитаном Мыздриковым. А на допуск самостоятельно я должен был лететь с командиром полка Засолкиным. Василий Иванович Линский мне только и сказал перед полетами:

- Ничего не выдумывай, не волнуйся. Пилотируй так, как ты пилотировал со мной.

Оба полета я выполнил не плохо, допустил две небольшие ошибки - набрал высоту на 20 метров больше и на посадке было мало поднято носовое колесо. Линский ждал нас уже на стоянке. И в глазах у него был только один вопрос к Мыздрикову: «Ну как, справится?». Сам он не сомневался, иначе-бы не представил меня на выпуск, но что скажет командир звена?

- Нормально, пусть летит. Были небольшие шероховатости, но к вылету готов. Перед вылетом с командиром полка мы выстроились все трое у самолета и командир звена доложил:

- Товарищ полковник, курсант Заднипранец представляется на допуск к первому самостоятельному полету!

Засолкин только и сказал:

- Ну что-же, садись в кабину и полетели.

Внутренне я был напряжен, но заняв место в кабине, немного успокоился. Я предполагал, что допуск к самостоятельному вылету будет давать мне не командир звена. Думал что замкомэск или командир АЭ, но чтобы выпускал сам «батя», я и не предполагал. Запустили двигатель, а дальше, как учил инструктор. Самое трудное было выдержать спокойствие на протяжении этих трех полетов.

Як-25 на постаменте у КПП полка. Полк был боевым и летал на них до переучивания на Л-29 и передачи полка Армавирскому ВВАКУЛ.

Все равно волнение совсем не покидало меня. Один раз полковник Засолкин спокойно подсказал мне за какую-то незначительную ошибку, а так все полеты молчал. Отлетали три полета «с конвейера». Это когда после посадки опять дается полный газ и уходишь на взлет. Это сокращало время между полетами и позволяло больше полетов запланировать на один самолет. Уже заруливая на стоянку, я видел немой вопрос на лицах Линского и Мыздрикова: «Ну как?» Я быстро вылез из кабины и повернулся к уже почти спустившемуся со стремянки командиру полка:

Товарищ полковник, разрешите получить замечания!- отрапортовал командир звена.

- Нормально, пусть летит сам, - ответил Засолкин.

Командир 761-го учебного авиационного Полоцкого орденов Суворова и Кутузова полка полковник Засолкин.

Ждать долго не пришлось, был подготовлен этот-же самолет. Как жаль, что не помним в старости номера своих самолетов, на которых выполняли свой первый самостоятельный. Привязные ремни в задней кабине техник самолета закрепил в замке, чтобы не болтались по кабине, и я занял свое место в передней.

- «Ловать»-старт, триста восемьдесят седьмому запуск самостоятельно!

- 387-й, запускайте.

- 387-й запустил, вырулить.

Вывел обороты и спокойно вырулил со-стоянки. «Спокойно» это только внешне, а в душе стояло ликование: «Я сам, я один!» и волнение. Занял исполнительный старт на полосе:

- 387-й к взлету готов!

- Взлетайте.

Вывел полностью обороты и отпустил тормоза, чтобы разбежавшись, подняться в

небо, но уже в этот раз самостоятельно! Летел по кругу и как будто все открывал для себя заново – в душе было столько радости, что я в тот миг готов был любить весь мир! После посадки проруливание по магистральной рулежной дорожке (РД). Это руление необходимо было, чтобы курсант «остыл» после своих эмоций первого самостоятельного полета. И вот когда я свернул на боковую РД, то почувствовал, что кто-то пытается слегка двигать педалями. Кто это может быть, если я один в кабине?! Засомневавшись на секунду я, повернул голову назад, но там никого не было! И тогда я все понял, это порывы ветра били о руль направления на киле, а его движение передавалось через тяги на педали. Улыбка наверно появилась на моем лице, так как самому смешно стало, что не догадался сразу и позволил усомниться. И опять : «387-й на исполнительный». Взлет, полет, посадка. На стоянке уже ждал техник и ребята. Расписался в бортовом журнале, что замечаний к авиатехнике нет. Подошли ребята из группы, кто был не в воздухе, поздравлять. Поздравили инструктор, и командиром звена. Это была такая традиция, что после первого самостоятельного вылета курсант целовал пневматик переднего колеса. Потом ужена старте (беседка, примыкавшая к зданию, где находились ИПУ - инженерный пункт управления, доктор и столовая) раздавал «Казбек» всем присутствующим. В это время, когда начинались самостоятельные вылеты у курсантов, на столе на старте всегда лежали пачки папирос.

Думаю понятно с каким настроением возвращались курсанты в казарму, выполнив первый самостоятельный вылет. Это был период, когда все мы радовались не только своим успехам, но и за товарищей. Наша эскадрилья, как я уже упомянул, была очень большой – 78 человек. Поэтому нас в полку прозвали китайской эскадрильей. Второй курс летал в Сангачалах. Период самостоятельных вылетов растянулся на месяц. Не все ребята вылетали после минимума программы, много было тех, кто взял полторы, а то и две вывозные программы. Это зависело от множества факторов, это и опыт инструкторов, способность к летному обучению курсантов, и еще много-много разных факторов. Но, были и такие, кто не вылетел самостоятельно... Это была для каждого из них личная трагедия. Мы, кто уже вылетел самостоятельно, выдели лица ребят, кого списывали «по нелетной». Нет, слез не было, они держались мужиками, но в глазах стояла горечь от утраты возможности заниматься делом, к которому стремились все последние годы. Не такая была-бы боль, если-б списали еще до того, как поднялись в воздух. Но, когда уже не один полет сделан, пусть даже и с инструктором; когда пацан вкусил радость от возможности парить над матушкой-землей, видеть далеко вперед линию горизонта подернутую голубой дымкой... Это трагедия! Это было тяжело переносить и инструкторам, которые обучали ребят. Каждый такой курсант для инструктора еще один рубец на сердце. Инструкторы тоже были мальчишками когда -то и понимали душевные мучения этих ребят. Но так было надо. Лучше пусть сейчас переболит в душе, чем мальчишка разобьется потом. И все инструкторы рано седили, переживая за ребят, которые пусть и ненадолго, становились их авиационными сыновьями.

Я ничего не сказал о техническом составе полка. Эта категория авиационных людей, которая чаще всего остается в тени. И незаслуженно! В мороз и в жару, в дождь и в снег, они обслуживают самолеты, готовят к полету. И разверзлись небеса над ними, они все равно будут готовить самолет к вылету. Это в подавляющем своем большинстве скромные, старающиеся держаться в тени, не выпячивающие грудь специалисты. Техниками у нас в учебных полках были солдаты срочной службы, вернее - младшие сержанты. Все они после призыва заканчивали шестимесячные курсы школы младших авиаспециалистов (ШМАС) и распределялись по учебным полкам. Это были почти наши ровесники, может года на два постарше. Жили они в казарме, которая находилась на втором этаже, над

нашим спальным помещением. Техниками звеньев были уже офицеры. У нас с ними сложились прекрасные отношения, мы не «разводили понты», что мы летчики, а они – что были старше нас. Мы помогали им заправлять самолеты, а они помогали нам одевать парашютную систему в кабине, контролировали запуск, газовку самолета, закрытие и герметизацию кабины. И как испокон веков сложилось, ждали нашего возвращения на землю. Иногда устраивали соревнования по волейболу с ними, делились новостями из дома. Среди них мы находили и земляков. Мы ощущали себя одной семьей. Иногда подшучивали над ними, собственно так-же, как и они над нами.

Центральная заправочная стоянка (ЦЗС)

В военном коллективе, состоящем сплошь из мужиков, жизнь не может протекать однообразно. Всегда найдутся такие, кто привносит разнообразие в обыденность. Так было и в один из летных дней, когда мы возвращались после первой смены полетов в казарму. Когда мы зашли в помещение, где стоял дневальный и находилась каптерка эскадрильи, то увидели, что стена, отделяющая это помещение от спального, заново заштукатурена. Это вызвало вопросы. Тогда дежурная смена стала рассказывать, что после нашего отъезда на полеты, решили протопить помещение, так как было прохладно. Начали разжигать газовую печь, что стояла в спальном помещении, но газа почему-то не было. Тогда дежурный приказал дневальному открыть кран на улице. Дневальный побежал открывать. Сколько времени прошло точно никто не помнит. Но, дневальный перекурил на улице и пришел.

- Ты газ-то открыл?! – дежурный к нему.

- Да, сразу-же!

Дежурный кинулся к печке и горящую бумагу сунул внутрь, к форсункам. И тут раздался взрыв! Чугунную печку разорвало на две половинки, из которых она была собрана. А так как она стояла рядом со-стеной, то одной половинкой ударило об стену так, что осыпалась вся штукатурка, как со-стороны печки, так и с другой стороны стены. Вторую половинку забросило на другой конец спального помещения. Взрыв естественно услышали и в штабе полка. Прибежал начальник штаба подполковник Солодов и командир взвода. Видя такую картину и получив объяснения от дежурного, дали команду, чтобы к приезду эскадрильи с полетов, все было заштукатурено! К нашему приезду с аэродрома печь уже стояла на месте, скрепленная новыми болтами, стен заштукатурены, а старая штукатурка была вынесена и полы вымыты. Как тогда никто не пострадал при взрыве, непонятно. Только у дежурного немного опалило волосы и ресницы.

Случился как-то нехороший случай и со-мной. Вернее случился он с Петей Чиковым, но при моем непосредственном участии. Приехали мы однажды с полетов после первой смены. В тот день мне запланировали полетов, что называется, «под завязку». Желание было одно: быстрее-бы переодеться и сполоснуться в душе, а потом на обед. Когда вошел в казарму, Петя Чиков, а он в это время стоял на тумбочке дневальным, вдруг выхватил из ножен штык-нож и сделал выпад в мою сторону, стараясь напугать.

- Петя отстань, не до тебя мне!

Петя повторил свой выпад, явно наслаждаясь тем, что я раздражаюсь.

- Петя, я с детства терпеть не могу баловство с ножами.

Мне об этом напоминал шрам на правой руке, когда такое баловство привело меня в поликлинику в деревне, где руку зашивали потом. Но Петю «понесло» и он делает третий выпад. Я машинально, не знаю, как уж это получилось, видимо наука преподавателя с кафедры физподготовки капитана Шагина не пропала даром, бью правой ногой снизу по его руке. Штык-нож вылетает из руки и вращаясь попадает лезвием прямо в район его правой глазницы. Петя схватился за глаз, а из-под пальцев потекла кровь. Он закричал:

- Веди меня в санчасть, ты попал мне в глаз! – и кинулся выбегать из казармы. Я побежал за ним, понимая, что он не видит дороги. А он бежал впереди меня и кричал:

- Держи меня под руку, я не вижу дороги!

Я никак не мог догнать «невидящего» Петю. В санчасть вбежали вдвоем. Врач тут-же усадил в кресло Петю и стал промывать глазницу. Потом, когда кровь перестала идти, спросил:

- Видишь этим глазом?

Петя поморгал немного и сказал:

- Вижу...

Оказывается, острие попало в район слезной железы, не повредив глаз. Бог берег нас тогда - и меня, и Петю. Все обошлось, ранка была небольшая, а синячок был почти незаметен. Петя на обратном пути из санчасти дал мне закурить и закурил сам. Но всю дорогу корил меня:

- Ты-же понимаешь, что я мог остаться без глаза?

На мое оправдание, что Петя сам с ножом баловался, а ударил я самопроизвольно, он не реагировал и считал виновником меня. Но, во-всяком случае, по успокаивающемуся его голосу я понял, что он не держит на меня обиды.

Время летело быстро. Я закончил самостоятельные круги, и перешел к контрольным полетам в зону. Это был не тот пилотаж, что крутил полковник Захаров на приеме нами присяги, это был простой пилотаж, но для нас и это было событием. В десятом классе мы с ребятами и девушками ездили в парк им. Горького в Москве, кататься на американских горках. И тогда я не мог представить что-то еще, более захватывающее для себя. Но американские горки не шли ни в какое сравнение с пилотажем в зоне. Это про ощущения. А вот степень усилий по восприятию информации о параметрах полета, координации действий органами управления, не шло ни в какое сравнение с полетами по кругам. Это было куда как сложнее. Перегрузки еще больше усложняли эту работу. Но это была вершина восторга от выполненного комплекса фигур. Особое место для меня занимали полеты в зону на штопор. Гасили скорость до минимальной (эволютивной), а потом резко давал одну из ног до упора и ручку управления «кляп» на борт в эту-же сторону. Самолет начинал штопорить, земля вращалась перед глазами, как калейдоскоп. После двух витков выводили из штопора. Л-29 был в этом плане удачным самолетом. Если пачи-чаяния курсант случайно в самостоятельном

полете мог сорваться в штопор, то, стоило просто бросить ручку, как самолет сам опускал нос, а потом плавно выходил из штопора. Каждый раз, прилетая на аэродром, мы с инструктором подробно разбирали ошибки на фигурах. Предполетная подготовка всегда начиналась в группе с разбора ошибок каждого в предыдущих полетах. И все ошибки заносили в летную книжку в раздел ошибок и отклонений. В летную книжку записывали и налет по каждому летному дню. Это как-бы был дневник летчика, который он ведет на протяжении всей своей летной жизни. Выполняли контрольные полеты и в зону под шторкой по приборам. Весь контроль пространства и места осуществлялся только по-приборам и запросом своего места у штурмана радиолокационной системы посадки (РСП).

Полет парой

После 20-го марта и до окончания полетов по первой программе на Л-29 прошел всего 21 день. Крайний полет я выполнил 11 мая 1973-го года. В общий сложности налетал я за эти два неполных месяца почти 30 часов и выполнил сто двадцать один полет. Иногда я спрашиваю себя: много это или мало? Для первоначальной подготовки курсанта на первом курсе это очень хороший налет за полтора месяца. Фактически каждую неделю я выполнял в среднем по 20 полетов. И двадцать часов в месяц тоже очень хороший налет. В 1995-м году в мае мне пришлось разговаривать с начальником штаба Московского округа ПВО, коснулись мы и налета у боевых летчиков в то время. Он сказал, что средний налет на одного летчика за пять месяцев составил шесть часов. Я потерял дар речи на мгновение. А потом спросил:

- А как-же боевое дежурство?!

- Дежурят..., - обреченно сказал полковник, - Заступают на дежурство и молят

бога, чтобы не подняли по тревоге...

- Почему?- наивно спросил я.

- Взлететь-то они взлетят, а вот сесть с таким налетом... Гарантии никакой.

Мне больно было слышать такое. И это в авиации, средний налет на летчика в эскадрильи составлял 120 часов в год на истребителях в советское время.

Авиацию убивали, и убивали целенаправленно. Не было керосина, не хватало запчастей, части сокращали, расформировывали гвардейские полки, нарушая тем самым Постановление Верховного совета СССР и Правительства, которое не было отменено на тот момент. Уничтожали элиту Вооруженных сил, Стирала из памяти народа героическое прошлое страны.

Но это будет потом, а сейчас мне делать было нечего. Ребята еще летали, а нас несколько человек болталось без дела. И тут как-то на построении командир эскадрильи спросил: умеет-ли кто печатать фотографии? Я поднял руку, кто-то еще тоже поднял.

- Тогда вы двое поступаете в распоряжение начальника группы КЗА (группа контрольно записывающей аппаратуры). Будете в фотолаборатории печатать методические разработки.

Вот так я попал в фотолабораторию недели на две. Мы печатали и глянцевавали методические разработки по упражнениям «КУЛП иу ПВО» (курс учебно-летней подготовки истребительных училищ ПВО). Но печатали и фотографии с пленок, которые приносили ребята. Вообще-то нас предупреждали, что фотографировать на аэродроме нельзя. Вернее так: фотографировать можно, но так, чтобы не попадал общий план аэродрома с его постройками и бортовые номера самолетов. Потом мы поняли, что это требование осталось еще с тех пор, когда полк был боевым. Но, я старался соблюдать эти требования, во-избежании... Я еще хорошо помнил наказ отца о том, чтобы молчал про деда Ивана, который был репрессирован перед войной. Да собственно мне больше интересны были люди, их выражения лиц, отражение момента в этих выражениях. Делали фотографии и для ребят, и для себя.

Все, кто заканчивал программу, куда-нибудь пристраивались на полезные для полка работы в силу их способностей и аналитического мышления. Получил задание и Петя Чиков. Надо было сделать новый пульт управления для СКП (стартово-командный пункт). В учебном корпусе отвели ему помещение и он принялся дерзать. Выходил оттуда только на прием пищи, так как надо было успеть сделать до отъезда в отпуск. Иногда мы заглядывали к нему поинтересоваться, чем он занимается. Но чаще ребята забегали к нему стрельнуть сигарету. Петя курил больше всех в эскадрильи, поэтому у него сигареты были всегда. В конечном итоге Петьке это дело надоело, да и отвлекали часто от работы, поэтому он закрывался изнутри и молчал, когда кто-то к нему стучался. Постучавшись немного, ребята уходили, предполагая, что Пети там нет. Командир эскадрильи подполковник Чунов тоже переживал за порученное Пете дело. Это задача была полковая, поэтому контроль производства работ Чунов осуществлял иногда лично. И вот в один из дней он зашел проконтролировать Петю. Петя держал дверь теперь всегда закрытой. Чунов подергавши дверь, решил, что Петя там что-то крамольное делает и прильнул к замочной скважине. Петя-же решил тоже посмотреть через замочную скважину кто его допекает опять и увидел с обратной стороны око. Но, так как по радужной оболочке глаза он не смог признать своего командира эскадрильи, то решил избавиться от назойливых «стреляльщиков» сигарет простым способом, он плюнул в замочную скважину. Из-за дверей раздался не просто рык, а рев разгневанного командира! Петя все понял сразу и без лишних вопросов стал лихорадочно открывать дверь. Оказавшись лицом к лицу с нашим отцом-командиром, получил от него

исчерпывающую информацию:

- Трое суток ареста!

Чунова уже перестал интересоваться пультом и он, повернувшись к выходу, пошел в штаб полка. А у Пети возник вопрос, который он чуть позже пытался выяснить у начальника штаба эскадрильи, когда ему убывать на гауптвахту?

- Доделаешь СКП, вот тогда и отсидишь.

Как Петя ни старался, но раньше окончания программы всем составом эскадрильи, доделать СКП не смог. И закончил его только в последний день перед началом отпуска. Я не знаю, сколько он отсидел суток, но сдаётся мне, что на следующий день его освободили из-под ареста и он тоже уехал в свой родной Шахтинск в Ростовской области

Первый летний отпуск и опять учеба.

В отпуск мы уезжали из Аджикабула с чувством нетерпения - побыстрее оказаться в родных краях, и с чувством легкого сожаления, что так быстро закончилась летняя программа первоначального обучения. Мне трудно назвать еще какую-то профессию, где работа приносит такую радость. Мы понимали, что это только начало и наша жизнь теперь будет связана с полетами всегда, но предстоящие пол-года теоретического обучения в училище навевали легкую грусть расставания с летной деятельностью, пусть и ненадолго.

Станция Кази-Магомед названная так в честь азербайджанского революционера представляла собой небольшой перрон с маленьким зданием вокзала. Это было характерно для всех южных регионов страны, как я потом убедился, служа в Казахстане. Железная дорога, по которой ходил пригородный поезд, соединяла южные районы республики с Баку. Кстати, вокзал, не смотря на то, что почти три месяца прожил в Аджикабуле, я видел впервые. Ждали мы поезд не долго. Платформ, как в Подмосковье, не было на перроне, поэтому в вагон мы садились, поднимаясь по ступенькам. Мне это сразу напомнило мои поездки в деревню, там тоже садились в поезд не с платформы и тоже было небольшое здание вокзала. Почему-то в память врезалось впечатление, от самого пейзажа. Линия дороги уходила на запад и пропадала из поля зрения через каких-то метров восемьсот, а на восток через метров пятьсот уходила в подъем. А сразу за железной дорогой поднималось предгорье Кавказского хребта, нависая над маленьким городком.

Электропоезд не был похож на подмосковные электрички, это было изделие еще 50-х годов. Но в вагонах на удивление, было чисто, чего я, честно говоря, не ожидал. Мы расположились в разных вагонах, хотя пассажиров было совсем мало, не как в подмосковных электропоездах. Отъехав немного от станции, поезд степенно стал подниматься на горку, покачиваясь из стороны в сторону. Это легкое покачивание, которое было до самого Баку, успокаивало, настраивало на позитив. Минут через сорок пять мы приехали в столицу Азербайджана. Появился город совсем неожиданно, не было длинных предместий большого города, как в Москве. Из окон электрички я впервые увидел Каспийское море.

С вокзала мы отправились в центральные кассы аэрофлота, которые находились на каком-то проспекте. В одной из касс мы обратились к кассиру - молодой симпатичной, но рано полнеющей азербайджанке, что нам нужны билеты на ближайший самолет на Москву. Презрительно смерив нас взглядом, она бросила через губу

- Билетов нет!

- Вы посмотрите пожалуйста, нам надо два билета, может найдется? - мы с Лешей Шутько вместе собирались добираться до Москвы.

Она отвернулась от нас в пол-оборота и ничего не сказала. Тогда я впервые столкнулся с проявлением азербайджанского национализма, невежества и снобизма по отношению к людям другой национальности. До сих пор стоит в памяти это брезгливо-надменное лицо, в общем-то внешне довольно милой, но рано располневшей, женщины. Потом не раз придется сталкиваться с проявлениями этой надменности азиатов, которых Россия вытасила из средневековья, по отношению к русским. Ну, да ладно, делать было нечего, кроме как ехать в аэропорт и пытаться счастья там. Мы сели на автобус рядом с кассами Аэрофлота и направились в аэропорт. И вдруг через остановку увидели Валерку Буданова, который с довольной улыбкой на лице вышагивал по тротуару в гражданке. Мы крикнули ему через открытое стекло форточки, он, увидев нас, широко заулыбался и «сделал ручкой», давая понять, что и нам надо было догадаться переодеться в гражданку.

В аэропорту, вопреки нашим ожиданиям, мы с Алексеем свободно купили билеты и пошли в зал ожидания. А там уже находилось много наших ребят, летевших по другим направлениям. В зале я увидел Василия Ивановича Линского с семьей, улетавшего тоже в отпуск. Коротали время за разговорами. Тогда кто-то спросил Линского:

- Василий Иванович, а не страшно лететь в качестве пассажира в самолете?

- Честно? Страшновато. Когда я сам за ручкой управления, то знаю, что будет в следующий момент и верю в то, что выйду из любой ситуации. А тут не знаешь, кто там за штурвалом, что он может. Поэтому немного не по-себе мне в гражданском самолете.

Иногда мы с Лехой отходили к остеклению зала, где можно было перекурить (тогда еще разрешали курить в зале ожидания, но рядом с урнами) и посмотреть на стоянку самолетов и летное поле. Было видно, как из накопителей вели пассажиров группами к самолетам на посадку. Увидели и наших ребят, кто улетап в Ульяновск. Они вышли вместе с экипажем из другого прохода, а внизу перед ограждением метался Валера Буданов в гражданке. Потом ребята рассказывали, что попросили экипаж взять их, так как билетов не было в кассах. Командир экипажа разрешил (их было трое) на откидные сидения. А Валера метался у изгороди и кричал:

- Товарищ командир, я тоже курсант, тоже летчик. Ребята, скажите, что я ваш! Конечно, они подкололи вначале Валерку, крикнув, что первый раз видят этого парня. Но тут-же попросили командира экипажа взять Валерку:

- Наш это, в гражданку только переоделся.

В то время иногда командиры воздушных судов, видя безвыходное положение военных, особенно летчиков, брали на борт без билетов. И, что самое любопытное, денег не брали ни копейки. А еще бортпроводницы бесплатно кормили в полете. Отношение к солдатам в то время (а нас не особо отличали от солдат) было как к родным детям. Вообще армию уважали и любили так, как не уважали и не любили ни в одной стране мира.

Через пару часов объявили и наш с Лешкой рейс на Москву. Мы прошли регистрацию и из накопителя нас повели к стоящему недалеко Ил-18. Заняли места в среднем салоне в креслах еще того времени, больших, мягких с мягкими подлокотниками, похожими на домашние кресла. После взлета, когда уже набрали эшелон, погасло табло «No smoking». Это был сигнал всем курильщикам салона! Трудно было отказать себе в удовольствии, сидя в мягком кресле, закурить сигарету, стряхивая пепел в пепельницу в подлокотнике. Это был единственный раз, когда я так свободно курил, не вставая со-своего места. Вскоре курение в салоне запретили при продолжительности полета менее трех часов, а потом и на все время полета, не зависимо от продолжительности. Но курильщики стали

искать способы выкурить сигарету-другую и для этого, как нельзя лучше подходил туалет. Собственно я и сейчас удивляюсь этому глупому запрету, так как воздух постоянно циркулируется и дым, так или иначе, выходит за борт. После беготни за день по жаре меня сморило и я задремал. Леха тоже немного прикорнул. Разбудила нас стюардесса, предлагавшая откинуть столик, чтобы позавтракать. Одним словом мы вкушали простой ненавязчивый советский сервис. Не было ничего лишнего, а обходительность и внимательность стюардесс, не разделявших пассажиров по тому, в каком салоне он летел, были удивительны.

В Москву мы прилетели через три часа. Был уже поздний вечер, а вечерние сумерки уступали место ночным. Вечер был теплый и насыщенный весенними запахами вперемежку с запахами авиационного топлива. Аэропорт сиял огнями. Мы получили багаж, сели в экспресс и тронулись к трем вокзалам. А за окном было буйство майской, умытой вечерним дождем зелени! Это так контрастировало с выгоревшей под южным солнцем природой Куринской низменности, которую мы еще утром озирали в предгорьях. На станции Комсомольская мы с Алексеем расстались. Я сел в электричку на Ленинградском вокзале в один из первых вагонов, в котором уже было полтора десятка человек. Всю дорогу всматривался в темное окно, стараясь увидеть хоть немного из того пейзажа, что я не видел уже год. Мимо проплывали станции и платформы, знакомые с детства, и в душе было тепло – я дома! Вот оно мое Подмосковье с его неповторимым пейзажем. Правда, за окном я не видел этот пейзаж, но я представлял его на протяжении всего пути, он был в памяти у меня навсегда.

Дома не ожидали меня, я не дал телеграммы опять, так как не знал возьму-ли билет на самолет или нет. Как прошел отпуск, помню смутно. В памяти отложилось только то, что разорвал отношения со-своей девушкой, она встречалась с другим парнем уже к тому времени, но мне ничего не говорила. Узнал случайно, когда меня наши ребята из класса затащили на танцы, там я их и увидел. Видимо одноклассники знали эту ситуацию и решили просто открыть мне глаза. Это был единственный раз, когда я попал на танцы в Клину. Весь отпуск прошел в каком-то тумане, а мне не терпелось оказаться опять в казарме с моими однокашниками; в коллективе, который всегда готов был поддержать тебя.

Второй курс

Возвращался из отпуска вместе с Михаилом самолетом в Минводы. Там взяли такси и к 20.00, как предписывалось в отпускном билете, прибыли в училище. В казарме, как и после зимнего отпуска, почти никого не было, за исключением нескольких человек. Кто-то бросив вещи, ушел в город; армавирцы тоже не спешили в расположение. Собрались все к вечерней проверке. После отбоя большинство не ложилось спать, делились друг с другом новостями, ходили курить в туалет. Одним словом восполняли месячный пробел в общении друг с другом. На душе стало спокойно, я опять в своей привычной обстановке — в казарме среди своих товарищей.

В один из дней я зашел к Мишке в роту и предложил сходить в войсковой приемник, поискать земляков. Думал, что может кто из Клина будет, а еще лучше из нашей 16-й школы. Мы подошли к сетке, огораживающей войсковой приемник. За ней несколько ребят занимались уборкой территории. Я спросил есть-ли кто из Московской области?

- Есть! – ответил один из них.
- Откуда?
- Из Красногорска!

Вот так мы познакомились с Володей Садовником. Больше искать не стали, так как у них объявили построение. Потом с Володей несколько раз виделись через забор приемника. А когда его зачислили на первый курс, то уже проблем не было встречаться. Его, как и меня, тоже после курса молодого бойца сделали младшим сержантом. А поддержка старшего курса всегда в училище ценилась. Не потому, что было «стариковство» среди курсантов, его не было вообще. Но определенное уважение было к тем, у кого были земляки на старших курсах. Володя закончит службу начальником отдела авиации погранвойск России, с Золотым орлом в петлице (особый знак ФСБ за отличие в службе).

Занятия начались сразу по-прибытии из отпуска. Не было у нас трехмесячных каникул. Да и расширенная программа летной подготовки не давала времени на отдых. Но теперь я уже подходил более осмысленно к учебе. Да и две нашивки на левом рукаве парадного кителя к этому обязывали. Мы продолжали ходить на тренажер Л-29 в тренажный комплекс. Это позволяло не забывать то, что мы получили в учебном полку. К этому времени меня поставили старшиной учебной группы. Особых тягот это не доставляло, кроме, пожалуй, английского языка. Там надо было докладывать преподавателю на английском, а его-то со школьной скамьи я и недолюбливал. Конечно тексты «тысяч» (количество знаков в тексте) были более техническими, в основном об авиации, самолетах. Поэтому в разговорном языке навыков почти не было.

Лето было в зените, а солнце набрало силу и в аудиториях, несмотря на открытые окна, было душно. Иногда ребята прогуливали занятия, но мне нельзя было, так как я отвечал за всю группу. Но однажды, когда наш поток (пол-роты) примаршировал к учебным корпусам меня окликнул старшина. Я подошел к нему.

- Отдай классный журнал кому-нибудь из сержантов, а мы с тобой сачканем сегодня.

Я был несколько удивлен таким предложением, так как с Валеркой у нас были только ровные служебные отношения. Судя по его «измученному» виду, накануне он был в городе и там «усугубил». Я отдал журнал классного отделения ребятам и мы двинулись в сторону стадиона. Решили пойти на дачные участки за территорией училища. Там всегда было много фруктов и почти не было заборов - можно было спрятаться под яблонями от нестерпимого солнца.

Пробыли мы там до конца занятий. Мне лично было скучно, поэтому я наевшись яблок нудился бездельем. Спать мне не хотелось, а старшину сразу-же сморил сон. Я смотрел, как вокруг бегают ящерицы, а в траве стрекочат кузнечики. Пчелы делали свою работу, собирая нектар и пыльцу с цветков цикория. А прямо над нами в наборе проносились Миг-17, это летал четвертый курс. Мне психологически было немного не по себе: ребята летали, наши слушали лекции в аудиториях, а мы здесь бездельничали. Поэтому было стыдно перед самим собой, а на душе лежал камень. Видимо этот день повлиял на меня так, что потом никогда больше не сбегал с занятий.

Разбудил Валерку, когда до конца занятий оставалось пол-часа. Мы двинулись обратно, в училище. Тропинку то и дело перебегали ящерицы. Размером они были несколько больше, чем те, которых я в детстве ловил в деревне. И вот тут сыграло мое детское любопытство к представителям класса пресмыкающихся подотряда чешуйчатых. Я поймал пару ящериц и посадил их в папку, закрыв молнию, чтобы не выскочили. Я еще не знал, что буду делать с ними, и собирался выпустить их потом в училище. Но решение созрело внезапно, когда Валерка сказал:

- В учебный корпус не пойдем, Бабушкин сам приведет роту в столовую. Пойдем сразу в столовую.

В столовой официантками работали молодые девчонки и я решил показать им этих невзрачных на первый взгляд, но для меня крайне интересных,

пресмыкающихся. Мы поднялись на второй этаж, а там мы завтракали, обедали и ужинали, и сели на стулья рядом с проходом. Девчонки накрывали столовые приборы и разносили бачки с пищей. Я стал расстегивать молнию на папке со словами:

- Девчата посмотрите, что у меня есть!

Двое стали подходить с любопытствующим взглядом, но когда я до конца расстегнул

молнию и открыл папку, то из нее выскочили ящерицы и кинулись убежать между ножками столов и стульев. Я не ожидал такой прыти от них, но больше всего я не ожидал реакции на этих ящериц официанток. Они подняли визг и кинулись на кухню со словами:

- Мы не будем накрывать на столы, пока не переловите ящериц.

Мы с Валеркой вначале смеялись, предполагая, что это просто кокетство с их стороны. Но, когда они все до одной наперебой стали нас называть дураками и отказываться накрывать, мы поняли, что это серьезно. Тем более, что время неумолимо приближалось к обеду, а за распахнутым окном послышался голос Вити Бабушкина «Рота!», а рота перешла на строевой шаг, что предвещало окончание движения по маршруту «учебный корпус – столовая», надо было срочно исправлять положение. Я попытался ловить этих юрких созданий, но среди леса ножек от столов и стульев это было сделать практически невозможно. Тогда я сделал вид, что поймал их, сказав об этом девчонкам. А рота уже поднималась в обеденный зал. Скрепя сердце и совершенно справедливо не доверяя мне, девчонки стали обслуживать столы. Тогда я понял, что одна маленькая необдуманная до конца (не просчитанные последствия) шутка, может привести к большим проблемам.

Учеба учебой, но жизнь в училище складывалась не только из этого. Были и определенные «потрясения» для батальона курсантов. Случилось так, что в сентябре несколько курсантов по очереди попали в лазарет с гонореей. Вначале это замалчивалось (врачебная тайна), но потом, когда поступление курсантов с этим, компрометирующим честь и достоинство будущих истребителей-перехватчиков заболеванием не прекратилось, командование училища решило предпринять радикальные меры. Какие в таких случаях можно предпринять меры в среде здоровых молодых людей перешагнувших восемнадцатилетний возраст? Увольнение не запретишь, контакты с «внешним миром» никак не ограничишь – забор не был достаточной преградой для самоходчиков. Да и был он только с фасада, а в сторону кладбища и автовокзала никаких препятствий. Тогда руководство училища послало в батальон заслуженного и глубоко всем курсантским составом уважаемого заместителя начальника училища, полковника Захарова. Построение было пред казармой на плацу. Кроме Захарова было и все руководство батальона в полном составе. Сейчас не могу привести дословно речь полковника Захарова, с которой он эмоционально выступил перед всем личным составом, но примерно сказал такое:

- Товарищи курсанты! Мне поручено руководством училища провести с вами разъяснительную беседу. Дело в том, что последнее время несколько курсантов положили в лазарет со всем известной болезнью – «наварили на конец»! – Видимо научные названия данной болезни вирусного происхождения были не произносимы для него.

- Мне поручено провести с вами воспитательную беседу по этому вопросу! Далее, не выдержав внутреннего напряжения оттого, что не врачам, а ему предстояло разъяснять курсантам губительные последствия данного заболевания, он со-всей искренностью продолжил, повысив голос до нот возмущения:

- Я понимаю, что все здесь здоровые мужики! Ну «зачесался» конец, выйди на

бетонку (аэродрома), достань и почешу его о бетонку!!!

На этом воспитательная работа с его стороны была закончена. Потом последовательно на протяжении некоторого периода начались профилактические работы в этом вопросе с курсантской средой. Нам читали лекции врачи лазарета о венерических заболеваниях, а секретарь комитета ВЛКСМ батальона по согласованию с замполитом устроил экскурсию на Армавирский завод резино-технических изделий (РТИ) в цех, где выпускали презервативы. Это должно было подвигнуть курсантов, по мнению руководства, пользоваться средствами, предохраняющими от венерических заболеваний. Интересная была реакция женщин, работавших на РТИ, когда группа экскурсантов из училища проходила по цехам:

- Ребята, берите сколько хотите! Не стесняйтесь! – и по цеху проносился женский смех, который совершенно справедливо вводил в краску юношей.

Стали организовывать встречи с учащимися техникумов, училищ и педагогического института, где преимущественно учились девушки, полагая, что такие знакомства лучше уличных. И как не странно, заболевания пошли на убыль. Видимо усилия руководства училища в этом вопросе не пропали даром.

Но «беда» не ходит в одиночку. И эта аксиома, как никогда, проявилась уже через пару месяцев - батальон курсантов поразила дизентерия! Если-бы это случилось в июне-июле, тогда вопросов по источнику заболевания не возникло, а тут зима уже на дворе и никаких причин к данному заболеванию не было. Причину нашли быстро, носителем палочки оказалась повариха из курсантской столовой, которая готовила овощные закуски. Ее немедленно уволили. Но пол-батальона оказались: кто в лазарете с открытой формой заболевания, когда туалет становится самым посещаемым местом в казарме и легкая форма, когда заболевание обнаружили через анализ. Первых разместили в лазарет училища, а вторых – в пустой половине казармы (половина роты второго потока была на полетах), закрыв это помещение на ключ для исключения контактов со здоровой половиной курсантского сообщества. Открывали только тогда, когда приносили пищу и лекарства. Попал во-вторую половину и я. Неделя отдыха, пусть и взаперти, положительно сказалась на нас. Через неделю-полторы все мы выздоровели и переселились на свою половину. Не повезло тем, кто был в училищном лазарете. Они попали в разряд «наглядных пособий» для учащихся Армавирского медицинского училища, которые приходили на практические занятия по вирусологии в наш лазарет для забора анализов на вирус, в частности дизентерии. В батальон ребята вернулись только через месяц лечения.

На втором курсе у нас командиром взвода был капитан Почивалов. Между собой мы звали его Циркулем. Сам он был несколько сутуловат при его достаточно большом росте и ходил размашисто на своих длинных ногах, словно аршин меряющий поле. Прозвища были у всех командиров взводов, так капитана Желудкова звали ЖелудОк, Капитана Казакова – Казачек. Все они видимо знали о своих прозвищах, но это никак не отражалось на их отношении к нам. Почивалов был самым настоящим командиром взвода, впрочем, как и все другие. Он постоянно держал на контроле не только дисциплину, соблюдение порядка и внешний наш вид, но и часто заходил в учебный отдел поинтересоваться нашими успехами (или неудачами). Журнал успеваемости классовых отделений не давал полной картины отношения курсантов к учебе. Пожалуй, самой большой проблемой и единственной была наша лень, которая нет-нет, да и проявится в отношении одного из предмета. Если что-то было непонятно, то всегда можно было на самоподготовке спросить у ребят или, в крайнем случае, обратиться к преподавателю. И никто никогда не отказывал в помощи, а наоборот были рады помочь. Ну и Почивалов иногда проводил собеседования с теми, у кого

появлялись двойки. Я сейчас не помню были-ли у меня двойки, не могу припомнить. И не потому, что хочу казаться хорошистом, а просто сержантскому составу редко ставили двойки, памятуя о том, что кроме учебы у нас были и другие обязанности по отношению к подчиненным. Если ответ не удовлетворял, то предлагали на самоподготовке этот материал повторно ответить в преподавательской. Может это покажется странным, но в училище не было преподавателей, которые стремились «добить» курсанта двойками. У меня сложилось впечатление, что они наоборот все делали для того, чтобы курсант знал не ниже тройки.

Почивалов отличался, как мне кажется, от других командиров взводов тем, что вкладывал всю душу в наше воспитание. Он никогда не кричал, но всегда готов был выслушать, вникнуть в проблему, понять курсанта и помочь, если это возможно. Он не был яркой личностью, как к примеру капитан Казаков, который мог и подтрунить над курсантом, припугнут наказанием, одним словом быть всегда «на коне». Почивалов был своим, каким-то домашним что-ли.

Время нашей учебы неумолимо приближалось к экзаменам за первый семестр. Нам предстояло сдавать экзамены по высшей физике, высшей математике, английскому языку. И эти оценки уже должны были пойти в диплом. А кроме этого еще экзамены по автоматике, радиоэлектронике, аэродинамике и динамике полета самолета, самолетовождению, вооружению. Про научный коммунизм уже не говорю, это был зачет так-же, как и по физической подготовке. Но его выносили на гос.экзамены. Закончилась суeta с экзаменами. Съездили мы на зимние каникулы (до сих пор не понимаю, почему зимой мы называли краткосрочный отпуск каникулами, а летом просто отпуском) и опять разъехались по полкам продолжать летать на Л-29.

* * *

Так-же в марте вся наша «китайская» эскадрилья прилетела в Аджикабул. Только нас теперь поселили в одноэтажном здании, сзади того здания, в котором мы проживали первый раз. Это были бывшие автоклассы, где автомобилисты батальона обеспечения проходили обучение. Поселили нас там потому, что наша казарма, где мы жили на первом курсе, сгорела. В ней проводили ремонт В здании автоклассов было два кубрика. И больше помещений не было. Туалет был на улице за углом. А с другой стороны здания был длинный ряд умывальников. Но, я никогда особо не обращал внимания на бытовые проблемы. Тем более, что это был юг и в марте там было так-же тепло, как в Подмосковье в мае.

Построение эскадрильи проходило на плацу перед штабом полка. Командир эскадрильи подполковник Чунов зачитывал боевой расчет, т.е. объявлял приказ командира полка о зачислении курсантов в летные группы. Я попал в звено майора Кизюрова Александра Питиримовича в группу к старшему лейтенанту Шкарину Владимиру Александровичу. Шкарин был выпускник 72-го года, именно тогда, когда мы поступали в училище. Я сразу вспомнил его, когда он и Владимир Картуз, брат нашего Картуза приходили разбираться с нашим зам.ком.взвода, я уже рассказывал «про совещание в Филях» на первом курсе в каптерке. А теперь я попал в экипаж к Владимиру Александровичу. Был он чуть выше среднего роста, со-светлыми вьющимися волосами, курнос и по-моему со слабо заметными канапушками на лице. Фуражку он носил лихо сдвинутой на бок. И казалось, что вытащи он чуб из под фуражки, нашей широкие лампасы на брюки, да навесь шашку на бок, вылитый казак. Он был чем-то похож на Романа Улыбина которого в фильме «Даурия» сыграл Виталий Соломин. Такой-же лихой, весельчак и твердый

в своем решении. Но эти его качества мы узнали в процессе нашего с ним общения и полетов.

Так-же, как и в прошлом году полетам предшествовала наземная подготовка в процессе которой мы проходили различные тренажи (в кабине самолета, по катапультированию, по парашютно-спасательной подготовке, повторяли район полетов и т.д.). Одним словом все то, что предшествовало полетам в любой авиационной части. Первые полеты с инструктором я выполнил 12-го марта, сразу семь контрольных полетов по кругу. Конечно определенные навыки за полгода несколько утратились, но эти утраты были не критичны. Параллельно начались полеты в зону под шторкой, для подготовки нас в дальнейшем к полетам в облаках днем. Летали в зону на «штопор». Мне нравилось штопорить, когда земля вращается словно пластинка на проигрывателе, а самолет на каждом витке поднимая нос, а потом опуская его вращался вокруг невидимой оси. Но после второго витка надо было выводить. Вот в контрольном полете в зону я и познакомился ближе со-своим командиром звена майором Кизюровым.

Александр Питиримович Кизюров был среднего роста, со спортивной фигурой. Форма у него всегда была до педантизма наглажена и сидела на нем безукоризненно, а туфли отражали блики южного солнца. Был он холост, а потому свою жизнь он видел исключительно в службе и полетах. Видимо это наложило свой отпечаток на его крайнюю принципиальность и педантичность ко-всему. Самой большой страстью у него было курение. Курил он со-вкусом и только хорошие сигареты с фильтром. Но и здесь соблюдал определенный ритуал, он никогда не закуривал сразу после приема пищи. Объяснял это тем, что желудочный сок перестает выделяться через пол-часа после окончания еды. Не знаю почему, но отношения у меня с Кизюровым были более официальные, чем с моим первым командиром звена капитаном Мыздриковым. Тогда я еще не предполагал, что эти отношения будут становиться все более официальными, а к концу учебы в училище Кизюров будет против присвоения мне классной квалификации «Военный летчик 3 класса». Но тому будут предшествовать определенные события. А может на его характер повлияло одиночество. У него был друг, с которым они были «не разлей вода», это Чунов – наш комэск. Но Чунов женился и их дружба с Кизюровым перешла в другую плоскость. Кизюрову было уже тридцать пять лет, но со-всеми женщинами, с которыми он встречался, он рано или поздно расставался. В каждой он обнаруживал какую-то черту характера, которая ему не нравилась. Так до конца своей жизни он и прожил холостяком.

* * *

Летали мы часто и помногу. После первого курса эскадрилья значительно уменьшилась по количественному составу и теперь каждому планировали больше полетов. После того, как отлетали восстановительные круги, пошли более сложные полеты в зону. Пусть там пилотаж был не высший, но все равно это были мои любимые полеты. Одно только угнетало, что у самолета было недостаточно тяги двигателя, поэтому пилотаж проходил с потерей высоты. Приходилось снова и снова набирать высоту в зоне и выполнять вертикальные фигуры. У нас были противоперегрузочные костюмы, которые подсоединялись к системе наддува в самолете. И при увеличении перегрузки воздух поступал в камеры костюма, пережимая ноги и пресс, чтобы кровь не отливала от верхних частей тела и летчик не терял сознание. Правда, у нас не было в тех упражнениях больших перегрузок, поэтому я после одного раза, когда, как мне показалось, что костюм слишком сильно сжал тело, перестал подсоединять шланг к бортовой системе. А при небольших перегрузках я компенсировал работу костюма, напрягая пресс.

Странные ощущения, когда от перегрузки постепенно начинает сужаться видимое пространство, становясь потом точкой. А когда напряжешь пресс, то мгновенно эта точка превращается в то зрительское поле, которое мы воспринимаем.

После полетов в первую смену мы обязательно спали в послеобеденное время, это было определено в распорядке дня. Два часа сна возвращал затраченную энергию и бодрость. Особенно это стало актуальным, когда в мае перешли на полеты в зону на сложный пилотаж. Солнце уже во-всю жарило, трава высыхала, а в городке стоял терпкий опьяняющий аромат цветущих кустов акации и другого, незнакомого мне кустарника. Я впервые увидел как цветет гранат и был поражен яркостью его цветов. В гарнизоне не росли гранатовые кусты, увидел я их, когда выходил в городок в частных садах. В свободное время занимались «постирушками», занимались на спортивной площадке, мастерили модели самолетов из дерева. Весна пьянила и тоска по родному дому росла в душе.

Мое увлечение животным миром не проходило. И вот однажды, занимаясь на спорткомплексе, увидел, как наши солдаты встали в круг и что-то разглядывали и смеялись. Подошел к ним и увидел дух маленьких змей. Спросил, где их нашли.

- Да траншеей под кабель копали, они и вывалились. Видимо там было гнездо с яйцами, - ответило земляк из Москвы.

- Дайте мне одну, - попросил его.

Они отдали мне одну, а вторую понесли в казарму. Что я буду делать с ней, я еще не

118

Цветущий кустарник

Цветы граната.

знал. Знал лишь, что через какое-то время выпущу ее в природу. Это было перед завтраком, поэтому я спрятал ее за пазуху и пошел чистить сапоги. На завтрак нам давали яйца, которые по нашей просьбе повар варила в «смятку». Сидели за столом мы по шесть человек. Когда я «вычистил» яйцо до скорлупы внутри, а содержимое отправил в свой желудок, решил подшутить над официанткой.

Вытащил змею из-за пазухи и затолкал в яйцо, а отверстие прикрыл ладонью. Когда официантка принесла тарелки с едой, я нарочито серьезно спросил ее:

- Наташ, когда прекратится это безобразие? – и открыл яйцо.

Оттуда высунулась голова змейки.

- Фу... Подумаешь змея! – с пренебрежением ответила она и стала расставлять оставшиеся тарелки на другом столе. Я уж подумал, что ожидаемого эффекта я не достиг и готов был змею опять отправить за пазуху. Но тут из-за соседнего стола вскочил Валера Буданов и со словами «А ну-ка покажи-покажи!» наклонился над нашим столом. В этот момент змея то-ли выпрыгнула, то-ли так молниеносно

выползла, только это движение было в сторону Валерки. Он шарахнулся назад, налетел на стол и ребят, находившихся за ним. Возмущению не было предела. А змея быстро стала уползать между тарелками нашего стола, что тоже вызвало определенную суматоху за столом. Пришлось быстро ее изловить и отправить за пазуху. Старшина тут-же объявил мне выговор. Выйдя из столовой я попросту выпустил змею в кустарник.

Со змеями была связана и еще одна история, которая заставила внимательно относиться нас к тому факту, что змей можно встретить даже в казарме. Однажды, когда мы пришли с полетов и стали переодеваться, дежурный рассказал нам, что после нашего ухода на полеты смена решила помыть полы. Стали мыть в обоих кубриках и вдруг дневальный, что мыл полы в нашем кубрике дико заорал. Дежурный кинулся в помещение и увидел, что дневальный стоит на кровати с побелевшим лицом и показывая рукой в дальний угол бормочет:

- Она там... Туда поползла!

- Кто поползла?, - до дежурного еще не дошло, что ползать в этой местности могут только змеи.

- Змея! Здоровая такая, метра полтора! – продолжал дневальный, а глаза в этот момент видимо расширились до диаметра туловища полутораметровой змеи. Второй дневальный, предварительно натянув сапоги, кинулся со шваброй к углу, куда уползла змея. Беглый осмотр ничего не дал, тогда смена стала раздвигать кровати, чтобы обнаружить пресмыкающееся. Ничего не обнаружив и не найдя достаточной дыры, в которую можно было пролезть змее таких размеров, поставили кровати на место и стали домыть полы. Когда дежурный закончил свое повествование, то несколько человек уже стояло на кроватях. А тот, кто спал на угловой кровати, наотрез отказывался там спать теперь. Пришлось освободить угол, а кровать перенести в другое место, чтобы в случае чего вовремя заметить эту тварь и дать ей достойный ответ. Ночь прошла нормально, а утром, прежде чем поставить ноги на пол, мы заглядывали под кровати и трясли сапоги, прежде чем их надеть. И вот прошло уже дня три или четыре, мы вернулись с полетов. До обеда время было ограничено и надо было быстро переодеться, почистить летные ботинки и сдать всю летную форму в каптерку. Поэтому после команды «разойдись» некоторые кинулись к тумбочке рядом с дневальным, чтобы первыми взять сапожные щетки. Тот, кто первым успел схватиться за дверку тумбочки и открыть ее отпрыгнул назад, повалив другого шустрого. На всех нас из тумбочки смотрели глаза змеи и доносилось шипение. Оказалось, что ребята все-таки поймали змею. И уж не знаю как, но закрутили вокруг ее шеи проволоку и вбив в верхнюю полку гвоздь, подвесили на него змею. Ну, а так как в первых рядах чистки летной обуви был и сам старшина Пилипенко, то весь наряд получил выговор. Змею, а это была гюрза, убили за зданием казармы.

Потом, когда я рассказал Кизюрову про этот случай, что змея жила под полом в помещении казармы, он рассказал свою историю. В Сангачалах, когда он летал там с другим курсом, как-то вечером вышел на улиц, где возле здания в котором они проживали на лавочках сидели летчики эскадрилии. Они курили и травили байки. Кизюров прислонился к стене, а был он без майки, так как стояла вечерняя духота, закурил и стал слушать анекдоты. Вдруг почувствовал, что что-то холодное скользит по его плечу.

- Я медленно повернул голову в сторону плеча, - рассказывал Питиримович, - и увидел толстенную гюрзу, которая выползла из под крыши и по моему плечу а потом по груди сползала на землю. Я замер, стараясь даже не дышать. Змея сползла на землю и поползла прочь. Мы кинулись искать какуюнибудь палку, чтобы убить ее, но когда с пожарного щита сняли лопату, то змеи уже не было. Размером она была метра полтора и толщиной с руку. Надо сказать, что никто не

сомневался в его рассказе, так как в степи в сухой траве мы находили старые шкуры гюрз и по их размерам можно было судить, что это были большие особи.

Наша летная подготовка уже подошла к групповой слетанности «в боевых порядках пары». Это были непривычно для всех. Взлет происходил не по оси ВПП а по одной из сторон от оси, так как на другой стороне был самолет ведущего. Это несколько усложняло взлет – ширина полосы, по которой ты мог взлетать, становилась в два раза уже. А еще надо было не обогнать на взлете самолет ведущего и не отстать от него. Хотя интервал и дистанция оговаривались как 30 на 50 метров, все старались держаться поближе, это делало красивым полет пары для тех, кто смотрел с земли. И особенно эффектным был роспуск пары над полосой, когда одновременно оба самолета выполняли крен. Только ведущий уходил с креном 60 градусов, а ведомый с креном 30 градусов. Это обеспечивало между самолетами дистанцию для поочередной посадки. Конечно и я старался держаться ближе, как будто мы со Шкариным связаны одной нитью. Это потом, когда перешли на пилотаж в зоне парой, чуть было не сыграло роковую роль. Но сейчас Шкарин был доволен тем, что я не отставал и не вылетал вперед, уверенно держался за ним и в горизонтальном полете и на разворотах. У Шкарина была своя метода обучения курсантов анализу полетов. Когда курсант обращался к нему по установленной форме «Товарищ старший лейтенант, разрешите получить замечания!», он говорил:

- Ну, давай, рассказывай свои ошибки. Сколько ты их насчитал?

*Апрельский субботник на территории городка.
Я, Володя Бердников, Женя Моисеенко, Толя Павлов, Миша Акулов.*

Мы начинали перечислять ошибки и старались объяснить причину этих

ошибок. Потом он говорил или «Правильно» или «А я насчитал больше ошибок». И тогда проводил полный разбор полета, пока техник готовил самолет к повторному вылету. А потом он посоветовал нам завести блокнот, чтобы записывать свои ошибки и их причины. Хотя мы это делали в летных книжках, но блокнот был всегда с собой и мы перед полетом всегда могли заглянуть в него и повторить предыдущие ошибки.

- Только в своих блокнотах не пишите всякую ... (ерунду)

Конечно, выражение было у него непечатное, но веское. И рассказал нам, как Валера Филиппов (из второго потока по прозвищу Партис) вел такой блокнот:

- Завели мои ребята блокноты и записывают в них ошибки. Только заметил я, что Филиппов, что ни скажу, все за мной записывает. Я анекдот рассказываю, а он пишет. Отобрал я у него блокнот и стал просматривать записи. Мать божья! Все, что я говорю, он дословно конспектирует: и выражения, и анекдоты, и ошибки! Ну, думаю, меня Валера своими записями с потрохами сдаст особистам. Порвал его блокнот и сжег. А Валерке запретил записывать за мной, чтобы то ни было, кроме его ошибок в полетах.

*Человек, который научил меня детальному анализу выполненного полета. Глубоко уважаемый мной мой инструктор
Шкарин Владимир Александрович*

Не все всегда было гладко в моей курсантской жизни. Иногда попадались на моем пути офицеры-воспитатели, которые по каким-то причинам недолюбливали меня. За всю мою курсантскую жизнь было их всего трое. Первым из них был наш командир взвода в Аджикабуле. Помню только его прозвище Моченый. Частенько он цеплялся ко-мне по мелочам. Но однажды, уже не помню за что, объявил мне сутки ареста. Было это в пятницу. Делать нечего, взял я записку об аресте и пошел на гауптвахту, которая находилась на аэродроме. Сержантский состав на «губу» не сопровождали, а правильно полагая, что это самый ответственный контингент, устав предписывал младшему комсоставу самим прибывать на гауптвахту.

Шел я медленно, осмысливая, что время моей отсидки уже началось с момента убытия из расположения эскадрильи. Но километр не такое большое

расстояние. Нажал кнопку звонка у ворот и через минуту дверь открыл начальник караула, сержант срочной службы. Я сунул ему записку об аресте. Проходя во внутреннее помещение, он спросил меня:

- Тебя куда: в одиночку или в общую?

По уставу сержантский состав должен был сидеть в одиночной камере, чтобы «не ронять честь командного состава перед рядовым составом», которые тоже отбывал наказание в общих камерах. Перспектива остаться один на один со своими мыслями в одиночке меня не прельщала и я спросил:

- А в общей кто сидит?

- Да трое строителей из Сабирабада.

Почему из Сабирабада, города, где стояла строительная часть (стройбат) мне было не понятно, но я выразил желание сидеть в общей камере. Пусть и стройбатовцы, но все-же есть с кем общаться. Камера было рассчитана на восемь человек. «Строители», а это были представители южных народов СССР, оживились, когда к ним пришел «с воли» человек. Мы быстро познакомились и время стало бежать значительно быстрее за разговорами. Правда нас выводили на прогулку во-двор «губы», но чтобы мы не слонялись без дела, пом.нач.кара заставил подмести двор. День прошел быстро, а утром посмотрев на часы, я попросил начальника караула дать позвонить в казарму, так как через час должен был быть завтрак. А в летной столовой пища была куда как лучше, чем на губе, в чем я убедился накануне. Дневального по телефону попросил пригласить старшину. Валерка взял трубку. Я с ним переговорил и он сказал нач.кару, чтобы тот выпустил меня. Когда я подошел к казарме, то эскадрилья уже строилась на завтрак:

- Чисть быстрее сапоги и в строй, - скомандовал старшина.

Догнал строй я уже на полпути в столовую. А после завтрака я уже и забыл, что был на губе.

Весна, в том понимании, какое бывает у людей из средней полосы, незаметно перешла в лето уже в конце апреля. А теперь уже стоял конец мая. Солнце припекало так, что вылезая из кабины самолета после полета в зону, мы выжимали майки. Нагрузки и жара делали из нас «стройные кипарисы». Это выражение я услышал уже в боевом полку в Лодейном поле, так выражался начальник физической подготовки полка. Нагрузки самые большие были при полетах на сложный пилотаж. Это были, пожалуй, у всех без исключения любимые полеты. Комплекс включал в себя целый набор элементов пилотажа: «бочки», перевороты, боевые развороты, полу-петли, петли и спирали с креном 45 и 60 градусов. Чтобы не терять время на «бочки» в зоне и побольше оставить его на остальные «кульбиты», мы крутили эти самые «бочки» по пути в зону. После взлета и набора высоты, пока летишь до пилотажной зоны, крутишь «бочки» и влево, и вправо. А в зоне весь пилотаж старались уложить в комплекс «переворот-петля-полу-петля-боевой разворот». Надо было сохранить не только все режимы на вводе в фигуры и на выводе, но и направление начала выполнения комплекса и его окончание. Но все равно достаточно времени отбирал набор исходной для пилотажа высоты. Тяга двигателя самолета Л-29 была всего 890 кг, это не обеспечивало сохранение высоты при выполнении пилотажа. Но во-всем другом самолет был неплохой и прощал много ошибок курсантом. Так, если сорвался случайно в штопор, то можно было просто бросить органы управления и самолет сам прекращал вращение, опускал нос и набирая скорость. На нем можно было легко выполнять парашютирование из-за положительного V крыла.

Но мы не только пилотажем в зонах наслаждались. Я впервые увидел грязевые вулканы сверху. В третьей зоне, которая находилась над отрогами предгорий хребта, их было семь. Все они были разного диаметра. Нет, они не

выбрасывали фонтаны грязи в воздух, просто в их кратерах находилась грязевая лава, которая видимо время от времени выливалась из него. А еще можно было разглядеть вдалеке Сабирабад, Сальяны, южнее Аджикабула и Али-Байрамлы на озерах, поросших камышом, зимовали фламинго. Это большое розовое пятно скопления огромного количества птиц было видно издалека.

Продолжая продвигаться по программе, отлетали упражнения по кругу парой, в зону под шторкой, в зону на простой и сложный пилотаж, и подошли к полетам в зону в боевых порядках пары. Контрольные полеты не вызвали особых затруднений и я получил допуск к самостоятельным полетам. Ведущим был мой инструктор. 17 июня мне было запланировано два полета. После взлета я, как и положено, занял интервал и дистанцию 50 на 70 метров. Пришли в зону, отработали пилотаж, перед аэродромом я подтянулся ближе к самолету инструктора, роспуск и посадка. Когда подошел после посадки к Шкарину, чтобы получить замечания, он спросил:

- Ну как самолет просматривается километр на километр?

Он улыбался со-свойственным только ему прищуром, давая понять, что удержаться в строю на таких интервалах и дистанциях не составляет труда.

- Нормально, - мне несколько было обидно, так как, прочитав немало воспоминаний летчиков-фронтовиков, понимал, что это оптимальное место ведомого для прикрытия ведущего в бою.

- Ну-ну, - только и ответил Владимир Александрович.

Меня это «ну-ну» очень сильно задело и я решил доказать в следующем полете, что могу держаться так-же близко, как и при полетах по кругу, на минимальных интервале и дистанции.

После взлета во-втором полете я прижался, как только мог близко, к самолету Шкарина и шел за ним в зону в правом пеленге, как привязанный. После занятия зоны он обернулся в мою сторону и махнул рукой, чтобы я оттянулся назад. На что я отрицательно покачал головой. Мы выполнили правый вираж, после вывода из него Шкарин опять стал рукой махать, чтобы оттянулся, но я упорно стоял на своем. Стали выполнять левый вираж, я находился с внешней стороне пары, увлекся сохранением места и упустил контроль за скольжением, ослабил несколько правую педаль. И тут случилось то, чего я не предусмотрел, я посыпался на Шкарина, который был ниже меня. Он не спускал глаз с моего самолета, поэтому мгновенно отреагировал на возможное столкновение, резко отдал ручку управления от себя и вправо, уйдя под мой самолет. У меня отпечаталось его лицо, поднятое вверх, и, как мне кажется, широко раскрытые глаза, глядевшие на мой самолет, который сверху падал на него. Я тут-же убрал крен, и стал смотреть по сторонам, ища самолет инструктора. И тут справа сзади выскакивает самолет Шкарина, и я вижу, как он трясет кулаком в мою сторону. Тут уже без команды я увеличил дистанцию и остальной пилотаж открутили без подобных эксцессов. Но настроение мое немного испортилось. После посадки я пошел к его самолету, у которого он уже ждал меня, помахивая шлангом от кислородной маски.

- Разрешите получить замечания? – с неуверенностью в голосе, что это будет спокойный разбор полетов, обратился к нему.

- Пошли за мной.

Шкарин повернулся в сторону отбойников и я, предчувствуя нехорошее, поплелся за ним. Зайдя за отбойник, я предусмотрительно оставил между нами метра три. Шкарин был кандидатом в мастера спорта по боксу, поэтому, памятуя его потрясение кулаком, считал три метра достаточной дистанцией для «разбора полетов». Да и маска вместе со-шлангом не достала-бы с такого расстояния. И еще, что

немаловажно, три метра было достаточной форой для меня, занимавшегося легкой атлетикой. Начал он с непечатных выражений, а далее перешел к перспективе жизни:

-У меня уже две дочки, а тебе еще надо родить детей! Ты соображаешь, что могло быть? Остался-бы твой род без продолжения! – повернулся и пошел к навесу у стартового домика.

На следующий день у меня был крайний один полет в зону парой. Отлетал нормально, не близко и не далеко держался от самолета ведущего, а после полета Шкарин сказал:

- Да, не научился ты летать парой... Ну ничего, на Миг-17 тебя научат! Летал я парой не хуже других, но видимо обида за предыдущий мой полет заставила его это сказать. Но он тогда оказался прав, меня не только научили (хотя сейчас я понимаю, что и на Л-29 я летал нормально парой) летать парой, но я стал и сам водить пары на Ути Миг-15 с инструктором в задней кабине, что тоже чуть не сыграло свою определенную роль в моем распределении после выпуска.

Эта часть программы подходила к концу. Мы приступили уже к полетам под шторкой. Это были полеты по маршруту. Особенность этих полетов была в том, что всю информацию мы получали от пилотажно-навигационных приборов и от штурмана наведения о нашем месте. Выход на аэродром и заход на посадку

Роспуск пары.

выполнялся тоже под шторкой. Только после ближнего привода инструктор открывал шторку. Нас готовили к приборным полетам. В конце июня нас отправили в отпуск. В Баку в аэропорту я встретил Михаила Царева. Он летал в Сальянском полку. Билетов на самолет до Москвы не было, они были раскуплены на много дней вперед. Ничего не оставалось делать, как поехать на вокзал и взять билеты на ближайший поезд. Нас предупредили, что это почтово-пассажирский, но выбирать не приходилось. До поезда было еще много свободного времени, поэтому мы пошли гулять по Баку. В одном из магазинчиков увидели белые махровые футболки. Это был дефицитный товар и мы решили взять по одной

себе. Одну я купил сестре Наташе в подарок. На лотке недалеко от магазина продавали болгарские сигареты «ВТ» (Bulgartabac). Это были одни из лучших сигарет, продаваемых в СССР в торговых сетях, и тоже дефицит. Но стоили они в Азербайджане уже не 40 копеек, а 60. Купили и сигареты. Но надо было купить что-то из спиртного, чтобы отпраздновать наш отпуск и встречу. В одном из продмагов купили азербайджанский коньяк три звездочки и что-то из еды. Особо гулять по жаре не хотелось. Правда жара бакинская отличалась от жары аджикабульской, ветерок с Каспия охлаждал немного воздух, но солнце так-же было неумолимо. Немного побродив по городу, отправились на вокзал, так как подходило время отправки нашего поезда.

В вагоне нас было немного пассажиров. Мы с Мишкой расположились в купе вдвоем. Условия были сносные. Для южного поезда было относительно чисто. Бригада поезда состояла исключительно из мужчин. наших пассажирских вагонов было всего шесть, а остальные – почтово-багажные вагоны. После отправления поезда мы переоделись в купленные футболки, так как в вагоне было душно. Решили сразу-же отметить наш отпуск и заодно перекусить. Открыли коньяк, разложили купленные в магазине продукты и подняли тост за отпуск и нас. Бакинская жара сделала свое дело – коньяк был сравним с теплым чаем, что ярко подчеркнуло вкусовые качества» изделия азербайджанских виноделов. Отвратительнее пошла я еще никогда не пробовал. После первой рюмки я сказал Мишке:

- Больше эту гадость в рот не возьму!
- Ну, тогда я допью его? – спросил Мишка.
- Как ты будешь пить это теплое пойло?
- А мне понравилось, - парировал он.
- пей, если хочешь, а я не буду, - подытожил я и принялся за еду.

После того, как перекусили, мы пошли в тамбур перекурить. Там уже стоял пассажир и дымил в открытую дверь вагона. Почему-то проводники не закрывали дверь на ключ, поэтому мы могли наслаждаться обдувающим ветром и проплывавшими мимо нас пейзажами. А потом мы не стали закрывать дверь вообще и открыли дверь между тамбуром и внутренним помещением вагона. Это здорово помогало бороться с духотой. Детей в вагоне не было, а взрослые, коих было немного, не были против такого кондиционера.

Проснувшись на следующее утро, мы обнаружили довольно приличный слой пыли на столике и на всем, что было в купе. В вагоне тоже никто не убирал с момента отъезда из Баку. Наши белые футболки были уже слегка серые. Умывшись, я зашел к проводникам и попросил веник, чтобы подмести в купе. Но они решили сами навести порядок. Футболки решили не менять с Мишкой до прибытия в Москву. Весь день валялись на кроватях, читали, да выходили курить в тамбур и любоваться проплывающими пейзажами. В Москву поезд пришел поздно вечером. Мы переоделись опять в курсантскую форму, навели блеск на ботинках и готовились встретить Москву при полном параде. Быстро добрались до стоянки такси. Таксист запросил с нас пять рублей от Курского вокзала до Ленинградского, при том, что стоимость поездки по счетчику стоила 87 копеек. Не помогло и то, что на нас, по сути, была солдатская форма. Московские таксисты народ неумолимый и жадный. Но переплачивать в пять раз больше у меня не было желания, да и с деньгами у нас было не густо. Я предложил ехать на метро. Мы почти бегом спустились в подземку.

На станции «Комсомольская» мы были уже через двадцать пять минут, как покинули стоянку такси, но последняя электричка показала нам хвост. Ждать на вокзале первую электричку в июньскую теплую ночь нам не хотелось. Мы сдали чемоданы в камеру хранения и пошли гулять по ночной Москве. Вышли на

Каланчевку, повернули направо и пошли, куда глаза глядят. Машин не было, только поливальные машины кружили по городу, смывая дневную пыль с улиц, да одинокие такси проносились мимо. Вдруг мы услышали, хор молодых голосов, певших песню. А через метров сто навстречу нам из боковой улицы вышли выпускники, закончившие школу. Оказывается, в этот день был выпускной бал в школах. Ночь была теплой, а умытые улицы радовали, как будто прошел дождь перед нашим приездом, как это было ровно год назад, когда я прилетел во Внуково самолетом из Азербайджана. Июльские ночи коротки. Мы не заметили, как пролетели три часа и рассвет начинал брезжить над крышами домов. Но мы уже подходили к вокзалу, чтобы не пропустить первую электричку. В поезде немного подремали, но радость скорой встречи с родным городом, родными не давала особенно заснуть. Мимо окон проплывали до боли знакомые пейзажи, видны были некоторые изменения, произошедшие за год. Проезжая мимо дома дяди Степана - среднего брата отца, я никого во дворе не увидел, было раннее утро. Мы подъезжали к Клину!

На привокзальной площади сели в автобус, который шел в наш третий микрорайон. А я, все так-же, искал знакомые лица в автобусе. На нашей остановке мы распрощались и быстро пошли по домам в надежде застать кого-то дома. Меня встретила мама на пороге, она собиралась на работу. Дома была и сестра Наташа. А папа был в командировке, но должен был приехать через несколько дней. Время на разговоры почти не было, им надо было идти на автобус. Быстро собрали завтрак мне и уехали на завод. Позавтракав и ощущая тяжесть бессонной ночи, я завалился спать. Проснувшись, не знал, чем мне заняться. Привычного распорядка дня не было и это выбивало меня из колеи.

Через два дня приехал папа и родители собрали небольшое застолье по случаю моего отпуска. Сейчас не помню уже, как проходил отпуск. Встречались с одноклассниками, ходили с Мишкой в школу, где выступали перед учениками по просьбе Лидии Васильевны - она отвечала в школе за культмассовый сектор. Выступали отдельно в классе, где она была классным руководителем. Видно было по ней, что она гордилась нами, что и из ее рук вышли в жизнь такие ребята. А еще запомнил, когда отец незаметно от мамы подошел ко мне и дал десять рублей, сказав немного смущаясь:

- Тебе наверное нужны деньги? Вот возьми, купи себе что надо, - и протянул купюру в десять рублей.

Я не помню, чтобы до этого момента отец вот так просто давал мне деньги на карманные расходы, обычно это делала мама. Он знал об этом и не вмешивался в этот процесс. Но тут решил сам незаметно от мамы дать денег. Конечно, она знала, что батя заначивал деньги. Матушка понимала, что у мужика должны быть деньги при себе, а иначе это не мужик. Но он всегда на эти деньги привозил из командировок нам что-то интересно или чаще всего вкусное. Да и иногда надо было давать «на лапу» гаишникам, чтобы не прокальвали талон предупреждений. Иначе после трех проколов надо было снова сдавать на права. В моем понимании это был жест со-стороны отца и мне было с одной стороны неудобно брать деньги, но с другой стороны нельзя было обижать его. Он был не сентиментален по-жизни и я замечал, что он стеснялся внутренне таких внешних проявлений душевной теплоты и любви.

На эти десять рублей в магазине «Одежда» в отделе «безделушек» я купил себе зажигалку. Не понимал я тогда, что не стоит зажигалка таких денег. И даже сейчас мне жаль потраченных тех десяти рублей. Но, что поделаешь – молодость, с ее максимализмом и желанием немного выделиться. Сейчас это стремление таким способом выделиться вызывает у меня усмешку, но это пришло уже с жизненным опытом. Молодость делает много глупостей, за которые в зрелости,

когда вспоминаешь, становится неловко. А можно-ли жить «таким, как все»? Я много раз задавал себе этот вопрос. И всегда отвечал себе сам, что жить в таком формате не смогу. Ну не должен быть человек таким, как все, не должен! Овцы в стаде и те отличаются, а тут «человек разумный», *Homo sapiens*! Хотя и это определение «человек разумный» мне не по нутру.

Третий курс

Время отпуска подходило к концу и мне не было жаль, что скоро придется уезжать. Ведь предстояли опять полеты и опять более сложный вид подготовки. Возвращались мы с Мишкой самолетом из Москвы в Минводы. Из отпуска мы всегда летели самолетом, чтобы лишний денек побыть дома. На такси мы доезжали до училища за два с небольшим часа. И всегда это было в районе шести часов вечера. Но в этот раз нас от КПП развернули в район войскового приемника, там нам предстояло пробыть месяц, чтобы сдать весеннюю сессию. Да, было лето уже, но весной мы летали, а сессию обязаны были сдавать.

Палатки, их осталось несколько штук после абитуриентов, оставили, чтобы нам было где разместиться - казарма-то была занята первым и вторым курсами. Жили мы как на даче – свежий воздух, больше свободного времени. Командиром роты был капитан Желудков. Можно было считать наше существование полевым лагерным сбором. Здесь чаще ходили в самоволку ребята. Не надо было перелезть через забор, просто вдоль забора в сторону автовокзала пройти и ты в городе. Мне не к кому было ходить, поэтому в воскресные дни слушал, как и другие, музыку, читал книги, загорал.

О музыке стоит сказать особо. После отпуска, когда у всех были деньги, которые дали родители с собой, решили мы купить магнитофон для эскадрильи. Решено – сделано! Сбросились на хороший по тем временам магнитофон «Комета-202» (у меня дома был магнитофон «Комета-201»). Кассеты с пленкой (пластмассовые бобины с магнитной лентой) на которой уже были записи, привезли с собой заранее. Мощность динамиков магнитофона была достаточной для палатки, но для всего «лагеря» этого было недостаточно. Хотелось ударить тяжелым роком по лагерной жизни! Кто-то из ребят сбегал в солдатский клуб, договорился с начальником клуба и притащили оттуда студийные колонки через которые пускали озвучку фильмов в кинотеатре. Крупные специалисты из нашей среды в области радиоэлектроники Петя Чиков и Валера Чернышов скоммутировали аппаратуру и над палатками зазвучала *Smoke On The Water* британской рок-группы *Deer Purple*. Кассеты привез Саня Фетисов, которого я никогда-бы не заподозрил в большой любви к музыкальным произведениям такого характера. Саня был родом из Армении (его отец служил в Эчмиадзине), а это была республика, где товарно-денежные отношения были наиболее развиты. Поэтому там можно было все достать, как тогда говорили, купить из под полы. Были кассеты и с записями советской эстрады, но Санину кассету мы гоняли чаще других. Громкость выводили так, что колонки не выдерживали и начинали надрываться, хрипеть. Такое музыкальное безобразие длилось не так уж и долго. На второй день, а это было воскресенье, позвонили из офицерского жилого городка, дома которого располагались сразу-же за забором. Позвонили дежурному по училищу и пожаловались, чтобы прекратили так громко включать музыку в послеобеденное время, невозможно было уложить маленьких детей спать. У нас забрали колонки и слушали мы только то, что выдавали нам динамики магнитофона. Делать свои усилители не было ни желания, ни времени. Скоро мы должны были отбывать опять в Аджикабул.

В конце августа мы опять улетели в Аджикабул. Теперь первый поток летал в Аджикабуле и Сальянах, а второй поток летал в Сангачалах и Пирсагае, на полевых аэродромах. Это называлось лагерным сбором. Мы им конечно завидовали немного, там было море рядом - Каспий. В конце августа лето перевалило пик летней жары, но все равно было не сладко днем. Однако это было начало периода, когда благодатный климат юга начинал одаривать жителей урожаем арбузов, дынь, абрикосов и еще многими продуктами сельского хозяйства, не свойственными средней полосе России. Иногда после полетов, когда эскадрилья отдыхала, мы с нашим зам. ком. взвода Володей Марковым ходили на местный рынок. Вовка первым делом подходил к женщине, которая торговала шитыми бумажными пакетами, покупал пару пакетов, а стоили они по пять копеек, и мы шли вдоль рядов, разглядывая фрукты и овощи. Рынок был небольшой и торговали на нем преимущественно пенсионеры. Им скучно было сидеть дома, поэтому они шли на рынок, чтобы пообщаться и по-возможности продать фрукты, выращенные в своем саду. Эта была та же группа азербайджанцев, которые помнили войну и относились к военным очень хорошо. У многих внуки тоже проходили срочную службу где-то. Поэтому частенько подзывали нас к себе, рассказывали о своих внуках и насыпали нам в пакеты то, чем торговали. Покупали мы редко, так как того, что нам давали сердобольные старики, было достаточно, чтобы наполнить пакеты. Мы их благодарили, пытались давать деньги, тем более, что все там стоило дешево. Но они наотрез отказывались брать их, говоря:

- Может и моего внука кто-то угостит там у вас, в России.

Мне было в душе стыдно немного, что они бесплатно дают фрукты, но и с другой стороны денег у нас было не так много, а фруктов хотелось. Мы приносили пакеты в казарму и высыпали на кровать их, чтобы ребята тоже поели даров природы. Абрикосы, сливы, алыча, груши и яблоки были хорошей витаминной добавкой для нашего молодого организма.

Полеты начались в сентябре после наземной подготовки. Вначале было «восстановление утраченных навыков» - круги, зоны. А в октябре приступили вплотную к пилотированию под шторкой, нас готовили к ночным полетам. Случилось в это время, когда летали еще днем, одно неприятное происшествие со-мной. В контрольном полете на пилотаже, а еще точнее при выполнении бочек (а инструктор накрутил их довольно много) мне стало муторно. Я доложил инструктору и мы закончили задание. Меня подвел мой вестибулярный аппарат. После полетов в казарму пришел командир эскадрильи подполковник Чунов. Он забрал меня и мы пошли на улицу, чтобы наш разговор не слышали другие курсанты. Я понимал, что разговор будет о дальнейшем моем летном обучении. Он убеждал меня, что это может повториться в самостоятельном полете и тогда не гарантирована моя безопасность. Но он не знал, что в самостоятельных полетах у меня никогда не было и намек на слабость вестибулярного аппарата, только в контрольном полете. И только тогда, когда самолет пилотирует другой человек. Я стал умолять его дать мне шанс летать. Убеждал его, что никогда больше такого не повторится. Сейчас я понимаю, какой перед ним стоял выбор. Официально он должен был меня списать с летной работы. Но, видимо то, что летал я неплохо, сыграло свою роль и он принял на себя ответственность за меня. Но сказал:

- Но учти, если еще раз такое будет, однозначно придется тебя списать.

Я сказал, что теперь будет все нормально и слегка потрясенный тем, что чуть было не случилось непоправимое в моей жизни, пошел в казарму. Надо сказать, что такого случая за всю летную учебу в училище у меня больше не было.

Как назло случилось еще одно происшествие со-мной, видимо это была

черная полоса невезения. Летая в зону, я старался не закрывать кран обдува кабины внешним воздухом и направлял его на себя, пытался немного охладиться. Хотя на дворе был сентябрь, но в кабине самолета на солнце, пока рулишь по земле, температура поднималась под пятьдесят градусов и еще до исполнительного старта майка начинала пропитываться потом. В тот день мне запланировали три самостоятельные зоны и в конце смены контрольную зону со штурманом эскадрильи. К четвертому полету меня уже продуло и появился небольшой насморк. Я не обратил на это внимание и полетел контрольный полет. После выполнения задания при снижении на посадочном курсе с 900 до 600 метров резкая боль пронизала левую половину лица, да так, что брызнули слезы. Машинально схватился левой рукой за лицо, стараясь унять боль. Тут-же попросил штурмана АЭ подержать пару секунд ручку управления, чтобы вытереть слезы и нормально контролировать заход. Но о боли ему не сказал. Не сказал и после посадки никому. Боль понемногу утихала, но в левой лобной пазухе все еще немного ныло. Ночью проснулся от сильной боли в левом полушарии головы. Я не знал, что делать, боль не давала заснуть и мучала она так-же, как зубная боль. Чтобы не будить ребят, встал и вышел на улицу. Думал, что на свежем воздухе боль успокоится. Пошел за казарму, где была волейбольная площадка и стояли лавочки. Посидел немного, боль начала стихать и я решил вернуться в казарму. Но по пути зашел за угол, чтобы освободить мочевого пузырь. До туалета было метров сто пятьдесят, а шлепать в тапочках туда не было желания. За этим занятием и увидел меня дежурный по батальону связи. Не такое уж это было нарушение, чтобы из-за него поднимать шум. Но тому была причина. Жили мы на втором этаже, над батальоном и у нас с торца здания был балкончик. Мы никогда им не пользовались потому, что там можно было только стоять, даже стул поставить было невозможно, такой он был маленький. Открывали только дверь, чтобы проветрить помещение. И вот кто-то из ребят ночью вышел на этот балкон и стал мочиться вниз, не придавая внимания осмотрительности. И так получилось, что в этот момент под балконом проходил дежурный по батальону, его и пометили мочой. Узнали мы об этом, когда в казарму к нам пришло руководство эскадрильи и стало разбираться в этом происшествии. Как и следовало ожидать, никто не признался. А через три дня меня застучали за углом казармы. Из этого сделали вывод, что на балконе в прошлый раз был я. Много позже мы узнали, что по малой нужде с балкончика сходил Валера Буданов. А сейчас мне объявили двое суток ареста от командира эскадрильи. Доказывать что-то было бесполезно. Я взял записку об аресте и пошел в санчасть, чтобы доктор своей подписью подтвердил, что я здоров и могу содержаться в заключении. Доктор был не так кровожаден к курсантам и спросил меня:

- На губу хочешь?

Ну кто-же хочет на губу осенью? Там было хорошо летом в жару. В камере прохлада, а днем выносили топчаны во-двор этого армейского пенитенциарного заведения и загорали. Там-же был и летний душ, которым мы себя баловали. Когда эскадрилья возвращалась пешком с аэродрома, то они на нас смотрели с завистью. Но это было в прошлом году, когда я сидел сутки.

- Конечно-же не хочу!

Тогда доктор написал в записке об аресте, что у меня ОРЗ и я нуждаюсь в стационарном лечении. Так я угодил в санчасть на неделю. В душе у меня боролись два чувства: одно из них говорило, что отсидев всего двое суток, я опять буду рассекать пятый океан, но другое сопротивлялось несправедливости по отношению ко-мне. Собственно и я, и доктор предполагали, что через неделю все забудется и меня не будут сажать. Но все оказалось далеко не так. В первый-же день, как я появился в казарме после санчасти, командир взвода вручил мне

вторую записку. Тут уже и доктор был бессилён. Пришлось отбывать наказание «за того парня».

На «губе» начальник караула (сержант срочной службы) спросил куда меня посадить – в одиночную камеру, как сержантский состав, или общую. Я сразу-же попросился в общую камеру. Но, когда разводящий открыл её, я пожалел, что так опрометчиво поступил, не спросив, сколько человек в ней сидит. А в ней было семь человек солдат. Сама камера была рассчитана на восьмерых. Я стал здороваться с каждым, так было принято, и только один солдат, который был старше меня, ответил мне по-русски, остальные-же только «саям алейкум». Мы познакомились с русскоязычным армянином из Еревана.

- А остальных как звать? – обратился я к Ромику, правильно расценив, что он у них за старшего здесь.

- А-а... Не обращай внимания, они не понимают по-русски, это таджики. Но его они как-то понимали. Когда он скомандовал, чтобы освободили нары рядом с ним для меня, таджики без разговора освободили нары. Я расположился на нарах и стал расспрашивать Ромика, кто он, откуда, откуда все остальные. По ремням я понял, что это стройбат (у них ремни были брезентовые с зеленой солдатской пряжкой), но поблизости не было строительных частей. Оказалось, что все они из

Сабирабада, это в нескольких десятках километров от Аджикубула.

- А сколько суток вам объявили, - продолжал любопытствовать я.

Второй курс. У штаба полка

- Да всем по разному, - за всех отвечал Ромик, - мне семь суток объявили, вот ему (он показал на одного из таджиков) пять суток, остальным тоже от суток до трех.

- А сколько уже сидите?

- Девять суток, - спокойно ответил Ромик

- Так это-же нарушение устава! – возмутился я.

Как ни в чем не бывало, Ромик стал разъяснять мне разницу в сидении у нас на «губе» и в службе у них в воинской части:

- Понимаешь, не могут наши каждый день привозить и увозить, далеко очень. Вот наберут другую партию человек в семь-десять, привезут их, а нас заберут. А потом здесь лучше, чем в части. Здесь кормят лучше, а работа, что там, что здесь. Какая разница?

Особой работы на губе не было. Разве что помыть полы, навести порядок, да подмести двор гауптвахты. Но, по тому, что гауптвахта чем-то в архитектурном плане слегка напоминала дом обеспеченного дехкана с каменным забором (видимо стройбат в свое время приложил здесь руку), нахождение здесь не выглядело унижительным и серым. Перед ужином пришла машина с туфом и нас отправили ее разгружать. Это был длинномер, нагруженный до краев пиленным розовым ракушечником туфом. Ракушечник был основным строительным материалом в тех местах. Различных пастельных оттенков, туф был пригоден для отделки помещений. А сероватый туф шел для строительства зданий. Карьеры, где его добывали, находились в предгорьях.

Половина нас запрыгнула на машину, а часть осталась внизу, чтобы принимать блоки и укладывать их на земле. И вдруг Ромик махнул мне рукой:

- Слезай!

- Да я здесь буду подавать, - не понял я его.

- Слезай, они сами справятся!

Я слез с машины и он пригласил меня на несколько составленных блоков перекурить.

- Понимаешь, нехорошо, когда курсант и еще командир (я был младшим сержантом) работает. Ты командовать должен, а не работать.

Я ничего не сказал ему. Может он был и прав, но мне надоело сидение в помещении и хотелось немного поразмяться. А потом сидели все мы в одной камере и ели за одним столом, поэтому и работу, как я считал, делить надо было поровну. Когда-то на втором курсе зимой, когда мое отделение вместо физзарядки было направлено к учебным корпусам разгрести снег (разгребали снег и подметали возле учебных корпусов все отделения по очереди), примерно так мне сказал командир второго взвода Желудков. Утро тогда было морозное, а снегу насыпало достаточно. Вот я вместе с ребятами тоже стал чистить территорию скребком для снега. Хотелось и побыстрее убрать снег, и не замерзнуть на морозном ветерке. Желудков-же проверял по территории как работают отделения. Увидев меня за работой, окликнул меня. Когда я подошел к нему он спросил:

- Ты почему чистишь снег?!

- Так снега много, не успеем к завтраку почистить. Да и стоять просто так холодно.

- Ты командир! И твоя обязанность не работать, а руководить! – и объявил мне выговор. Он в это время был уже командиром нашей роты. Ни тогда, ни потом я не принимал такого положения вещей. Да, руководить командир должен, но если есть желание поработать вместе с подчиненными, то это никогда не унижит командира. А тем более, если он делает эту работу хорошо...

Через тридцать минут ребята разгрузили машину и мы направились обратно на губу, подходило время ужина. После ужина Ромик стал рассказывать об Армении, о Ереване, о себе. Приглашал в гости в Ереван:

- Приезжай ко-мне в гости! Мой дом почти в центре Еревана. У меня есть машина

«Оппель-капитан». Будем пить с тобой самый лучший коньяк «Юбилейный».

Коньяк «Юбилейный» создали виноделы Армении к 100-летию юбилею рождения В.И.Ленина в 1970-м году. Это был действительно один из лучших армянских коньяков. Вообще я не знаю, были-ли в Армении плохие коньяки или нет. У любого жителя СССР в то время сочетание «Арамянский коньяк» было сродни пониманию «продукт высшего качества» или, как сейчас говорят, продукт премиум-класса.

Так как у всех за такое долгое сидение закончились сигареты, то я предложил сходить в магазин, чтобы принести сигарет. Попросил начальника караула отпустить меня в санчасть за таблетками, якобы горло заболело. Конечно такого на «губе» не практиковалось, но это был Аджикабул. Я сходил в городок, купил сигарет, а так как никогда нас не обыскивали, то ребята в камере теперь были с сигаретами. На следующий день мы распрощались и я вернулся в казарму. Время моей отсидки закончилось.

Подшло время созревания короля фруктов Азербайджана, граната. До того, как я попал в Азербайджан, я думал, что гранат только одного сорта бывает. Но, когда

стали поспевать гранаты, я увидел большое разнообразие их. В каждом частном домике, а это основные домохозяйства того времени, был свой небольшой садик, в котором росли фруктовые деревья и зелень на грядках. И у каждой семьи были гранатовые деревья. Это была не только услада взору, так как гранат цветет ярко и красиво довольно долгое время, но и полезный для здоровья продукт. На дереве можно было видеть и плоды, набиравшие силу, и соцветия. Поэтому сбор плодов не был разовым, а был растянут до поздней осени. В то время отослать посылку домой было доступно и для курсанта. Поэтому я решил отослать родителям и сестре хороших гранатов. Сходил на рынок в субботу, купил фруктов, а на почте купил посылочный ящик. В казарме быстро написал письмо, упаковал все и отправил почтой домой. Потом в магазине увидел варенье из лепестков роз и тоже отправил посылку с вареньем. И, как не странно, варенье не особо понравилось родителям. Правда они в письмах благодарили за посылки, но в отпуске я увидел несколько баночек с вареньем буфете и спросил папу почему не едят?

- Да лепестки словно резиновые, - отвечал он.

Действительно, лепестки были словно резиновые и скрипели на зубах. А мне именно это и нравилось, поэтому часть варенья съел сам.

Закончился сентябрь и третьего октября я отлетал свой крайний полет днем. А уже четвертого октября мы приступили к полетам ночью. Вывозная программа была короче, чем днем. Мы научились уже хорошо летать, а теперь надо было просто познакомиться с особенностями ночных условий. Ночные полеты относятся к приборным, пилотирование в основном по приборам с визуальным контролем наземных световых ориентиров. Ночные условия мне понравились больше, чем дневные. Не было жары, а это был немаловажный фактор, воздушные массы были спокойными – не ощущалось болтанок на малой высоте, и населенные пункты светились россыпью огней, словно созвездия. Когда летали в зону, то можно было увидеть и зарево огней Баку, и Сумгаит с его факелами горящего газа. А озера, где зимовали фламинго, отсвечивали звезды и Луну. Но горы были черны и только верхушки выделялись на фоне далекого звездного горизонта.

Были у нас ночью полеты и на вывод из сложного положения. В зоне инструктор брал управление на себя, вводил самолет в сложное положение относительно горизонта, а это, как правило, получалась спираль нисходящая или восходящая, надо было курсанту вывести самолет в горизонтальный полет. Летали и по дублирующим приборам, когда инструктор отключал что-нибудь из пилотажно-навигационного оборудования. Сложнее всего было пилотировать без авиагоризонта. Все режимы выдерживали по высотомеру, вариометру, электрическому указателю поворота. Это было достаточно не просто. Прежде всего надо было определить отказ (авиагоризонта или курсовой системы).

Однажды, когда я полетел самостоятельно ночью в зону, аккурат в ту, в которой находятся грязевые вулканы, попал в условия, в которых до этого никогда не летал. После взлета развернулся в сторону зоны и начал набирать высоту. Уже при подходе к зоне стал цеплять тонкую облачность. Видимо натекание было с севера и метеорологи ожидали эту облачность, поэтому услышал запрос руководителя полетов:

- 725-й в зоне облачность не наблюдаете?

- Да наблюдаю. Облачность 5 баллов с нижней границей...

Я назвал истинную границу облачности, которую я пробил уже и вышел за облака. Толщина перисто-слоистой облачности была небольшой, метров пятьдесят, поэтому предполагал, что не помешает пилотажу. Шкарин научил меня, прежде всего не паниковать, когда попадаешь в ситуацию, в которой никогда еще не был, оценить свои возможности (а полеты под шторкой давали мне такую возможность) и принять решение. Но с земли получил указание выполнить снижение к первому развороту. Учитывая, что я находился уже в зоне севернее аэродрома, то взял небольшую поправку относительно приводной радиостанции влево и начал снижение. Сверху были видны пятна света в облаках разной величины, это был отсвет от поселков и станций. А слева впереди от меня дальше остальных светлых пятен было огромное пятно. Это был Баку. Облака я на снижении пробил; кстати, к этому моменту их толщина уже была метров сто, и вышел под облака на значительном удалении от аэродрома. Пришлось подвернуть к первому развороту. После того, как произвел посадку, полеты прекратили из-за ухудшения метеоусловий.

Смог-бы я открутить простой пилотаж в таких условиях? И сейчас скажу что смог-бы. Но летные законы не давали мне такого права. А все летные законы писались кровью, как принято говорить в авиации. Но, в то-же самое время скажу, что не знаю ни одного сильного летчика, который, хотя-бы раз в жизни, не нарушил летный закон. Подавляющее большинство таких летчиков потом становились авиационными начальниками и командирами, даже инспекторами и требовали соблюдения летных законов. Но... за каждым был грешок в молодости.

Время неумолимо двигалось к концу года, а мы тоже двигались по программе обучения. И не за горами было окончание программы на Л-29, но случилось это уж как-то неожиданно и слишком быстро. 22 ноября мне запланировали четыре полета в зону ночью: контрольный, два тренировочных и зачетный полет с инструктором. В крайнем полете в зону инструктор должен был оценить итог моих усилий. Перед вторым самостоятельным полетом я зашел в группу контрольно-записывающей аппаратуры (там дешифровали наши пленки с записью параметров полета) и попросил механика группы, рядового нарисовать мне бароспидограмму полета в зону. Всех солдат мы знали и они нас тоже, поэтому он обещал сделать. Иногда ребята обращались к ним, если в полете, что-то выходило за рамки хорошей оценки. После взлета руководитель полетов разрешил мне занять вторую зону, которая была южнее аэродрома и ее центром были озера с зимовавшими на них фламинго. Правда, ночью этих птиц уже не

было видно. Занял зону, доложил на СКП высоту и принялся выполнять задание по упражнению. Предстояло выполнить по два виража с креном 30 и 40 градусов и две спирали. На это ушло минут семь-восемь и оставалось еще время. Я уже с земли знал, что в оставшееся время выполню дневной комплекс, то есть сложный пилотаж. Вообще сложный пилотаж ночью был запрещен по многим причинам, это и возможность потери пространственной ориентировки, потеря высоты и скорости, и то, что ночных воздушных боев в авиации ПВО не предполагалось. Как-то в разговоре с инструкторами мы спросили почему ночью не выполняют сложный пилотаж и получили понятное объяснение, что были случаи, когда летчики пытались крутить сложный пилотаж ночью, но теряли пространственную ориентировку, когда путали звездное небо со световыми ориентирами на земле. А чаще всего такое случалось, когда звезд не было видно – была сплошная облачность и местность была безориентирной, или над морем, когда звезды отражались на поверхности воды.

Я это все учел тогда. Небо было звездное, световые ориентиры на земле были отлично различимы, а яркая луна подсвечивала вершины гор на горизонте, но отблесками отражалась от поверхности озер. Выполнил я переворот, восходящую спираль, потом петлю Нестерова, боевой разворот. И еще оставалось немного времени. Тогда я решил сделать форсированный вираж. Это вираж с максимальным креном и потерей скорости в процессе разворота. Вывел режим двигателя на максимал, разогнал скорость и, создав крен, где-то 75-80 градусов стал тянуть ручку, чтобы сохранить высоту. Половина виража прошла нормально, а во-второй половине, когда скорость уже упала, почувствовал на ручке нарастающую тряску и самолет уже сделал в сторону виража движение, чтобы свалиться в штопор. Мгновенно вывел его из крена и перевел на снижение, чтобы разогнать быстрее скорость. Доложил на землю, что полет закончил и «потопал» на аэродром. После посадки я зашел в группу КЗА и убедился, что бароспидограмма была уже нарисована (линии параметров полета царапали иголкой), взял настоящую бароспидограмму и сжег ее. А через одну заправку полетел крайний контрольный полет в зону с Владимиром Александровичем Шкариным. Этим полетом закончил свое обучение на Л-29.

Была в полку, да видимо и в других учебных полках, традиция давить перед крайним вылетом по-окончании программы фуражку инструктора. Шкарин знал об этой традиции, поэтому на полеты пришел в старой, выгоревшей, помятой и местами в пятнах керосина, фуражке. Нас это несколько озадачило, так на предварительную подготовку он приходил в новенькой фуражке со-щегоольски заломленным козырьком. Он даже предупредил нас, что если кто-то нарисует кота на подкладке (а такая традиция тоже была – рисовать в новых фуражках товарищам котов с яйцами, некоторым даже раскрашивали яйца у кота в красный цвет), получит по-полной. Перед вылетами мы оставляли свои пилотки, а инструкторы свои фуражки под навесом на вешалках. Мы поняли, что Владимир Александрович решил перехитрить нас. Проведя быстренько «военный совет», мы послали одного из группы домой к Шкарину за новой фуражкой. Открывшей дверь жене Шкарина Вере «посыльный» сказал, что Владимир Алексеевич впопыхах, перепутал фуражки, надел старую и просит новую фуражку. Вера ничуть не сомневаясь принесла новую. На аэродроме мы с нетерпением ждали прилета Шкарина с одним из наших ребят. Самолет заруливал на стоянку, а мы выстроились, держа фуражку за спиной. Шкарин, открыв задний фонарь, улыбался своей широкой, хитровой улыбкой, поняв, что сейчас последует ритуал. Но, когда из-за спины появилась его новая фуражка и ее стали подкладывать под левое колесо заруливающего на стоянку самолета, улыбка мгновенно исчезла. Из кабины послышались крики: «Не сметь!», «Прекратить», ну и

русские, «заковыристые» выражения. А курсанту в передней кабине он приказывал тормозить. Конечно, фуражку его раздавили, курсант и не собирался тормозить. Но Шкарин и сам мог затормозить из задней кабины, но не стал делать этого. Видимо не хотел остаться «белой вороной» в коллективе инструкторов с раздавленными фуражками. Но, это только мое предположение.

А вечером мы пошли к Шкарину в гости без приглашения. Это тоже была традиция – отметить вместе с инструкторами за столом окончание обучения в этом полку. Спиртное заготовили заранее. Дверь открыла Вера. Шкарин, немного засмутившись, пригласил нас в квартиру и крикнул жене:

- Вера, давай по быстренькому накрой нам на стол. Тут мои ребята пришли. По быстренькому не получилось, Владимиру Александровичу надо было идти на партсобрание эскадрильи. Он только и сказал нам:

- Я сейчас быстренько сбегаю на партсобрание и приду.

Действительно партсобрание было недолгим. Уже через сорок минут он вернулся. Видимо у других членов партии тоже дома ждали курсанты. Все сели за стол и Шкарин, поднявшись из-за стола, стал говорить тост. Он обращался к каждому, каждому говорил о его слабых местах в летной подготовке и желал, чтобы на МиГ-17 мы все это устранили. Конечно-же, упомянул и хорошие качества каждого. Остановился он и на мне, упомянув мои полеты парой, а потом подошел к шифоньеру и достал с полки курсантские погоны с лычками младшего сержанта.

- Держи! Это тебе от меня подарок на память!

Для меня такой подарок был большой неожиданностью и признанием в том, что инструктор все-же уважал меня по-своему. А это дорогого стоит. И сказал он вот еще что:

- Вот сейчас вы все друзья, почти братья. Но окончите училище, разъедитесь по полкам. Обязательно в полк вас попадет несколько человек. И начнете в своем стремлении вырасти в должности «подсидывать» друг друга. Поэтому хочу пожелать вам только одного, чтобы никогда перспектива карьерного роста не встала между вами.

Я тогда не понял, как можно «подсидывать» друг друга, если мы вместе жили бок о бок четыре года? Но он оказался прав, в офицерской среде я столкнулся с этим. И не раз. Через пару дней нас загрузили в самолет и мы отправились в Армавир продолжать учебу, сдавать сессию.

* * *

Весь декабрь у нас были занятия и новый год подошел незаметно. У многих уже были девушки в городе или просто знакомые. Но командование батальона решило отпускать в увольнение только женатых и местных. Валерка Буданов видимо предвидел новогодние перспективы, поэтому сразу по прилету в Армавир с юга женился. Нужен был подарок на свадьбу и мы решили подарить молодым наш эскадрильинский магнитофон, который купили пол-года назад. Да и не нужен он был уже, днем не было времени слушать, а по вечерам, после отбоя под одеялом слушали «Голос Америки», но чаще всего «Радио Монте-Карло». На последней радиостанции транслировали много западной эстрады. А «Голос Америки», если быть справедливым, и слушать-то было противно, сплошная ложь. Они брали какой-то второстепенный факт и обыгрывали его, как некое крупное политическое событие и все время давили на ущемление прав человека в СССР. Только до сих пор так и не понял, какие права тогда в СССР ущемляли?

А еще слушали музыку, которую в то время гоняли по радио «шарманщики». Была в то время такая тенденция делать детекторные радиопередатчики. Схема была очень простой и собирался такой приемник, образно выражаясь, на коленке.

Небольшой набор транзисторов, резисторов, диодов и передатчик был готов. Подключай микрофон и выходи в эфир. Собирали сами и карманные приемники. Называли их мыльницами, так как тогда мало было в продаже корпусов приемников, все больше шли в наборах, поэтому приспособили обыкновенные мыльницы под приемники. В Армавире таких «шарманщиков» было не много, у каждого был свой позывной. Нам надоело слушать, как «бесчинствовали» в эфире гражданские радиолюбители, поэтому стали думать «как забить Осе баки», как выражался Остап Бендер. Потенциал у нас был куда, как круче, у нас был Валера Чернышов. Валерка после обеда всегда пропадал на кафедре радиооборудования. Он помогал преподавателям делать действующие стенды для аудиторий. Поэтому мы предложили Валерке собрать радиопередатчик и под позывным «Авиатор» выйти в эфир. Он долго упирался, но наша настойчивость сделала свое дело. Если-бы мы тогда могли предположить, чем для Валерки обернутся эти наши амбиции! Он натаскал «комплектующих» с кафедры и принялся в каптерке у Зайца (Володя Зайцев - наш каптер) мастерить «детектор». Собрал он его даже не на плате, а на картонной подложке, развесил антенну по всей каптерке и вышел в эфир, приветствуя остальных радиолюбителей. В то время было достаточно не занятых частот на ультракоротких волнах. И все радиолюбители, как правило, работали в небольшом промежутке диапазона. В обед и вечером Валерка вышел в радиоэфир и после приветствий всех слушающих его радиостанцию крутил музыку с магнитофона. Не смотря на то, что эскадрильский магнитофон подарили Валерке Буданову на свадьбу, в роте были еще переносные магнитофоны, которые привезли из дома. Мы были полны гордости, что «не лыком шиты». Но на следующий день, когда надо было идти в учебный корпус на занятия, Валерку вызвали в ротному. На занятия он так и не появился, а пришел уже после занятий и ни слова не говоря, стал в каптерке рвать антенну и ломать передатчик. Мы пытались его успокоить и просили объяснить в чем дело, на что он только выражался и твердил под нос, что «теперь подобной ... зарекается заниматься». Когда он немного успокоился, я его спросил что случилось? И он рассказал, что был вызван в особый отдел училища и там писал объяснительную записку по поводу передатчика. А потом ему по дням и минутам контрразведчики рассказали, чем он занимался в октябре, когда приезжал на соревнования в Армавир из Аджикубула. Рассказали с какой девушкой и в какое кафе ходил и чуть-ли не до меню их ужина. Валера понял, что все мы «под колпаком у Мюллера» и лучше не выходить «за рамки приличий».

Подкатил новый 1975-й год. Опять никого не пустили в увольнение за исключением женатых и местных. Для всех остальных устроили бал-маскарад в спортзале. Там были дочери офицеров училища. Это был такой смотр перспективных невест. Но мне это было не по душе, тем более, что сверху на весь зал своим орлиным взглядом взирал подполковник Солодов – командир батальона. А рядом с ним взирали на курсантов сверху его рано располневшая жена и подающая надежды на большие объемы фигуры их дочь. Была она не только пухла, но и некрасива. Все девчонки, а их было не много, когда мы с Мишкой Акуловым пришли, были уже разобраны ребятами. Нас с ним ждали на квартире девчата, но увольнений для нас не было. Все-таки мы с Мишкой упросили командира роты нас отпустить до утра к девчонкам, с которыми мы познакомились после возвращения из Аджикубула. Тем более, что квартира была сразу-же через дорогу от проходной училища. Прибежали мы уже перед самым Новым годом. Там уже были Володя Чичибаби и Сережа Зеленин из четвертой роты, тоже с девушками. Стол девчата накрыли заранее. Квартирка была однокомнатной, маленькой и мы еле разместились за столом, на котором уже остывали котлеты. Нет, стол был неплох, были и салаты, и что-то из нарезки -

наверно сыр и вареная колбаса. Мы включили приемник, так как телевизора не было, и праздновали Новый год. А к шести утра нам уже надо было прибыть в училище. В казарме в это время все еще спали, да и ребят было через одного (не только мы отпросились у ротного). Не раздеваясь, я прилег на кровать и вздремнул до подъема. Потом завтрак, который мы с Мишкой проигнорировали (на праздники у нас были элементы демократии, когда в столовую можно было ходить по желанию). День прошел скучно. После обеда многих отпустили в увольнение, но я и Мишка решили не ходить, просто отоспаться. Прошли праздники и мы после сдачи сессии поехали на каникулы в отпуск. Правда «поехали» не сразу. В один из последних дней, когда мы шли в учебный корпус, командиру роты показалось, что я разговаривал, хотя я шел молча, а бубнил кто-то сзади, о чем я и сказал капитану Желудкову. Это было причиной того, что мне отпуск был задержан на сутки. Все, получая отпускной билет, покидали казарму, а мне и еще нескольким ребятам (кто-то, как и я огрызнулся, кто-то не сдал экзамены), предстояло коротать время в опустевшей казарме. В казарме было пусто: постельное белье было сдано, а матрасы скатаны на кроватях. После ужина мы устроились в углу на кроватях и резались в карты. Играли в «дурака», чтобы убить время. Задержали нас на пару часов, так как, проходя мимо нас, наш командир взвода Почивалов бросил нам, чтобы шли в канцелярию и забирали отпускные билеты. Мы оделись, забрали документы, командир взвода проверил наш внешний вид, проинструктировал и мы рванули на вокзал, в надежде, что еще не все наши успели уехать. Билет я взял без проблем, а на вокзале действительно встретил пару человек, у которых поезд был позже. Ехал в купе с другими пассажирами, из курсантов никого уже не было, кто собирался в Москву, тогда поезда довольно часто проходили через Армавир на Москву.

Отпуск прошел, как и все остальные мои зимние отпуска. Событий кроме редких встреч, и посещения школы не было. Возвращались мы с Мишкой опять вдвоем на самолете в Минводы. Мы взяли такси и стали ждать еще пару попутчиков, которых шофер отыскивал в толпе прилетевших пассажиров. Через двадцать минут уже отъехали. Времени было в обрез, поэтому я просил водителя немного поспешить. До окончания отпуска оставалось немногим более трех часов. Зимой Ставрополье славится туманами и мы попали-таки в такой туман. Он стоял стеной, когда подъезжали к нему. А когда окунулись в это молоко, то я понял, что думать о своевременном прибытии в училище не стоит. Туман был такой плотный, что уже в двух метрах перед капотом автомобиля ничего не было видно. Водитель попросил меня смотреть вправо, чтобы не съехать в кювет, а сам высунул голову влево и смотрел в противоположную сторону. Когда с моей стороны появлялся кювет, то я предупреждал водителя и он несколько поворачивал влево. Вот так мы ехали час. Скорость у нас была не более десяти километров в час. Полоса тумана была шириной не более десяти километров и через час мы выехали из него. Времени оставалось совсем мало. Однако проскочили Невинномысск и с сигналами точного времени подкатили к проходной училища. Но опять, как в прошлые мои возвращения из отпуска, в казарме почти никого не было, все появились перед вечерней проверкой.

Начало весенней сессии было немного непривычным для нас. И дело тут вот в чем, мы все предыдущие сессии учились в большинстве своем в старом учебном корпусе, только изредка посещая новый на лекции по аэродинамике, метеорологии, конструкции самолета и двигателя Л-29. В новом корпусе обучались старшие курсы. Теперь и мы стали «старшим курсом», и за нашими классными отделениями были закреплены большие светлые аудитории, ряды в которых поднимались амфитеатром. Наша аудитория для самоподготовки располагалась на кафедре тактики в правом крыле. Занятия так-же, как и раньше проходили в

разных аудиториях, но самоподготовка только в своей аудитории.

Теперь к остальным предметам прибавилась и тактика. Это было очень интересно изучать различные боевые построения, тактические приемы, организацию и управление в воздушном бою. А еще изучали средства воздушно-космического нападения вероятного противника. На то время вероятным противником были различные военные блоки. Дружественными нам считались страны соцлагеря. Теперь-то история расставила все на свои места. Теперь стало ясно, что у России могут быть в друзьях только славянские народы, да и то не все. Мы тешили себя, что блок Варшавский договор способен противостоять НАТО, а теперь стало ясно, что при малейшем конфликте с НАТО наши «друзья» Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия и все прибалтийские республики воткнули-бы нож в спину с бо-ольшим удовольствием! А тогда мы были счастливы в своей наивности. Но это отступление, а вызвано оно тем, что все-таки прав был император Александр III, произнеся фразу, ставшую не только крылатой, но абсолютной правдой для России: «У России есть только два союзника: ее армия и флот».

Занятия по тактике у нас вел подполковник Бабкин, старший преподаватель кафедры тактики. Чем я ему понравился, не знаю, только он (а может мне это просто тогда так казалось) часто поднимал меня, когданадо было дополнить ответ. Прослушав определенный курс лекций по тактике, мы получили задание на курсовую работу по этому предмету. Надо было рассказать в письменной форме в виде реферата об истребителе, состоящим на вооружении в странах НАТО. Мне почему-то п\п-к Бабкин дал F-15 Eagle (Орел) фирмы МакДоннэл Дуглас. Вся загвоздка заключалась в том, что это была новейшая американская разработка истребителя завоевания превосходства в воздухе и он только приступил к первым этапам испытаниям. А при той закрытости СССР от остального мира, получить достаточно материала по этому вопросу не представлялось возможным. Пришлось буквально по крупницам собирать информацию о самолете, его системах и вооружении. Большую часть времени я проводил в библиотеке теперь. Это было в какой-то мере в ущерб другим предметам, но новое и непознанное меня настолько захватило, что об этом самолете думал теперь почти все время. Отведено нам было всего месяц срока на курсовую. Вот уж когда я пожалел, что плохо учил английский. Копаясь в информационных журналах по авиации, я понял, что больше всего информации было размещено в журнале «Interavia». А выходил он на английском языке. Поэтому я искал статьи, где просматривалось название F-15, и принимался со-словарем в руке переводить статью. Была информация и в еженедельнике «Вестник авиации» академии им. Н.Е.Жуковского. Больше информации нигде я не нашел. Надо сказать спасибо работникам специализированной библиотеки учебного отдела, женщинам. Они с большим терпением приносили разные журналы, которые я то и дело спрашивал. Со-временем как только я появлялся в библиотеке, они, зная что мне нужно, говорили:

- Свежих номеров еще не поступало к сожалению...

Или:

- Пришел свежий номер еженедельника.

Через месяц я уже закончил работу и, соответственно оформив ее, отдал преподавателю. Я уже и забыл про F-15, как однажды на одном из занятий по тактике, подполковник Бабкин объявил на всю аудиторию, поднимая папку с моей работой над головой:

- Вот по итогам всех курсовых работ эта работа младшего сержанта Заднипранца признана одной излучших на кафедре.

Мне было очень приятно в душе, но в тоже время ощущал крайнее стеснение за

то, что написал одну из лучших работ. Я привык к месту середняка с амбициями на хорошиста в учебе, а такое положение вещей меня выбивало из колеи моего менталитета. Иногда приходили мысли: «А что, не рвануть-ли к Олимпу знаний во-весь опор, а не перейти-ли в лигу хотя-бы вице-чемпионов?» Однако моя лень и неусидчивость не позволила мне этого сделать. Я не знал тогда почему так, но потом понял, что для меня нужны три составляющие: новое трудное задание, сжатые сроки исполнения и право искать пути решения самостоятельно. Самому принимать решение на выбор путей выполнения задачи. Вот тогда у меня появлялся азарт, интерес, а голову свербила одна мысль: «Справлюсь или не успею? Должен успеть!». Не любил «забегов» на длинные дистанции, пропадал у меня интерес тогда. А может я сейчас себе просто льщу? Хотя, не раз потом возникали такие ситуации, и мне доставляло огромное удовольствие решать такие задачи.

* * *

Наступил март. Конечно, снега и в помине уже не было, но вечерами все еще было прохладно. Солнце днем грело так, что на территории училища передвигались в форме п\ш. Это был зимний полушерстяной вариант курсантской формы. Почки на деревьях уже кое-где начали распускаться, а курсанты стали чаще смотреть за ворота КПП на проходивших мимо девчонок. Теперь мы жалели, что аудитория самоподготовки находилась не в старом учебном корпусе. Там окна аудитории выходили на улицу и мы частенько, когда мимо проходили девушки, щеголяя импортными сапожками, незлобно посмеивались над ними:

- Девушки, а как вас зовут?!

- Надя и Света, - хихикая, отвечали они.

- Девчата, а махнем сапогами?! – и кто-нибудь забрасывал ногу на подоконник, демонстрируя начищенный до блеска растоптанный яловый сапог.

В ответ со-стороны девчонок следовал смех и:

- Дураки!

Это был такой элемент кокетства. Да и нам надо было быть серьезней; допустим, предложить познакомиться и встретится. Но когда собираются вместе тридцать здоровых молодых парней, то тут только место шуткам и розыгрышам.

Мы приступили к изучению новых для нас самолетов Ути Миг-15 и Миг-17. Дело в том, что спарки Миг-17 не создавалось, а использовались для обучения более ранний вариант боевого истребителя Миг-15. Машины эти были легендарные, Миг-15 овеял себя славой в Северной Корее, а Миг-17 во Вьетнаме. Вьетнамская война только что закончилась и нам доводили скудную информацию о воздушных боях там и количестве сбитых американских самолетов. И не смотря на то, что США применили, как основной истребитель F-4 «Фантом», на малых высотах в ближнем воздушном бою Миг-17 превосходил этот новый самолет США. А на больших высотах Фантомов били Миг-21. Вот так в связке эти два истребителя, перекрывая все высоты, сражались там. По сравнению с Л-29 оборудование «утишки» и боевого было более старое и это психологически надо было преодолеть.

Как-то незаметно подкрался праздник, любимый всеми мужчинами, у которых были женщины и девушки. У меня таковой не было, поэтому не готовился к нему. Разве что написал поздравительную открытку маме и Наташе в Клин. Но тут случилось событие, которое перевернуло не только мою дальнейшую жизнь, но и жизнь некоторых других курсантов. В батальон курсантов пришло письмо, а вернее приглашение 301-му классному отделению от учебной группы фельдшеров-акушеров из Армавирского медицинского училища. Я тогда

недоумевал, почему именно наше классное отделение приглашали? Практика приглашений в учебные заведения, где преимущественно учились девушки, была не нова. И думаю что, это было правильно. С одной стороны курсанты имели возможность познакомиться с девушкой, не рискуя быть втянутым в драку с местными ребятами (а такое иногда бывало и тогда на «разборки» из училища выходил взвод, а то и того хуже - рота) с другой стороны девушки имели возможность познакомиться с будущими летчиками. А на третьем курсе уже можно было говорить на 99%, что это будущие летчики-истребители. Правда перед девчонками маячила перспектива попасть после выпуска курсанта в «тьму-таракань» что-то вроде Золотой Долины или Домбаровского, а то и того хуже Карши и Мары. Но и процентов на пятьдесят можно было рассчитывать на какой-нибудь Днепропетровск или Запорожье. Во-всяком случае попасть в глухую деревушку им после выпуска из медучилища вероятность была такая-же. Зато тут были здоровые ребята, с хорошей перспективой. А вообще -то думаю, что прежде всего на первом месте должна была быть любовь.

Разные классные отделения приглашали на вечера в пединститут, медучилище, юридический техникум. В этих учебных заведениях больше всего училось девушек. Курсантам училища в этом плане повезло, так как эти три профессии педагог, юрист и медик были наиболее востребованы в любом населенном пункте. Поэтому жены никогда без работы не оставались в гарнизонах.

Но я пошел не для того, чтобы выбирать себе жену. Во-первых: надо было представлять отделение на празднике; во-вторых: в казарме сидеть тоже надоело до чертиков, а идти просто в увольнение было не к кому. С девчонками, с которыми мы праздновали Новый год, мы не встречались больше, за исключением Мишки Акулова. В последствии перед госами он на Наталье женился. Юра Рябцевич пытался познакомить меня со своей сестрой, но после трех вечеров гуляний я почему-то не пошел больше на свидание. Уже в автобусе, когда ехали в медучилище, Валерка Чернышов рассказал, что это он попросил свою девушку, которая училась там, пригласить наше отделение к себе на вечер. В училище нас уже ждали, кто-то из девчонок дежурил внизу, нас провели в актовый зал. А может это была столовая, я уже не помню точно. Мне и другим ребятам было немного неловко, мы больше стояли в стороне группками и наблюдали девчонками, которые суетились в зале, бросая взгляды на ребят. Валерка Чернышов и Петя Чиков помогали монтировать аппаратуру. Потом объявили начало вечера. По-моему вначале было что-то из художественной самодеятельности, как-бы официальная часть. А потом объявили танцы. Я обратил внимание на одну симпатичную девушку с высокой прической на голове и решил пригласить. Обратил внимание на ее довольно безразличный взгляд в мою сторону, но танцевать пошла. В танце я представился, а она назвала свое имя. Но пока шел к окну после танца забыл ее имя. Подозвал Валерку и попросил его узнать имя девушки, он сбегал к девчонкам и выяснил, что ее зовут Ириной. Тут заиграла музыка и я пригласил Ирину опять. О чем мы разговаривали во-время танца? Не помню. Наверно о чем-то разговаривали. Но я опять забыл, как ее звать! Подозвал Валерку и уже смущенно, да и было от чего смутиться – дважды танцевал с девушкой, а имя забывал. Валерка с огромным удивлением сказал:

- Ирина! Я и то уже запомнил!

Больше я не забывал имя.

После вечера танцев в медучилище, а может мы ушли и раньше, мы пошли гулять по городу. Бродили по тихим улицам Армавира вдоль одноэтажных частных домиков. Прошлись по «горбатому» мосту, что находится на улице Ефремова. Воздух был напоен весенними запахами, а у меня на душе было умиротворение.

На остановке, что на улице Ленина недалеко от горбатого моста я посадил Ирину на автобус и сам отправился в училище. Договорились встретиться в следующую субботу.

В апреле ко-мне заехал друг отца дядя Витя Лунев. Я его хорошо знал по отцовской работе, да и дружили наши семьи одно время, когда мы жили на Крестьянской улице. Он был в командировке в Краснодарском крае и по-просьбе отца заехал в училище, чтобы узнать, как у меня идут дела. Мы посидели недолго в гостевой

комнате на КПП, где я ему и сказал, что решил жениться:

- Дядь Вить, передай родителям мое решение и скажи, что решил я однозначно.

Он конечно удивился такому сообщению, но сказал, что предасть обязательно. Потом он передал мне от родителей немного денег и мы с ним распрощались.

Мы уже встречались месяц с Ириной и после моей встречи с дядей Витей, я сразу-же сделал ей предложение. Произошло это в стеклянном переходе на вокзале, куда мы зашли немного согреться от прохладного, пронизывающего весеннего ветра.

Мы стояли на лестнице и целовались. И тут, я сам не ожидал от себя в этот момент, я сделал Ирине предложение:

- Ир, выходи за меня замуж?

Прозвучало это наверное не совсем романтично, не под сенью деревьев в парке, а вот так в переходе. Мне как будто кто-то сверху сказал: «Пора. Не упusti. Это твое». Была-ли это с моей стороны безумная, всепоглощающая любовь, как пишут в романах? Скажу честно, что нет. Но в душе будто выросло «Это твоя жена». Пожалел-ли я потом когда-либо, об этом предложении? Нет! И я всегда благодарил бога, что надоумил сделать предложение. А любовь пришла потом. Нет, не та пылкая юношеская любовь, которая часто перегорает, граничащая с безумием; а настоящая большая, когда осознаешь, что это твоя половина и без нее ты не можешь быть одним целым...

- Я не знаю, надо подумать...- неуверенно начала она.

- Думай. Двадцать минут хватит? – я был отчаянно категоричен, не понимая, откуда такая категоричность вдруг появилась.

Через двадцать минут, когда мы уже шли по горбтому мосту, я спросил, что она решила?

- Я согласна. Надо родителям сказать, что они скажут...- опять неуверенность.

- В следующую субботу поедem к родителям и я сам им скажу. – озвучил я свое решение.

Что и как все это будет происходить, я еще не знал. Никогда не видел, как сватаются, как говорят родителям девушки о своем намерении. Но, как говорил корсиканец, главное ввязаться в драку, а там посмотрим! Наполеон был из тех военачальников, которые предпочитали драку ожидаю. Примерно так думал и я. Неделя прошла как обычно, если не считать некоторого мандража, который я испытывал перед предстоящим сватовством.

В подошедшую субботу мы встретились (не помню уже, где проходили наши встречи, но это и не важно) и, чтобы не терять времени поехали к родителям. Оказалось, что Ирина жила с родителями на окраине Армавира, в районе кирпичного завода. Когда она вела меня домой, то надо было пройти через территорию завода. Дом находился за кирпичным забором завода и только лампочки, которые жители домов вешали на фасадах, освещали дворы. Улицы-же были в полутьме.

Нас ждали. Ирина сказала родителям про мое предложение и, что я приеду свататься. Мама Иры, Валентина Ивановна встретила на веранде. В ее глазах я

заметил некоторую настороженность и плохо скрываемую радость.

Чувствовалось,

что она испытывает некоторую неловкость, но какую неловкость испытывал я, сейчас представить трудно, ведь шел один без поддержки, как это принято в таких случаях. Меня пригласили в большую комнату, где меня встретил Иринини папа, Александр Прокофьевич. Усадили за стол. Сел и Александр Прокофьевич. А женщины принялись накрывать. Когда все уселись за стол, я объявил, что мы с Ириной решили пожениться и я прошу ее руки. У мамы лицо засияло. Но слово было за отцом. Это был казачий край и последнее слово говорил старший мужчина в доме. После некоторого раздумья, а может он выдерживал положенную в таких случаях паузу, папа согласился на наш брак:

- Ну что-же, мы с мамой не против, - бросив мимолетный взгляд на Валентину Ивановну, неожиданно для меня самого сказал он.

Мы выпили по рюмке вина за это решение. Вот только сейчас не помню пили отец или только пригубил рюмку. Потом уже я узнал, что Александр Прокофьевич не употреблял алкоголь. Одним словом мое сватовство состоялось, хотя я и немного сомневался, что все пройдет удачно. Потом были разговоры. Кажется я что-то рассказывал о своей семье, немного о себе. А может и не рассказывал о себе, сейчас уже не могу вспомнить. Но вот, слова моего будущего тестя я запомнил. Когда женщины ушли на веранду готовить чай, он сказал:

- Разговор между нами. У меня только одна просьба: не опозорь нашу семью. Я немного смутился, но понять его не смог. Как я мог опозорить? После свадьбы бросить Ирину? У меня такого и в мыслях не могло быть. Если я решал что-то, то назад не поворачивал. Но все равно ответил:

- Даю слово, что такого не будет.

Тут пришли женщины с чаем и всем тем, что полагается к чаю. Мы пили чай. Но время неумолимо съедало остатки моего увольнения и мне надо было возвращаться в училище. Ехать-то предстояло на двух автобусах. Ирина пошла меня провожать. На крыльце, под светом лампы, вокруг которой крутился рой ночных мотыльков, я распрощался с родителями и мы пошли на остановку. Автобусы в то время ходили аж за полночь, так что я не сомневался, что успею в училище. В казарме я естественно никому о моем сватовстве не сказал. На следующей неделе пошли подавать заявление в ЗАГС. Ближайшее число, на которое принимали заявления, было 24-е мая. Это несколько меняло наши планы, мы хотели расписаться в отпуске, который в этом году у нашего курса должен был быть в середине апреля. Мы заканчивали переучивание на МиГ-17 и должны были начать летать уже в конце июня. Но раз не получилось сыграть свадьбу в отпуске, я решил взять Ирину с собой в Клин, чтобы она познакомилась с моей семьей, а родители посмотрели на невестку. Родителей я предупредил о нашем приезде.

В отпуск мы поехали поездом, видимо Ирине было интересно наблюдать, как Кубанские и Ростовские степи постепенно сменились на лесные пейзажи. До дома мы добрались без приключений, а там нас уже ждали. Познакомил Ирину с родителями и сестрой, отметили все вместе наш приезд. Потом на следующий день пошли в гости к Мишиной маме, там тоже попили чай, а может и не только чай. Наш с Михаилом отпуск совпал с отпуском Сергея Игнатьева, который заканчивал Харьковское училище. Из отпуска запомнилась поездка на Волгу. Олег Борисович Чекановский организовал поездку нам на своих «Жигулях». Сосновый бор на берегу Волги, на подобии того, в котором мы жили с одноклассниками в походе после окончания школы, навеял воспоминания того недалекого прошлого. Поехало семь человек на Волгу: я с Ириной, Мишка с сестрой Татьяной, Сергей Игнатьев и Лена Чекановская. Как мы запихались в машину, сейчас уже не помню, но как-то запихнулись. Но потому, что в то время ГАИшников было не так много на

дорогах (правила нарушали редко), как сейчас, то добрались мы без приключений. Мы с Мишкой кинулись купаться, но непрогретая вода заставила нас быстренько ретироваться на берег. А Сергей и девчонки купаться, глядя на нашу гусиную кожу, наотрез отказались. Однако что самое главное на берегу великой русской реки-матушки? Правильно! Это пикник. Собственно из-за него мы и ехали. Можно было поехать и на дачу к Чекановским, но там не было речного бриза, замешанного на запахах водорослей, рыбы, хвойного аромата. Импровизированный стол - как всегда, старое покрывало, используемое теперь только для таких нужд. Бутерброды и нарезки, которые нарезались тут-же, украсили стол-покрывало. А в связи с тем, что на покатоном берегу стол имел идентичный угол наклона, стаканчики не стояли, а падали постоянно. Поэтому разливали вино «на весу». Один Олег Борисович смотрел на нас и только закусывал. Хоть ГАИ и не было на трассе, но береженого бог бережет. Приехали мы с Волги немного загоревшими и очень довольными.

Весь отпуск мы гуляли по Клину, ездили в Москву и понемногу готовились к свадьбе. А еще родители, а они уже знали о нашем заявлении в ЗАГС и дате свадьбы, купили нам золотые кольца. Мы выбрали наверное самые широкие кольца в магазине, еще их называли дутыми. Не потому, что там крылся какой-то обман, а из-за их формы – они были выпуклыми с внешней стороны и «впуклыми» внутри. Потом надо было заказать мне костюм. Я хотел было заказать у портнихи, у которой шил брюки, учась в школе. Но отец сказал, что у него есть хороший знакомый, отличный портной, еврей. Я не пойму до сих пор, почему в советское время, если еврей был портным или ювелиром, то это был специалист «каких поискать». Но тогда бытовало такое мнение. На душе у меня было не спокойно – в самый ответственный момент жизни и вдруг менять портного, у которого никогда не шил и не знаешь, какого качества продукция выходит из его рук. Но авторитет отца был выше моих предчувствий и переживаний. Мы с Ириной купили черный костюмный материал, а за ним мы ездили в Москву (там выбор был шире) и красную подкладку для костюма. Почему красную? Да я и до сих пор гадаю, но так захотела Ирина. Сходили на дом к этому еврей-портному, там он снял мерки с меня и обещал пошить за неделю. Меня такой расклад дел немного успокоил. Даже если он не успевал сшить за неделю, то было еще достаточно времени. Из отпуска решили приехать в Армавир пораньше. А костюм должен был привезти родители. Я сходил на одну примерку и портной сказал, что этого достаточно. Меня немного удивил такой расклад. Когда я шил костюм на выпускной вечер, то ходил на примерку раза три, наверное. Но это-же был еврей, который знал свое дело! И я, то-есть мы с Ириной со-спокойной совестью уехали в Армавир. Нам предстояло еще обойти родственников Ирины, чтобы пригласить на свадьбу. Тогда так было заведено, что личное приглашение на свадьбу было обязательно. Своих одноклассников я пригласил уже, когда были в Клину. Мы тогда с Ириной и одноклассниками немного погуляли на берегу нашей речки вечером в молодом парке, который несколько лет назад был высажен руками школьников. Я не знал, кто приедет, но то, что девчонки собирались на свадьбу, это было понятно.

В оставшиеся от отпуска дни мы потратили для подготовки к свадьбе и обходу родственников. По нашим подсчетам гостей должно было быть немало. Все-таки мое классное отделение, а это двадцать с лишним человек; Ирина учебная группа, и тоже примерно столько-же, родственники с Ириной стороны и друзья (а их было немало), да и с моей стороны клинских человек восемь насчитали. Александр Прокофьевич договорился со-столовой завода по поводу свадебных мероприятий. На мне лежала задача заказать торт в нашей военоторговской столовой в училище. Там было не так дорого, как в городе. Да и ребята, которые заказывали уже там, говорили, что делают отличные торты. Одним словом суеты

было немеряно, а отпуск уже подошел к концу. До свадьбы оставалось две недели.

Мы опять продолжали учиться, готовясь к летней сессии. Я забыл сказать, что весь наш курс был перемешан, после Аджикабула и Сальян, и поделен на тех, кто должен был летать на Миг-17 и тех, кто должен был летать на Миг-21. Конечно, все хотели попасть на Миг-21. Все-таки это сверхзвуковой более современный истребитель, чем Миг-17. Эскадрилий должно было быть две: одна в Армавире и одна в Майкопе. Каким образом проходил отбор на Миг-21, я не знаю, но мы с Мишкой не попали в число той половины курса счастливицков. Было немного обидно еще и из-за того, что Сергей Игнатьев уже летал в Харьковском училище на Миг-21. Мои переживания были недолги. А вот Мишка совсем захандрил. Что с ним произошло, я не могу и сейчас сказать, но он решил уходить из истребительной авиации. Он просил полковника Иванова - командира клинского полка, перевести его в Балашовское училище военно-транспортной авиации, чтобы попасть по выпуску в Клин. Я долго его уговаривал остаться и не дурить. И Иванов сказал, что он может его устроить в Клин летать, но уйдет он из полка, как тогда сложится Мишкина служба, он не знает. А это был не простой полк. Там через одного служили ребята с «лапой». То есть у них наверху была поддержка из родственников. Кто-то: или дядя, или папа, или еще кто из родственников служил в верхних штабах. А у Мишки никакой поддержки кроме Иванова не было. Но видимо разум восторжествовал, а эмоции и обиды улеглись, и Мишка остался в училище. Он смирился с мыслью, что выпускаться придется на Миг-17.

Жизнь показала, что это был отличный вариант, что заканчивали на Миг-17. В последующем все летали только на сверхзвуковых истребителях, на которых пилотаж был сильно ограничен по различным причинам. В основном по допустимым перегрузкам для радиоэлектронного оборудования. Да и сама специфика авиации ПВО не предполагала воздушные бои, как основной вид ее применения. Перехват цели и уничтожение ракетами на приемлемых дальностях или принуждение к посадке пушечным вооружением. Только с приходом в авиацию Миг-23, Миг-29 и Су-27 изменили ситуацию. Это уже были пилотажные в определенном смысле самолеты, которые могли вести маневренные воздушные бои.

Незаметно подошел день свадьбы. Родители приехали поездом дня за три до свадьбы. Я их встретил на вокзале в городе. Они привезли ковер с собой в подарок. А еще целый чемодан апельсин, сырокопченую колбасу. Проводил их в дом Ирининых родителей, а сам уехал в училище. Проблема пришла, откуда никто не ждал. За неделю до свадьбы стало известно, что в училище приезжает комиссия от Главкома ПВО для проверки физической подготовки курсантов. Не помню уже все курсы проверяли, или только наш. Но то, что наш будут проверять, ни у кого сомнений не было. Я не думал, что именно наше классное отделение попадет на проверку. Надо было быть «самоубийцей», чтобы представить для проверки отделение, которое накануне гуляло на свадьбе.

За день до свадьбы меня вызвали на КПП. Оказывается, приехали одноклассницы Валя Спирина, Ирина Широкова и Мишина сестра Татьяна. Я вызвал Мишку и он отвел их на квартиру, которую он с ребятами из его взвода снимали в частном доме. У нас некоторые практиковали съем комнат у частных, чтобы в выходные было где переодеться и провести вечер с девчонкой. Снимали обычно три-четыре человека в складчину. И по графику (по очереди) пользовались комнатой.

За день до свадьбы в столовой начали делать торт. Торт был большой и делать его начали ближе к вечеру, чтобы дневная жара не расплавила крем. Сейчас не знаю по какой причине, но оставить торт нельзя было в столовой до

утра, кажется холодильник не работал. Мы ждали, когда торт будет готов. А потом вдвоем с кем-то из ребят нашего отделения мы везли торт к Ирине домой. Таксист отказался ехать к дому в поселок, боялся, что заблудится на обратном пути, и высадил перед заводом. Нам пришлось идти через завод. Ночь уже накрыла Армавир, а с ней подошел

грозовой фронт. На полпути к дому редкие крупные капли дождя начали делать в торте такие кратеры, словно метеориты на поверхности планеты. Пытались закрывать фуражками торт, пока продвигались к дому. Но все равно торт перестал быть идеальным. Александр Прокофьевич спустил торт в погреб, там было намного прохладней. Еще оставалась надежда, что торт не потеряет окончательно свою эстетическую привлекательность. За кулинарную привлекательность мы не переживали, кулинары расстарались. В казарму прибыли уже к отбою.

Надо сказать, что командир взвода, капитан Почивалов всегда выписывал мне увольнительные для решения свадебных вопросов в городе. Все офицеры прошли эту предсвадебную суету и понимали, что время это очень сложное. Не всегда вопрос решается с первого раза, но решается.

24-е мая пришлось на субботу. С утра все ушли на занятия, а я остался в казарме, так как надо было ехать к родителям Ирины, чтобы подготовиться к свадьбе. Не пошли на занятия и еще четыре человека из отделения. Они правильно полагали, что одному мне не украсить машины, чтобы ехать за невестой. Да и выкупать надо было невесту кому-то. Свидетелем на свадьбе был Царев Михаил. И он уже получил увольнительную у своего командира взвода. А меня еще не отпустили, так как в канцелярии у комбата было «совещание в Филях» - командир батальона, командиры рот и взводов собрались у комбата, ждали звонка из штаба училища - какие отделения попали на проверку. По физической подготовке так уж получилось, что министерство обороны решило проверить наше училище по физической подготовке именно 24-го мая. Я ходил из угла в угол, стараясь успокоиться – время-то неумолимо текло! Ребята тоже нудились, им надо было получить увольнительные. Когда офицеры вышли на перерыв, то удивились, что вместе со мной еще четверо в казарме прохлаждаются:

- А вы что здесь делаете?!- изумился капитан Желудков, а он был командиром роты у нас.

- Вот собрались с Заднипранцем, чтобы помочь в подготовке к свадьбе, - за всех ответил Слава Щипицин.

- А ну все на занятия! Помощники тоже мне нашлись! Без вас справятся! – Желудков был неумолим, а еще и рассержен отсутствием информации из штаба. Ребята пошли нехотя собираться на занятия. И тут вышел подполковник Солодов, командир батальона курсантов. Я к нему:

- Товарищ подполковник, разрешите убыть на свадьбу?! А то скоро расписываться, а я тут сижу... - в голосе у меня уже была обида и Солодов видимо это почувствовал:

- Я тебя вместо свадьбы на гауптвахту посажу! А если твое отделение попадет на проверку, а вы все после свадьбы будете? - он замялся, не озвучив самого главного «с похмелью».

Надо было быть до крайности наивным, чтобы предположить, что курсанты на свадьбе у своего товарища не будут пить алкоголь, а только компот. В батальоне таких наивных не было не только в офицерской среде, закаленной регулярными нарушениями всех статей дисциплинарного устава курсантами, но и в самой курсантской среде самых дисциплинированных представителей будущей элиты Вооруженных сил.

Но вот это солодовское «посажу на гауптвахту» меня так задело, что уважение

к нему у меня мгновенно исчезло:

- Тогда разрешите съездить к невесте и сказать, что свадьбы не будет! – меня уже понесло.

- Сиди и жди! – видимо не зная, что ответить на мою наглость, только и сказал командир батальона.

Ребята никуда не пошли, а просто спрятались в туалете, а я остался ждать пред кабинетом решение своей участи. Буквально через несколько минут вышел Почивалов и вручил увольнительную записку мне со-словами:

- Езжай на свадьбу. Но если твое отделение попадет на проверку, ты должен быть тоже на проверке.

И добавил:

- Я приеду и проверю, чтобы не употребляли.

- Я понял! – мои надежды, что свадьба освободит меня от проверки, не оправдались, но это были реалии армейской жизни.

Быстро переодевшись и переговорив с ребятами, что Володя Толубеев проводит их к Ирине домой, когда они смогут уйти из батальона, кинулся на автобусную остановку. В доме кипели страсти, что меня до сих пор нет. Быстро объяснив, что к чему, стал одеваться и я. И тут случилось то, чего никто из нас не предполагал. Дело в том, что костюм, который мне пошил портной, сидел на мне откровенным мешком! С Ириной случилась истерика примерно как в фильме «Бриллиантовая рука», когда Геша кричал: «Лелик, все пропало!». Ситуацию казалось нельзя исправить, свадьбу уже не отложишь. И тут вмешался Женя, старший двоюродный брат Ирины:

- А может мой свадебный костюм оденет? Мы с ним одинаковой комплекции?

Это немного успокоило мою будущую вторую половину, но не совсем, ведь у костюма Евгения не было красной подкладки! Однако делать было нечего. Мы рванули с Женькой на квартиру к Ириной бабушке, где он жил с семьей. Собственно нам все равно надо было идти туда, машины-то тоже там наряжали девчонки из Ириной группы. Минут через сорок туда подошли и мои ребята, их проводил кто-то из родственников. Костюм мне подошел очень хорошо, только брюки я взял от своего костюма.

По приезду папа рассказал, как еврей шил костюм. Когда подошел срок, отец пошел забирать костюм, не сомневаясь, что он может быть не готов. Дверь ему открыл незнакомый мужчина. На вопрос:

- А где Игорь Моисеевич (имя я взял произвольно, т.к. только отец знал имя портного)?

Последовал вполне еврейский ответ вопросом:

- А что Вы хотели, уважаемый?

- Да я пришел за костюмом, который должен быть готов уже. А где сам портной?

- Он сейчас немного занят. Я посмотрю, готов-ли Ваш костюм. Я брат Игоря

Моисеевича.

Отец остался ждать в прихожей. Немного погодя, вышел брат портного и сказал:

- Костюм немного не готов. Придите послезавтра к вечеру, он будет готов.

- Как послезавтра? Мне завтра уезжать к сыну на свадьбу, это его свадебный костюм!

И вот тут все прояснилось:

- Да что вы говорите?! Это Игорь так подвел Вас? Это непорядок! Это очень плохо! Приходите завтра утром, он будет готов! Я заставлю Игоря дошить костюм! Он сегодня немного выпил, поэтому сейчас нельзя давать шить костюм ему. Но к вечеру проспится и ночью непременно дошьет его.

И уже закрывая дверь, все приговаривал:

- Какой позор, какой позор...

Оказалось, что Игорь Моисеевич уже третий день был в запое и «за костюм он совершенно забыл». На следующий день отец пришел за костюмом и брат портного

(я так понимаю, что Игорь Моисеевич так и не дошел до состояния, чтобы выйти самому) отдал готовый костюм. И вот теперь перед самой свадьбой я увидел работу

«лучшего портного города». То-ли брат все-таки заставил дошить самого портного, то-ли сам взялся «смыть позор», но мне от этого было не легче. Да и Ирина уж больно расстроилась – сидел он на мне мешковато и плечи свисали немного.

Пока я переодевался, ребята и девчата украсили машины. Время бежало сломя голову! Не мешкая ни минуты, мы свадебным кортежем поехали выкупать невесту. Двоюродные братья Ирины: Смеловы и Василенко, за то время, что мы объезжали завод, успели прибежать к дому Ирининых родителей и натянуть ленту на улице. Я сунул деньги, что были у меня, Мишке и мы вышли из машин. Начался торг. Мишка торговался долго, а время поджимало. Я шепнул ему:

- Отдай все, что у нас есть! Времени уже нет!

- Нет, я буду торговаться!

Меня уже начинало бесить его упрямство. Собственно это был просто ритуальный спектакль, который надо было сыграть. Но Мишка воспринял это всерьез. И только моя настойчивость заставила его отдать все деньги, что были у нас. Помоему он потом мне говорил, что сторговался-бы и за меньшую сумму, но я его так и не понял, зачем ему это надо было. В доме родители Ирины и мои родители перекрестили нас иконой. Видимо принесли от бабушки, так как я не видел до этого в доме иконы. А может она и была, только я не обращал внимания. Мы поцеловали икону и пошли к машинам. В кортеже было семь машин. Расселись вся молодежь, которая уже собралась у дома. Родители не поехали, а остались ждать нас.

В ЗАГСе уже нас ждали и все прошло довольно быстро. Роспись, обмен кольцами, вынос невесты на руках из ЗАГСа, катание по городу на машинах под звук клаксонов... Последним местом, куда мы подъехали, это был вечный огонь у памятника павшим воинам в парке на улице Кирова. А в голове у меня все время вертелся вопрос «Попадем мы на проверку или нет?» Развеял все сомнения Алексей Шутько. Он встретил нас перед входом в парк. Подарил цветы невесте, поздравил нас. И на мой вопрос:

- Ну как?

- Попали, - как мне показалось, с обреченностью ответил Леха.

Стало понятно, что комиссия сама выбирала отделения на проверку. Наши не рискнули-бы отдать на проверку отделение, где все будут с похмелья.

Настроение было немного подпорчено. Это получалось, что второй день свадьбы должен был пройти без меня. А свадьба, что называется «пела и гуляла», и мысли о проверке быстро ушли на второй план. Все это будет завтра, а нам надо жить сегодняшним днем, тем более, что такое бывает раз в жизни, по крайней мере у большинства.

Само застолье было намечено на вечер. К этому времени и ребята уже заканчивали занятия. Родители до самого последнего суетились в столовой, помогая поворам и официанткам накрывать столы и расставлять стулья. Когда все собрались, начались тосты, «горько» и подарки. Мы практически ничего не ели, не было времени – надо было слушать стоя здравицы и пожелания, и целоваться. Вначале было шампанское, потом водка, а за ней пошел спирт-ректификат. Через небольшой промежуток времени после начала гуляний, к нам пожаловал капитан Почивалов «с проверкой». Ребята его встретили у столовой и проводили в зал. Он,

как мне показалось, совершенно искренне сказал хорошие слова в наш с Ириной адрес. Когда случился небольшой перерыв в тостах и мы с ребятами вышли перекурить, я потихоньку попросил своего папу взять командира взвода «на себя». Он все понял, и теперь ребята могли не бояться «засветиться» с рюмкой в руке. Грузили отца-командира в автобус все вместе, когда солнце только легло на горизонт. Он постоянно улыбался и все время желал нам счастья. Я знал, что Почивалов в любом случае никогда не стал-бы «строить» ребят на свадьбе и докладывать командиру роты о тех, кто пил за столом.

Был один нюанс, который мне предстояло решить еще до застолья. Редкая свадьба на Руси обходилась без выяснения отношений между молодыми людьми. Да и старички, «разогревшись» спиртным, иногда вспоминали молодость. Если за наших «старичков» я был спокоен, то «неровные» отношения между гражданской молодежью и курсантами, которые иногда наблюдались во-всех городах страны, где были размещены военные ВУЗы, могли стать ложкой дегтя на нашей свадьбе. Не минула сия чаща и Армавир. Почти каждый курс имел опыт «боевых действий» на ночных улицах Армавира. Нашему курсу тоже «повезло» отстаивать честь и достоинство наших однокашников. Все конфликты возникали из-за девушек. А на свадьбе кубанских красавиц было немало. Поэтому попросил Славу Щипицина следить за ребятами и пресекать любую возможность «почесать кулаки».

- С тем, кто завяжет драку, разберусь в казарме, - добавил я.

К счастью конфликтов не было, за местным контингентом посматривали двоюродные братья Ирины, а их в поселке уважали.

Когда уже совсем стемнело и мы с Ириной изрядно устали, решили потихоньку, чтобы не мешать гостям, ускользнуть домой. Шли мы через территорию завода, а иголки подоткнутые в подол свадебного платья («от сглазу») впивались в ноги моей, теперь уже, жены. Пришлось взять ее на руки и нести до самого дома. В то время это для меня не было проблемой, была она миниатюрной сорок четвертого размера. Дома переоделись, стало легче дышать. И тут дал себя знать голод, за столом-то мы почти не ели. Со-смехом, что за свадебным столом остались полуголодные, мы отменно «повечеряли».

Омрачало немного нашу свадьбу только одно – отсутствие брата Ирины, Гены. Он служил срочную службу и должен был прийти из армии только на следующий год.

* * *

Утром, встав пораньше и наскоро позавтракав, я поехал в училище. Особого ажиотажа не было в казарме по поводу проверки, только несколько человек двинули свои стопы в роту охраны, чтобы на время проверки поменяться с солдатами сапогами. Керзовые сапоги солдат были раза в два легче наших яловых, поэтому в них было легче бежать кросс. Я не стал заморачиваться, да и думы у меня были не о проверке - мыслями был на свадьбе. Наша армавирская «мафия» в лице Длинного (Генка Грехов), Мраморного (Толи Михайличенко), Картуза (Александр Картуз) и Грини (Гриша Сухинин), Корнета (Евгений Корнилов) увидев меня затащили в свой угол и достали бутылку водки. Они поздравили с женитьбой и налили пол-стакана, аккуратно сто грамм. Потом выпили и сами «за здоровье молодых». Из закуски была дешевенькая конфета, пошли «закусили» в курилке сигаретой. Прозвучала команда «строиться» и нас повели на спорткомплекс сдавать проверку комиссии министра обороны.

Первым упражнением был подъем переворотом. Сделал без труда, тем более, что «допинг» уже начал действовать и прибавил сил. Вторым шел лопинг. Это авиационные качели, где тренировали вестибулярный аппарат. Это для нас был

один из любимых снарядов, во-всяком случае для меня. Поэтому, а может из-за принятого допинга накануне за столом, Раис Галимов установил рекорд училища, что называется «не отходя от кассы». Командир роты Желудков, открыв широко глаза, все удивлялся:

- Вы что, допинг принимали что-ли?!

Затем был кросс на километр. Первая половина дистанции давалась трудновато. Кто-то уже обогнал меня, пронесся мимо Петя Чиков в своей излюбленной позе «стайера» – ссутулясь и согнув руки в локтях так, что кулаки маячили на уровне лица, быстро перебирал полусогнутыми в коленях ногами. Складывалось впечатление, что под ним было колесо, а не две ноги. Я всегда удивлялся Петьке, курившему непомерно много сигарет - он бегал кроссы без каких-либо усилий. Другие «сдыхали» на половине дистанции, а Пете все нипочем. Немного отдышавшись после бега, он обязательно лез в карман за сигаретой, свои легкие «приводил в порядок».

Вдалеке замаячил финиш! Когда я увидел транспарант с этим многозначительным словом «финиш», появилось второе дыхание и прибавилось сил «и я рванул на десять тысяч, как на пятьсот» (В.Высоцкий). Руководство подумало о «повышении самоотдачи курсантов» на дистанции кросса и пригнало училищный духовой оркестр. Разместили его рядом с финишем. И, когда появлялся курсант в поле видимости, начинали играть то-ли гопака, то-ли еще какой-то быстрый народный танец вроде «Молдовеняски». Поэтому было слышно еще за метров триста, как кто-то очередной финиширует. Сыграли для «поднятия духа» и мне, добежавшему последние сто метров дистанции. Меня такой музыкальный финиш раздражал и только капитан Желудков все делал правильно – он кричал, как неистовый болельщик на стадионе:

- Давай, давай! Молодец!

А где-то сзади были еще ребята, которым предстояло тоже услышать «Молдовеняску» на финише. Но каждому Желудков кричал «давай-давай», поднажми» и тому подобное.

Когда прибежал последний «кроссмен», нам дали передохнуть минут десять и пригласили на стометровку. Это был последний вид упражнения. Я его считал самым легким для себя видом физических упражнений, не зря-же в школе занимался легкой атлетикой. Забеги были на асфальте между спорткомплексом и казармой Армавирского учебного полка. Все проходили быстро – двое выходили на старт и из положения лежа стартовали в сторону солдатской тумбочки, за которой разместился проверяющий с таблицей результатов забега. А рядом стоял все тот-же капитан Желудков и кричал свое:

- Давай, давай! Молодцы!

Хмель свадебного стола, которая еще поддерживала выброс адреналина в молодые здоровые организмы еще с утра, уже начала сдавать свои позиции. К нашим организмам стало приходить понимание, что они отравлены. Кто-то не останавливаясь на финише бежал дальше в кусты и очищал организм согнувшись пополам; кто-то присев на корточки вытянув руки вперед и опустив голову, пытался таким образом перебороть «болезнь». Одному мне было хорошо, я-же не пил на свадьбе, разве что бокал шампанского. На финише, когда я подошел к проверяющему и назвал свою фамилию, чтобы тот записал мой результат, Желудков вытащил заранее приготовленную увольнительную записку и положил на тумбочку:

- Держи! Давай, догуливай свадьбу!

На недоуменный взгляд проверяющего, добавил:

- Он вчера женился и сейчас без него догуливают свадьбу, а он тут проверку сдает

- Раз так, то поздравляю! – понимающе с улыбкой поздравил представитель от министерства обороны и пожал руку.

Ребятам я сказал, чтобы подходили домой к родителям Ирины, а сам побежал в казарму переодеться в парадку. День набирал уже обороты и солнце приятно припекало. В самых лучших предчувствиях я спешил домой, догуливать свадьбу. Да и волнение меня не покидало – как там Ирина одна представляет нашу семью перед гостями? Но дома меня ждало разочарование, свадьбу уже догуляли без меня в столовой и гости разошлись. Не видел я как катали на тачке наших родителей, ряженные тоже были. Я только и сказал, что сейчас приедут ребята. Дома засуетились и стали накрывать на стол. Состоявшиеся спортсмены не заставили себя долго ждать и буквально через минут сорок привезли свои страдающие

организмы. Пока «скоронько» выставляли закуску и «штофы», кое-кто прошел в сад и угощался «майкой» - ранней вишней. После вчерашнего, это было актуально. Потом уже на четвертом курсе, когда поспела «майка», я каждое утро привозил в портфеле небольшой пакет ярко алых вишен ребятам в казарму. Догуливали недолго, постепенно ребята с девушками начали расходиться.

Родители гостили в Армавире мало, надо было возвращаться домой. Мне конечно жаль было расставаться с родителями, но на третьем курсе еще не было свободного выхода в город, поэтому видеть их я мог только по выходным. Жизнь пошла своим чередом. Будни учился, а в выходные уходил в увольнение теперь уже домой. Мы ездили в город гулять, помогали родителям, если это надо было. А чаще всего мы с тестем ходили на рыбалку. Конечно в деревне мальчонкой рыбачил много, но это было на спокойной воде, когда на поплавки то и дело садились стрекозы, а отраженное от воды солнце, словно наркотик, «убаюкивало». Другое дело на Кубани. На ней удочка только в заводях можно ловить, а на самой реке, еще не уставшей в своем беге с гор кавказских и подпитываемой еще более стремительным Урупом поплавочные удочки не годились. Там тесть научил меня ловить на закидушки. Только это были не простые закидушки, какими пользовались на Волге к примеру. А закидушки на спиннингах. Только вместо блесен на конец лески привязывали свинцовый груз, обычно вылитый по форме столовой ложки. А выше груза делали петли и на них вешали крючки с поводками. Обычно три поводка. И крючки были не «заглотиши», а семерка. И лучше, если крючок был кованный, этот выдерживал приличных сазана и усача.

Впервые мы пошли на рыбалку со-всей молодой родней, но организатором мероприятия конечно был тесть. Непонятно было: то-ли это рыбалка, то-ли пикник с шашлыками на берегу Кубани. Пошли мы ближе к вечеру, когда я пришел в увольнение после занятий. Отпускали меня теперь в увольнение на два дня с ночевкой, это была привилегия «женатиков», как нас называли в казарме те, кто еще не связал себя узами брака. Конечно, они бравировали своей свободой, но в душе завидовали, что мы официально уходили с «ночевой», а им приходилось убегать в самоволку.

Наш путь пролегал мимо дачных участков, где, кстати, находилась и дача Ирининой бабушки, тоже Ирины; через старую промышленную свалку, куда вывозили отходы со стройкомбината. Пересекали шоссе, что уходило в Новокубанку и далее на Ростов, и выходили через помидорное поле к берегу Кубани. Весь путь занимал километра полтора, но под палящим солнцем и по пыльной тропинке идти было не особо приятно Зато на берегу нас ждала прохлада. Ивы росли по над берегом, создавая тень, а у обрывистого берега несла свои мутные воды Кубань. Место видимо было хорошо знакомо тестю раз он не останавливаясь привел на него. Трава

была вытоптана в этом месте, видимо рыбаки любили сживать здесь под ивами. А тропинка уходила вдоль берега дальше.

С собой мы несли шампуры и маринованное мясо в кастрюле. А вот про «выпить» не помню. Тогда тесть не пил, поэтому не любил, когда в его присутствии выпивают, он уходил. Тесть стал забрасывать снасти, мы пошли по кустарнику искать сухие дрова, девчонки стали резать овощи для стола. Мангала не было, поэтому соорудили из камней. Тем более, что нашли немного кирпичей у старых небольших кострищ, видимо частенько рыбаки приходили сюда с ночевкой. Я тогда не предполагал еще, что и сам буду ходить на рыбалку на это место, да и с тестем придем через несколько лет с ночевкой сюда.

Костер уже во-всю горел, нанизывали мясо на шампуры. Солнце уже перевалило далеко за пол-день. А у нас уже были готовы шашлыки. Мне дали шампур и проголодавшись, я с удовольствием ел сочное мягкое мясо. Но почему-то не ощущал вкуса баранины или свинины с говядиной. Подумал, что это был кролик. Все с любопытством поглядывали на меня, а я не мог понять этого самого любопытства к своей персоне. Понял уже после вопросов тестя:

- Ну, как мясо?

- Вкусное, - вполне откровенно ответил я.

- А ты знаешь что это за зверь? – продолжал любопытствовать тесть.

- Нет, - немного настораживаясь, ответил на его вопрос. Тут явно был какой-то подвох.

- Это мясо нутрии, - ожидая определенную реакцию, раскрыл он тайну, в которую меня решили не посвящать до поры.

Дело в том, что тесть разводил кроликов и нутрий. Это было хорошее подспорье для хозяйства и бюджета. Шкурки на продажу, а мясо на стол. Но я пробовал нутрию первый раз. Не все могли есть мясо нутрии, в большой степени на людей действовал внешний вид этого животного, особенно его большой голый хвост. А мясо-то было полезным. Им лечили печень. И даже некоторые переезжали в Краснодарский край именно из-за мяса нутрии, которого в регионе было почти в каждом дворе. Неприхотливое животное питалось любой растительной пищей. С кроликами было больше возни, чем с нутриями. На рынке оно стоило дешевле любого другого мяса.

- Ну и что, мне очень даже понравилось, - подытожил я наш разговор с тестем. Ребята засмеялись, они ожидали другой реакции от меня. Но тот, кто жил, хоть и не весь год, в деревне, мог и жареную лягушку съесть. Ведь ели-же мы в детстве жареных на углях костра речных двустворчатых моллюсков.

Мясо съели довольно быстро, да и все другую снедь тоже подобрали дочиста. Рыбы не удалось поймать, да и не главное было это на пикнике. Но домой вернулись довольные. А мое теперь уже близкое знакомство с Ириной родней молодого поколения стало перерастать в дружбу.

Однажды я не смог пойти в увольнение на выходные по банальной причине – опять попал на губу. Теперь уже на трое суток. Это была уже не Аджикабульская гауптвахта, в Армавире все было иначе и курсантам никаких скидок не делалось. В субботу нас вывели копать траншею за военторговской столовой. Работа была не тяжелой, а тень от деревьев спасала от солнца. И вот прибежал кто-то из нашего взвода ко-мне и сказал, что Ирина пришла на КПП. КПП было совсем рядом и я мог-бы сбежать на свидание, тем более, что солдат, охранявший нас, был не против отпустить меня минут на десять. Но я не пошел, так как было стыдно, что был наказан. И не смотря на уговоры ребят, так и не пошел. Ирина видимо обиделась, но потом я объяснил ей причину. Это была моя третья губа и последняя за все время учебы в училище. Я сейчас удивляюсь, почему меня после трех «отсидок» так и не понизили в должности и не лишили сержантских

погон. Но объяснения этому так и не нахожу.

* * *

Училищные будни дарили не только приятные моменты, но и одаривала неприятными эпизодами, которые не хотелось-бы вспоминать, но надо. А иначе сложится впечатление, что нас курсантов отцы командиры «носили на руках». Нет, совсем не так это было. Отцы командиры были разные, в основном те, кто любил работу с курсантами и воспринимал курсантов, как детей своих. Но и они иногда «прибегали к крайним мерам», дабы «не повадно было». Большие детки и наказание несли «по-взрослому». Малых деток ставили в угол, а больших, то бишь курсантов, отправляли на гауптвахту. Если во всех тонкостях подходить к оценке проступка, то не всегда он «тянул» на «губу». Но, как и в оценках фигуристам и гимнастам присутствует субъективизм, так и в оценках курсантских «художеств» так-же присутствует эта мировоззренческая позиция — понятие, введенное еще Декартом в шестнадцатом веке. А посему гауптвахта училища редко «тосковала» по общению с нашим братом. Чаще всего на «губу» сажали будущую элиту вооруженных сил за употребление спиртных напитков и самовольные отлучки. Остальное, как то: пререкание со старшим по званию, невыполнение приказа младшего командира, нарушение формы одежды и т. д. наказывалось нарядом вне очереди или выговорами. И вот, опять не помню за что, я получил трое суток ареста. Действительно, отсидев на «губе» трижды, я не могу вспомнить причины двух

«посадок» за исключением одной. Трое суток мне мог объявить только «от командира роты и выше», но кто объявил, тоже не помню. Да это и не важно! Главное, что эти трое суток мне предстояло отсидеть с пятницы по воскресенье включительно, а значит дома должны были узнать о моем позорном сидении на «губе». Старшина, а может быть командир взвода, вручил мне записку об аресте и я, собрав туалетные принадлежности — полотенце, мыло, зубные пасту и щетку отправился отсиживать проступок. Армавирская гауптвахта была далека по своей демократии от аджикабульской. Здесь уже хозяйничала рота охраны и комендант гауптвахты - прапорщик. Приняли меня не то, чтобы с распростертыми объятиями - все-таки 4-й курс это не салаги первого года службы, но по уставу. У нас за плечами было три года армейской жизни и солдаты не баловали дедовщиной по отношению к «сидельцам». И самое главное, что здесь, в Армавире, у арестантов всегда была работа. Мы возвращались только на обед и на отбой. Все остальное время

работали, даже я командир отделения. Это было уже нарушением устава караульной службы, но я не жаловался, за работой время проходило быстрее, да и пообщаться можно было с другими.

На гауптвахте не было выходных для арестантов, поэтому нас троих — меня и двоих солдат отправили копать траншею за военторговской столовой для прокладки кабеля. Работа была не тяжелой, копать-то надо было с пол-метра глубиной, а участок находился в тени деревьев. Смущало одно, что недалеко была казарма, КПП и пролежала дорожка от казармы до этого КПП, и ребята могли видеть меня. Так как дело было в выходные, то не дождавись меня домой Ирина приехала на КПП узнать про меня, что случилось. Естественно позвонили в роту и кто-то из ребят прибежал ко-мне с вестью, что на КПП ждет жена. Я отказался идти на КПП, хотя караульный, который за нами приглядывал, отпускал меня, тем более, что КПП было совсем рядом. Мне стыдно было показываться на глаза жене, тем более, что и сапоги были грязные и сам не брит. Посыльный прибежал два раза, но я так и не пошел на КПП, Ирина уехала домой, наверное обидевшись. Сейчас мне смешно за мой глупый поступок. Что-бы случилось,

отойди я на пять минут на КПП? Да ничего! Но тогда... Тогда я смотрел на это другими глазами. Тогда я не мог подставлять солдата, который нас охранял. Да и... стыдно было, что сижу на гауптвахте.

*Конкурс песни 18-го августа 1975-го года.
Я в задних рядах, как самый высокий*

Еще в памяти эта гауптвахта запомнилась тем, что копали могилу для погребения начальника политотдела училища полковника Попова. В тот раз среди нас был один стройбатовец. А было ему в ту пору уже 27 лет. Мы с ним разговорились и выяснилось, что у него двоюродный брат генерал, но служить в стройбат он сам напросился, когда его родня «засунула» в армию для «исправления».

Мы летаем на боевых!

Время учебы закончилось, мы сдали экзамены и стали готовиться к полетам на Миг-17. Две наши роты перетусовали и теперь к нам во-взвод попали ребята из четвертой роты. Часть нашей роты, которая готовилась летать на Миг-21, поехала в Майкоп, а мы поехали в Бароновку. Это был грунтовый аэродром Армавирского полка, расположенный в 13-ти километрах от города. Если по прямой, то от Бароновки до училища всего десять километров. Мы собрали весь наш скарб и летное обмундирование, загрузились в тягачи и выехали в Бароновку. Грузили в тягачи не только наш скарб, а и кровати, тумбочки, табуретки. Первое

впечатление, когда мы приехали туда, было такое, что нас привезли в пионерский лагерь. Несколько зданий барачного типа, между которыми были проложены асфальтовые дорожки, утопали в тени огромных раскидистых вязов и тополей. В одном бараке были помещения для нас и инструкторского состава, только располагались в разных крыльях барака. Каждое звено получило отдельное спальное помещение. Это было тоже новшеством, приятно удивившим меня. Теперь в каждом кубрике был старший по кубрику – командир отделения. Сами помещения были светлые и уютные. Напротив нашего здания располагалось здание столовой. А немного поодаль был еще один небольшой барак, в котором жили повара и официантки из столовой. Был барак и для технического состава эскадрильи. Все это называлось лагерным аэродромом, там летали только в летнее время. А на зиму эскадрильи перебазировались на аэродромы постоянной дислокации. Раньше в майкопском полку был полевой аэродром, расположенный рядом со-станцией Гиагинской, но землю отдали совхозу, а аэродром распахали. Почему нас не повезли в Майкоп сразу, не знаю и до сих пор. Могу только предполагать, что второй эскадрильи, которая готовилась летать на Миг-21, полеты планировали проводить чаще, чтобы готовить параллельно и инструкторов, и курсантов. Как-бы то ни было, мне такое положение вещей нравилось. Была возможность на выходные выезжать в увольнение в Армавир.

После приезда в Бароновку и устройства в кубриках, объявили построение. Командиром нашей эскадрильи был подполковник Колесников Николай Иванович. Он был невысок, коренаст, с суровым взглядом. Но, как оказалось потом, эта внешняя его суровость ничего общего не имела с его внутренним миром. Ковалев был добрым и справедливым командиром. Он умел и любил пошутить. И не только над другими, но и над собой, в чем мы не единожды убеждались потом. Как это заведено было, начальник штаба АЭ, а это у нас был майор Яковенко Юрий Анатольевич, стал зачитывать боевой расчет. В строю инструкторов стоял и Кизюров. Я, Петя Чиков, Толик Пешнин и Леша Шутько попали в звено майора Ковалева Геннадия Федоровича и в экипаж майора Кизюрова Александра Питиримовича.

Мое сердце ёкнуло, когда услышал свою фамилию, прозвучавшую в контексте с фамилией Кизюрова. Моя шутивная просьба в Аджикабуле обрела свои реальные очертания и перспективы не совсем радужные. Имея опыт полетов в учебном полку, я понимал, что возникшие когда-то трения с командиром звена в южном полку не

должны пройти бесследно, для курсанта во-всяком случае. Но, обратной дороги нет, «мосты я сжег» еще в Аджикабуле, хотя и не подозревал тогда, что «поджег» их своими руками, а лучше сказать необдуманностью своей просьбы. Я до сих пор не могу понять, почему Питиримыч был ко-мне излишне требователен что-ли? Иногда казалось, что он ожидал от меня большего, чем от других, в летном обучении. А может я просто заблуждался, ведь летал не хуже других. Вылетал в числе первых, лишних контрольных полетов не брал. Но только одно на ум мне приходит, это мое отношение к ведению документации. За что, кстати, в характеристике он и указал на эту деталь наравне с другими положительными оценками. Да, это была моя ахиллесова пята. Для меня было в удовольствии не вылезать из кабины самолета, но заполнение документации было мукой, поэтому часто делал ошибки из-за своей невнимательности. Еще Нина Семеновна, учительница русского языка всегда говорила мне, когда в сочинении я делал ошибки:

- Вячеслав, ты все в облаках витаешь? Ведь было время проверить ошибки! Видимо не отложилось тогда у меня, что бумага это документ. Да и сейчас, когда

просматриваю свои летные книжки, нахожу иногда ошибки. А математичка Янковская Мария Феликсовна то-же самое озвучивала несколько иначе:

- Заднипронец, хватит витать в облаках и отвлекаться по пустякам! Работать надо!

Но жизнь продолжалась и мы приступили к наземной подготовке. Учебными классами, где мы изучали район полетов, запасные аэродромы, радиотехническое и навигационное оборудование своего и запасных аэродромов, готовились к полетам, для нас были небольшие беседки со столами. Для каждой группы была своя беседка. Располагались они сбоку нашей казармы, а рядом, за казармой стоял старый фруктовый сад. Видимо и сад посадили, когда строили этот полевой аэродром. С другой стороны зданий проходила лесопосадка, в которой росли жерделы. А за посадкой через дорогу было огромное подсолнуховое поле. Я почувствовал себя, как будто вернулся в детство, в деревню. Все это было настолько родным и близким, будто в этой местности я жил когда-то. Ночи были теплые, и мы открывали окна в кубрик. Вокруг была тишина ничем не нарушаемая. Разве что сверчки с наступлением темноты начинали свой концерт. Но эта музыка природы убаюкивала. Утром подъем, физзарядка и умываться в летнем умывальнике, точно таком-же, что был в войсковом приемнике при поступлении в училище. Шли в столовую строем, хотя она была рядом. Но это было по-первоначально, потом ходили все вместе, но уже не в строю. Официантки и повара были разного возраста, были и молодые девчонки, примерно нашего возраста. Конечно, подшучивали над ними, но не обижали. Не помню случая, чтобы кто-то из курсантов обидел официантку в летной столовой. Это было табу и ребятами не приветствовалось

Свой первый вылет на Ути Миг-15 (спарке) я сделал с Кизюровым. После Л-29 впечатление было потрясающим! Мощность двигателя чувствовалась на взлете! Высоту набирал самолет быстрее. Через борт наблюдал, как быстро удаляется земля от самолета. Всего полетов по кругу было три, на этом мой первый летный день был окончен. Поразил меня разбег на взлете, не было привычного биения шасси на стыках плит. На грунте разбег был мягок и приятен для ощущений. Полоса с ее рулежками и стоянкой только строилась. Уже была построена магистральная рулежная дорожка и стоянка с центральной заправкой. И начали строительство перемычек. Планировка грунта, отсыпка подушки и укладка плит шла, когда не было полетов. А в период предварительной подготовки аэродромные службы поливали грунт ВПП водой, а потом укатывали машинами, чтобы поверхность приняла свойства близкие к асфальту. Точно так делали и в «Садовом», когда готовили ток к началу жатвы.

В первый день выполнил три полета по кругу с инструктором. В первом мягко держался за управление, второй выполнял сам, а Кизюров подстраховывал меня, а третий уже полностью выполнял сам, лишь на посадке страховал инструктор. Посадка была несколько сложнее, чем на «элке», скоротечнее, а значит и оценка информации в голове должна была проходить быстрее. Это изменение скоротечности в принятии решения станет для некоторых ребят камнем преткновением. Сейчас еще об этом не думали, а впитывали все, чему учил инструктор. Полеты были в пятницу, а на следующий день, кто не был задействован в наряде, поехали в увольнение. Не все захотели уезжать в город, по июньской жаре ходить в парадке не особо хотелось. Поехали в основном женатые и местные. Те, кто не имел в городе «крыши над головой», не поехали. Возили нас на крытом тягаче «Урал». После недолгой разлуки приятно было оказаться дома. Выходные проходили всегда насыщено. Или рыбалка с тестем на Кубани, или ходили с Ириной в гости к родственникам, или ехали гулять в парк в

городе. Это были единственные дни, когда я переодевался в гражданку и мог чувствовать себя свободно, не ждать ежеминутно появления патруля. Особенно к четвертому курсу, а нас можно было уже считать четвертым курсом после сдачи летней сессии, хотя на шевронах еще оставались три полоски. Иногда мы ходили к Ириной бабушке. Ирину и называли в честь нее. Это была крепкая среднего роста женщина с темными волосами, через которые уже достаточно пробились седых напоминаний о возрасте. Была она приветлива, но в ней чувствовалась

Ути Миг-15. Пилотаж в зоне

сила и уверенность. С ней жила семья Жени Василенко, ее внука от старшей дочери. Гостевали мы всегда с чаем, к которому было что поставить на стол из выпечки. После часа посиделок мы шли домой, а «баба Ира» как ее все величали стояла у дверей подъезда и смотрела нам вслед. Вечером, когда солнце скрывалось за забором кирпичного завода, мы с тестем выходили на лавочку у дома и за перекуром вели разговоры. Тесть рассказывал, как ловить рыбу на Кубани или про своих зверушек, нутрий и кроликов. Только про нутрий он больше рассказывал. Это были его две любимые темы: рыбалка и «звери», как он называл нутрий. Особенно он трепетно за ними ухаживал, когда начинался окот. Он постоянно ходил к клеткам и смотрел не появились-ли на свет еще пол-дюжины нутрият. Ходил косить свежую траву для них, варил кашу в большой кастрюле, купал в баке с водой. Мне интересно было наблюдать и за тестем, и за зверями.

О своей теще хочу сказать особо. Все анекдоты про тещ могут относиться к кому угодно, только не к моей теще. Или даже можно сказать, что Валентина Ивановна была полной противоположностью тещам в анекдотах. Это была невысокая женщина, на которой держался весь быт от кухни до порядка в доме. Я не видел, чтобы она просто когда-то сидела и отдыхала. Она только тогда садилась, когда уже не хватало сил. Но немного отдохнув, опять находила себе работу. Как она успевала переделать все дела в доме, а потом еще ночь отработать на заводе, ума не приложу. Ко-мне она относилась, и я уже об этом говорил, как к родному сыну. Мне даже иногда было неловко за такое ее внимание, ведь я был всего лишь зятем. А Гена, Иринин брат в это время

проходил срочную службу. Всю жизнь я был благодарен своей теще за то, что она в своих отношениях к нашей семье не разделяла меня и Ирину на неродного зятя и родную дочь, а это дорогого стоит. Но о моих тесте и теще будет написано отдельно, так как эти люди тоже сыграли большую роль в моей жизни.

27-го июня я начал летное обучение на Ути Миг-15, а уже 9-го июля вылетал самостоятельно. Вылетать должны были мы вдвоем с Лешей Шутько в один день самыми первыми в эскадрильи. Погода была «миллион на миллион», штиль. Казалось солнце улыбается мне в небе и ничего не предвещало проблем. Было запланировано два полета с инструктором и три контрольных полета с заместителем командира полка по летной подготовке, подполковником Моисеевым В.А. Я спокойно занял свое место в передней кабине, а Кизюров в инструкторской. Запустил двигатель, запросил выруть и порулил к полосе, чтобы занять исполнительный старт. Тут надо сделать небольшое пояснение к тому, что произойдет сейчас. Дело в том, что Утишка была тем единственным самолетом в истории авиации, которая могла «скозлить» на взлете за счет малого разноса веса по длине самолета. Через полторы недели полетов грунтовую полосу настолько «подбили», что на ней появились небольшие бугорки. С разрешения руководителя полетов я начал разбег. Собственно сам разбег перед взлетом делится на три фазы: начало разбега и достижение скорости подъема носового колеса, разбег на двух основных стойка до скорости отрыва, отрыв с переводом в набор высоты. Когда подошла скорость подъема носового колеса, я стал брать плавно ручку управления на себя и в этот момент удар о кочку передним колесом. Нос самолета подбрасывает вверх, самолет отходит от земли Я двинул ручку от себя, чтобы не оторваться от земли до скорости отрыва, а самолет провалился вниз. Амортизаторы сработали и скорость к этому моменту подросла, самолет опять отделился от земли. Тут (видимо вместе с инструктором) задержал ручку и самолет плавно пошел в набор. И тут началось! Питиримович стал вспоминать все матюки, которые слышал. Для него, представившего первым курсанта на самостоятельный вылет, «козел» на взлете на глазах всей эскадрильи был самым диким оскорблением с моей стороны. Я не особо вникал в его матюки, а пилотировал, как учили. Все равно до посадки на землю он, ничего мне сделать не мог. Но настроение было конечно испорчено. Нет, не матюками Питиримовича, а тем самым «козлом». Питиримович выскочил первым из кабины после заруливания и поджидал меня с лицом, не обещавшим ничего хорошего. Я как обычно:

- Разрешите получить замечания!

И он, как бывает в таких случаях:

- Сейчас получишь! Пойдем!- и направился за отбойник. Но, я-то уже был «стреляным воробьем», еще в Аджикабуле. Поэтому, зайдя за отбойник, остановился от него на почтительном расстоянии - Питиримович слегка крутил кислородной маской в правой руке. Видя, что ближе я все равно не подыду, высказал еще пару нечитаемых выражений и резюмировал свой монолог:

- Хрен с тобой! Лети! – повернувшись спиной ко-мне и, достав сигарету, нервно закурил.

Он направился к самолету, на котором они должны были лететь с Лешей Шутько на допуск к самостоятельному.

Мой самолет готовили к повторному вылету, а я стоя у крыла ждал, когда подойдет подполковник Моисеев. Владимир Алексеевич подошел к самолету спокойно в уже надетых шлемофоне и перчатках, а на руке висела кислородная маска. Меня представлял командир звена майор Ковалев.

- Готов? – Моисеев повернул голову в мою сторону и посмотрел мне в глаза.

- Так точно! Готов!

Мы сделали три полета, после которых зарулили на стоянку. В воздухе Моисеев сделал только одну незначительную подсказку, связанную с чистотой полета. На стоянке нас уже ждали и Ковалев, и Кизюров (они с Лешей уже выполнили два полета и теперь Моисеев должен был давать допуск Алешке). Кизюров поглядывал то на меня, то на Моисеева. В глазах стоял только один вопрос: не отмочил-ли я и Моисееву чего-нибудь в полете? Наверно он тогда считал, что от меня можно ожидать чего угодно.

- Пусть летит, - как-то совсем по будничному сказал Владимир Алексеевич. Он расписался за допуск в моей летной книжке, заботливо принесенной командиром звена к самолету, и направился к самолету Леши Шутько.

Я пошел к Миг-17. Он несколько отличался от Утишки размерами, да был чуть-чуть потяжелее в управлении. Полет выполнил без замечаний и подсказок со стороны РП. Ощущения полета были впечатляющими: во-первых это большая тяговооруженность по сравнению с «элкой», лучшая скороподъемность. Но, вопреки моим ожиданиям, управляемость самолетом была прекрасной! Он моментально слушался рулей. После самостоятельных полетов, выполнил с Кизюровым зону на пилотаж под шторкой – нас параллельно начинали готовить к полетам в СМУ.

А на старте уже висел Боевой листок с поздравлением. Весь день ходил и улыбался всем. Заметил я, что все кто вылетает самостоятельно, не выражают шумно свой восторг, но весь день ходят с улыбкой радости на лице и любят, образно выражаясь, весь мир. После отбоя так-же, как и тогда в Аджикабуле, не мог долго заснуть. Человек засыпает тогда, когда все мысли покидают его, а тут все два полета прокручивались в голове снова и снова. Вспоминалось все до мельчайших подробностей. Этот восторг настолько охватил меня, что я напрочь забыл про того злополучного «козла» на «утишке». Только на следующий день на предварительной подготовке Питиримыч вернулся к этому «козлу», но уже несколько поостыв. И вот тут я и сказал ему про злополучную кочку.

- Надо было просто задержать ручку, а ты ее «смыганул» от себя, вот и получили «козла»!

Конечно, он был прав на сто процентов! В этом и состоит особенность летчиков, чтобы вовремя увидеть ошибку и своевременно ее исправить. Иногда в своей летной работе приходилось исправлять ошибки быстрее, чем успеваешь нормально осмыслить происходящее. Но, это уже работала моторика организма и об этом еще расскажу.

Полеты были насыщенными, иногда по пять полетов в день и не все по кругу. 23-го вылетел уже в зону самостоятельно. Вот тут уж я сам крутил фигуры, которые видел над стадионом на присяге в исполнении полковника Захарова. Когда самолет крутит комплексы не с потерей высоты, а с набором, это непередаваемое ощущение. На шести тысячах, когда кубанское небо в легкой синеватой дымке и горизонт только угадывается, ощущаешь себя словно в воде, когда мальчишками крутились под водой словно дельфины. Ощущение счастья заливает все сознание и ты готов смеяться во-все горло, петь песни. Одно только жаль, что этого не видят твои родные. Не видят твоего настоящего счастья, которого не бывает на земле.

А прилететь после зоны на точку, запросив разрешение на снижение к ближайшему развороту круга? Строишь вход в круг и заход на посадку, ожидая самого замечательного для меня этапа полета - приземления. Посадка считалась самым сложным элементом полета и ответственным, ведь за тобой наблюдает не одна пара глаз, как минимум весь стартовый расчет. И вот, когда аккуратно выровняешь в начале полосы самолет, подведешь его плавно к земле, а потом «притрешь» его на полосу без подпрыгиваний и отскоков, душу распирает такая

гордость за себя, что так и хочется встать во-весь рост с кресла и раскинуть руки, подставляя лицо солнцу и набегающему воздушному потоку. Но, над головой

Миг-17

фонарь кабины, а тебе пора тормозить, чтобы освободить полосу для того, кто заходит следом:

- 727-й полосу освободил.

- Заруливайте.

А на стоянке уже стоит техник самолета со-стремлянкой в руке. Ты еще не успел открыть фонарь, а он уже приставил стремянку и готов помочь тебе освободиться от привязной системы парашюта.

- Ну как техника? – это первое, что он спрашивает тебя. Для него самолет, как родной ребенок, которого он лелеет, чтобы не было отказов в воздухе. Это летчики прыгают с самолета на самолет, а техник всегда у одного самолета. Иногда не один год.

- Все нормально. Без замечаний, - и ты расписываешься в журнале за то, что труд техника и остальных специалистов не пропал даром, что техника не подвела.

Полеты и подготовка к ним занимали большую часть времени, но оставалось время и на отдых и развлечения. Я больше любил бродить по окрестностям лагеря, это мне навевало детские воспоминания. Уже поспели жерделы в посадке и мы приносили оттуда полные «запазухи» этих абрикосов в казарму. Высыпали абрикосы на кровать и весь кубрик ел «от пуза». В саду за казармой яблоки еще не поспели, но мы уже на них поглядывали с надеждой. Однажды в посадке я заметил на дереве гнездо. Проснулось детское любопытство и погнало меня на дерево. Забрался без проблем и обнаружил в гнезде пятерых пушистых совят. Они уставились на меня, моргая своими большими глазищами, и покачивали головой из стороны в сторону готовые атаковать, если я протяну руку. Не стал их трогать, а решил понаблюдать, как они будут расти. Их матери нигде вблизи я не заметил, видимо улетела за полевками.

Суббота подошла незаметно, я с ней и мысли были об увольнении. Приехав

домой в субботу, не всегда заставлял тестя дома. Часто он уезжал в пятницу с ночевкой на канал (канал соединяющий Кубань с Егорлыкком), чтобы вечером в субботу порадовать нас рыбкой. Привозил он знатные экземпляры сазана, усачей и белого амура. Но чаще привозил сазанов. Это были экземпляры от трех килограмм и чистить их была проблема. Чешуя, величиной иногда с десятикопеечную монету, плохо чистилась ножом. Зато икры всегда было много. Теща жарила ее отдельно. Из голов варили уху, а мясо жарили. Питание было не то, что в столовой. Хотя и на столовую было грех жаловаться, голодными себя никогда не чувствовали.

Летная учеба наша шла семимильными шагами, мы уже подошли к групповой слетанности в составе пары. Сейчас листая летную книжку и вижу, что обучал меня групповой слетанности старший летчик звена капитан Остапенко или Остап, как мы между собой его звали. Он в это время был и за инструктора у нас в группе, и исполнял обязанности командира звена. Припоминаю, что Кизюров отгонял на авиаремонтный завод самолеты, а возможно и Ковалев был в той группе. Вот Остапенко и взял нас под свое крыло. Он был чем-то в своем поведении похож на Шкарина. Такой-же юморист, весельчак, но и требовательный, что касалось полетов. Уже первого августа я вылетел ведомым у Остапа самостоятельно. Не знаю почему, но полеты парой на Утишке и Миг-17 у меня пошли хорошо. Возможно сказалось то, что в памяти были яркие еще те ошибки на Л-29, а может и то, что на Миг-17 пилотировать было легче из-за большей мощности двигателей. Но, что-бы не сыграло свою роль, оценку Остап мне всегда ставил одну – «отлично». Он не запрещал держаться к его самолету ближе установленных интервалов и дистанций, но и я теперь учитывал возможность столкновения и строго следил за координацией в технике пилотирования. А ролспуск у нас был жирной точкой выполнения полета в паре. Остап давал команду «Ролспуск» и заламывал крен в 60-70 градусов, а я одновременно с ним делал крен 30-35 градусов. С земли это выглядело эффектно. Остап в развороте выходил на ближний привод, а я топал к третьему развороту. Но еще на вывозной как-то Остапенко спросил меня, что я хочу, что мы выполнили (это уже вне запланированного задания).

- Хочу увидеть жгуты с концов крыльев, - ответил не задумываясь.

- Смотри!

Он заломил крен градусов 80 и с силой потянул ручку управления. Я смотрел вправо на крыло и увидел, что вначале со всего крыла стала срываться чуть заметная дымка, которая тут-же переросла в жгут закрученного воздуха на законцовке крыла. Длилось это секунды две-три. Когда Остапенко стал выводить в горизонтальный полет самолет, «жгут» на законцовке исчез, но появился «жгут» в районе подвесного бака — это вытекали остатки топлива из подвесного бака. Я доложил Остапенко, а в ответ сожалеющее:

- Да вижу я

Видел это с земли и руководитель полетов, так как запросил доклад о ситуации на борту. На разборе полетов Остапенко получил от комэски за это, в силу своего характера и природного юмора, как-бы выговаривал мне:

- Покажите ему «жгуты», да покажите... Ну, теперь видель «жгуты»?! - вопрошал он, глядя на меня с прищуром и нескрываемой улыбкой на лице. Я делаю вид, что во всем виноват я, опускаю голову и скромно молчал. Причина была в том, что из-за большой перегрузки подвесной бак отжало из-за крыла и развернуло по потоку, из-за чего патрубок бака уперся в крыло, а оставшийся невырабатываемый остаток топлива из бака, системой воздушного поддавливания выгоняло через этот самый патрубок.

После обеда, я ходил в посадку и проведывал свиное гнездо. Птенцы уже

были большие и вот-вот должны были вылететь. Однажды, когда в очередной раз проводывал гнездо, то увидел, что в нем остался один совенок, двое других уже вылетели. Не знаю почему, но мне захотелось подарить этого совенка Ирине. Я забрал его из гнезда, принес в казарму. Мы с ребятами освободили одну тумбочку, воткнули туда кусок ветки и посадили в нее совенка. Но его надо было кормить свежим мясом. Я стал бродить за казармой, надеясь в траве поймать полевку, а кто-то из ребят сделал рогатку. И пока, я искал безуспешно мышей, ребята уже настреляли воробьев из рогатки. Пришлось их разделать и отрезая маленькие кусочки, скормить совенку. На удивление аппетит он не потерял и с жадностью заглатывал предлагаемое ему мясо. Прожил он у нас до субботы, а утром я посадил его в свой объемный портфель и повез домой. Мы его выпустили в комнате, где он облюбовал сервант. Ирина спрашивала, что потом делать с ним, когда подрастет, я ответил, что выпустим его на волю. Но на волю выпустить не успели. Когда в следующую субботу я приехал домой, то буквально перед моим приездом кот поймал совенка и задушил его. Ирина и теща плакали, было и мне жаль птицу. А еще была у меня обида и на себя самого за свою глупость привезти дикую птицу домой. До сих пор вспоминаю того совенка и меня гложет вина за сделанное. Все выходные прошли под знаком скорби по совенку, только тесть опять порадовал рыбой и отвлек нас от неприятных мыслей. Но женщины ходили все выходные, как в воду опущенные. Теща все винила себя, что не уберегла совенка, оставила окно в комнату открытым. Но вина была полностью моя, что влез неразумно в природу.

* * *

Весь август мы отрабатывали пилотаж в зоне и групповую слетанность. Теперь уже Кизюров, вернувшийся из командировки, летал с группой. Однажды меня после полета в зону пригласил к себе в кабинет (если так можно назвать маленькую комнатку в вагончике на центральной стоянке) фельдшер части старший лейтенант Хмельной, чтобы померить давление и посчитать мой пульс. Это был Старший лейтенант медицинской службы, уже в годах, который не особенно придирался к состоянию здоровья курсантов, а тем более у инструкторов. После всех этих манипуляций он обронил:

- Что-то бледновато выглядишь.

- Нормально выгляжу, просто это уже третья зона была за смену, - мне было неприятно такое замечание и у меня закралось подозрение, что мог о моей ситуации в Аджикабуле рассказать Кизюров доктору.

- Ладно, все нормально. Иди, - как-то по будничному, словно отмахнулся от своего подозрения, сказал Хмельной.

Я вышел и сел на лавочку в курилке, где сидел мой командир звена.

- Чего он тебя вызывал? – поинтересовался Геннадий Федорович.

- Да... Мерял давление и пульс. Сказал, что бледновато выгляжу.

- Чего?! – заулыбался Ковалев, - Бледновато выглядишь?

Его широкая улыбка и сам вопрос предполагал продолжение чего-то интересного. И я не ошибся. Федорович начал свой рассказ:

- Когда я был молодым, а Хмельной пришел к нам в полк тоже молодым и ретивым, он тогда начал вызывать к себе в каморку и мерить давление с пульсом у летчиков чуть-ли не после каждого полета. Пригласил и меня, и вот так-же, как и тебе сказал, что я бледновато выгляжу и что, по-видимому, я плохо переношу полеты. Тогда я подошел к командиру эскадрильи и пожаловался ему на Хмельного, что замучил уже весь летный состав своими подозрениями. На что командир сказал мне, чтобы я пригласил Хмельного слетать в зону на спарке, так

сказать прокатиться и посмотреть красоты земли с высоты птичьего полета. Сказано – сделано! Я подошел к Хмельному и предложил ему прокатиться на спарке. Он охотно согласился. В следующую смену вбили в плановую таблицу этот полет в зону. В самолет Хмельной залазил с широкой улыбкой, предвкушая удовольствие того, что ни один врач в полку не летал на истребителе и что он сверху будет обозревать просторы Кубани. Я его предупредил, чтобы ничего не трогал руками, особенно то, что покрашено в красный цвет. Техник затыкнул на нем покрепче привязные ремни, мы запустились и порулили на старт. По самолетному переговорному устройству он расспрашивал меня, а я естественно пояснял, что мы делаем. Далее Ковалев не стал вдаваться в подробности всего полета, только в общих чертах:

- Показал я ему пару виражей – он восхищался. Потом пикирование и горки – он выражал уже удовлетворение. Потом я сделала переворот и услышал по СПУ «Ой-ой-ой!» Еще раз напомнил ему, чтобы ни за что красное не хватался. Потом петлю – Хмельной уже молчал. А когда по дороге домой крутанул пару бочек, то почувствовал запах того, что находилось у него до этого в желудке. Из кабины вынимали его всем звеном. Зато после этого он забыл о межполетном осмотре летчиков и особенно свое любимое «Что-то ты бледновато выглядишь».

Я смеялся, смеялись Ковалев и другие летчики и курсанты, что уже подошли в курилку после вылетов. И в этот момент, из вагончика выходит наш врач. Его окно смотрели на курилку и он видел, что Ковалев что-то «заливает» смешное, решил тоже вместе со-всеми посмеяться.

- Геннадий Федорович, опять что-то смешное рассказываешь? – с дружеской улыбкой спросил Хмельной.

- Да вот вспомнил, как мы с тобой в зону летали по молодости. Может слетаем опять? Или как? – Ковалев решил добить Хмельного.

- Да пошел ты..., - Хмельной не договорил. Улыбка слетела с его широкого лица и он, встав, направился опять в вагончик.

Летали мы по максимуму, то есть нам планировали предельные (по-возможности) нормы в летную смену. Нагрузки были солидные и жара в конце августа тоже была под максимум. Одно спасало, что между полетами ветер сушил наши комбинезоны.

прямо на нас

В один из летных дней случилось нехорошее для меня, у меня украли обручальное кольцо. Перед полетами, когда мы переодевались в летные комбинезоны, я положил его в карман бриджа и повесил общеармейскую форму на вешалку в каютке. Я снимал его перед полетами, это было определено приказом Главкома, чтобы на полетах летчики не носили обручальные кольца. Были случаи травм пальцев рук, когда после полета летчики вылезали из кабины и цеплялись кольцом за замки фонаря. И вот вернувшись с полетов я не обнаружил в бриджах кольца. Для меня это был удар. У нас никогда не было воровства в роте, но после того, как перетусовали роты, это был первый случай. Я рассказал ребятам, но не стал обращаться к командованию АЭ. Это повлекло бы проверку всех, а я был уверен в ребятах своей роты. Дома рассказал Ирине, погоревали вместе и решили, что родителям не будем говорить, чтобы не расстраивать, а купим другое кольцо на деньги, которые нам подарили на свадьбу. Но на душе было все равно гадко, что в казарме завелась «крыса». Теперь мы стали прятать и деньги и ценные вещи, чего раньше никогда не было. Недоверие – вот что самое страшное. Можно было думать на кого угодно. И ты знал, что сделал это один поддонок, но кто?! Своих ребят я отменил сразу, сомневался только в тех, кто пришел из другой роты. Со временем в душе поулеглось и я забыл этот случай. Или, вернее сказать,

старался вовсе не думать о нем. На четвертом курсе уже перед самым отъездом из Майкопа в Армавир, когда сдали летные экзамены у многих пропали деньги, кто положил их в каптерку. Тогда мы вычислили вора, им оказался Красильников. Мы собирались разобраться с ним, но не в стенах полка, а выйдя за забор, когда отдадут проездные документы и отпускной билет. Но его прикрыл командир взвода, который за два часа до нас выдал ему отпускные проездные. Он увез все доказательства своего воровства с собой, а после отпуска мы не смогли-бы доказать, что это он ткрал наши деньги и вещи. Ну, да бог ему судья. В последующем, когда я его встречал уже офицером в частях мимолетом, он всегда отворачивал взгляд и старался побыстрее уйти.

Август пролетел незаметно, а мы за это время прошли групповую слетанность. Стало известно, что нам присвоят третий класс у кого налет будет не менее 230 часов и при отличной дисциплине. Мы все кинулись считать общий налет, котрый уже налетали. У меня оказался меньше всех, в среднем часов на одиннадцать. Почему так получилось, я не понимал. Но догадывался, что брал минимум полетов по программам, поэтому и не хватало налета. Проблему надо было как-то решать. Приписать дополнительный налет у меня рука не поднималась. В это время все курсанты летали в парах уже самостоятельно, а инструкторы летали за ведомых больше на спарках Ути Миг-15, так как не хватало боевых Миг-17. Получалось, что передняя кабина пустовала в полете. И вот, когда Ковалев пришел в очередной раз к нам в звено ставить задачу на полеты, я увидел такие спарки с одним инструктором в плановичке. Дождался, кога он выйдет из помещения и обратился к нему с просьбой планировать меня на такие самолеты в переднюю кабину, объяснил и причину. Федорович согласился с удовольствием. И теперь планировал меня на полеты «под завязку» и в самолет ведущего и самостоятельно на боевом. Главное, чтобы налет не превышал норму. Кизюрова опять не было, погнал очередной самолет на АРЗ, и с Остапенко я начал летать в самолете ведущего. Первый полет я только держался мягко за ручку, да все больше оглядывался на самолет ведомого. Это было захватывающее зрелище, наблюдать, как за твои самолетом следует другой самолет. Во-втором полете так-же сидел и ждал, когда Остап начнет взлетать. И уже приготовился смотреть на самолет ведомого как он разбегається, как отрывается от полосы, оставив за собой пыльный след на земле от реактивной струи. Но вдруг после команды руководителя полетов «Взлет разрешаю», Остапенко по самолетному переговорному устройству сказал мне:

- Взлетай. Выдерживай направление на взлете и в воздухе не делай резких движений, а все плавно выполняй.

- Понял!

Остапенко дал команду ведомому «взлетаем» и я начал разбег. Тут меня захватила волна счастья, ведь я САМ вел ведомого! Все делал, как говорил Остапенко, но иногда бросал взгляд на ведомого. Роспуск тоже делал сам, заложив крен за шестьдесят градусов, а вот выход в развороте на ближний привод - «заход из-за угла» мне уже помогал инструктор. Так я начал летать почти за инструктора. Остап даже сказал однажды после такого полета:

- Хорошо с тобой летать! Я даже успел вздремнуть немного.

Ну, какая еще нужна была похвала для меня! Это было высшей для меня оценкой того, что справлялся с ролью ведущего. Может он и не дремал, но сказал это ради похвалы. Вообще инструкторы редко, когда говорили молодец, отлично, замечательно. Они больше говорили так:

- Ну вот, получилось-же?

Или:

- Вижу, что понял, как надо действовать (органами управления).
- А еще было:
 - Ну вот, теперь намного лучше.
- И иногда:
 - Хорошо!

Полет парой. Миг-17.

Полеты полетами, но за лесопосадкой стал поспевать подсолнечник. Уж и не знаю, кто придумал или подсказал, но мы стали жарить семечки прямо в самолетном сопле. Перед полетами мы бегали на поле и, выбрав самую большую шляпку подсолнечника, оббивали самые крупные семечки по краям подсолнуха в сумку из под маски. Чтобы наполнить сумку, надо было три-четыре шляпы срезать и обмолотить. И только потом шли на полеты на аэродром, был-то он в двух шагах от казарм. Сама технология была простой: самолет заруливает, выключает двигатель, его закатывают на ЦЗ и вот тут самое время высыпать в сопло семечки из сумки. Семечки надо мешать, а из жерла жаровой трубы в лицо бьет обжигающий жар. Лицо закрываешь сумкой, а пилоткой мешаешь семечки, чтобы не подгорели. Но одного Миг-17 было мало, семечки получаются недожаренными. Поэтому после первого, дожаривали в другом. Но если передержать, то они сгорали. Нашли выход быстро. После боевого дожаривали в спарке, семечки получались изумительно вкусные. Таких семечек невозможно получить ни при какой другой жарке. А все дело было в том, что у боевого температура на выходе из жаровой трубы в полете была 750 градусов, а у спарки 650 градусов.

«Семачками», так на Кубани называют их, или точнее шелухой от семечек было засыпано все! Стоянки, но там иногда ветер подметал; курилка, там в палец толщиной слой лежал; у казармы, у столовой, на дорожках. В курилке сметали в вмонтированной в бетон обод от колеса и поджигали их. Потом опять шелушили, как грызуны. Карманы были набиты семечками. Даже в кабинах самолетов попадалась шелуха. Нет, в воздухе не грызли семечки, а просто на подошве ботинок заносили этот мусор в кабину. И вот тут нас постигла «беда» - в казарме завелись мыши! В каптерке они устроили целый ресторан для себя. У каждого курсанта и в летном комбинезоне, и в бриджах всегда были семечки. Пусть иногда и две-три, но был! Даже в сумках из-под маски были «про запас». Некоторые ребята боялись мышей. Это не так удивительно, как кажется. Иногда кто-то лез в карман висевшего в каптерке комбинезона за семечками, что остались после полетов, а там уже столовалась мышь. В этом случае на всю каптерку, а если учесть, что стены были дощатые, то и на все кубрики стоял ор и мат. Самый

нейтральный вариант, когда у тебя и брюки не прогрызли, и прием пищи мышь закончила, оставив после себя лишь шелуху. Тут только ограничивались матом. Чтобы извлечь шелуху, надо было вывернуть карман. При классическом способе извлечения шелухи из кармана рукой, извлекали и мышиный помет. Но помет был только там, где мышь съела все. А если не съела, то помета не было, ведь она собиралась опять придти столоваться, так зачем гадить? Из этого мы сделали вывод, что мыши гадили в карманы курсантов и инструкторов принципиально, видимо мстя за отнятую территорию под строительство аэродрома. Другого способа выразить свой протест у них не было. Хотя был! Они (не все), думаю тоже из-за принципа, рвались к «столу» напрямую, минуя вход в карман. Они прогрызали дыры в наших комбинезонах и бриджах, и тогда могли, не посещая «помещения», вытаскивать семечки в эти дырочки. Внизу, под вешалкой, в таком случае обязательно была рассыпана шелуха. Это был первый признак того, что кому-то не повезло и придется латать военное имущество. Не минула эта чаша и руководство эскадрильи, тут мышей обвинять трудно в игнорировании начальства, на комбинезонах не было погон.

Долго такое безобразие продолжаться не могло, так как курсант с дыркой на задней части брюк комбинезона это одно дело, но совсем другое дело командир эскадрильи или начальник штаба. И вот однажды, когда закончились предполетные указания и мы уже готовы были услышать команду «разойдись», подполковник Ковалев вдруг изрек:

- А теперь о семечках!

Рядом с ним стоял и начальник штаба майор Яковенко Юрий Анатольевич, а по его лицу было видно, что будет какое-то чрезвычайное сообщение.

- Товарищи курсанты, - начал Ковалев, - Вчера ко-мне приезжал объездчик колхозных полей и жаловался, что вы уничтожили значительную часть урожая подсолнечника и колхоз понес большие убытки.

А вот это была неправда со-стороны объездчика. Мы обнесли только полосу глубиной в пятьдесят метров и в ширину с поля. А само поле было с километр длиной. Но Ковалев, не обращая внимания на наш справедливый ропот, продолжал:

- Поэтому, - он сделал секундную паузу, тем самым акцентируя наше внимание на то, что он скажет, - я запрещаю рвать подсолнухи и жарить семечки!

И видимо, осознав, что это не совсем вяжется с его взглядами, привел веский (и на наш взгляд тоже) аргумент:

- В казарме завелись мыши!

Это естественно не было новостью для нас, но для него это был шаг к дальнейшей аргументации своего запрета:

- Вот видите? – он показал на нагрудный карман своего комбинезона, слегка его оттянув.

Сенсации там мы не увидели, а увидели две дырки, даже можно сказать аккуратненькие две дырочки, прогрызанные мышами. Из этого мы сделали вывод, что наш комэск тоже уважал «семечки» и держал их в нагрудном кармане, который застегивался на молнию. Но, комэск продолжил аргументировать:

- Начальник штаба, повернись!

Начальник штаба повернулся на сто восемьдесят градусов и нашему взору предстала безобразно большая дыра в комбинезоне аккурат на правой ягодице.

- Вот видите, до чего доходит? – вопрошал Колесников, а начальник штаба правильно полагая, что стоять так не прилично к личному составу задом, когда говорит комэск, повернулся к строю лицом, - Поэтому, сынки, ради бога не ходите вы на это чертово поле. Понятно я говорю?

Это уже сквозила досада на объездчика, который пожаловался на «сынков». Мы в разноречии сказали «так точно» и начальник штаба командовал «разойдись». Все пошли: кто в курилку, кто на самолеты. Запас семечек еще оставался. Семечек теперь стало меньше, втихоря, пока никто не видит из инструкторов и начальства, жарили на самолетах, на которых летали курсанты. А сколько появилось свободных жаровых труб, за которыми не скапливались очереди из жаждавших «полузгать подсолнуха»?! Но постепенно про запрет комэски стали понемногу забывать.

И вот в одну из летных смен, а это аккуратно было в пятницу, я, снедаемый желанием опять привезти домой жареных семечек, как делал это не раз, забрался подальше в поле. Набил полную сумку семечек и на стоянку. С боевым повезло, а вот на дожарку уже стояла очередь. Дождлся своей очереди и засыпал в сопло прилетевшей очередной Утишке сумку семечек. С боевым я еще озирался по сторонам, а вот с Утишкой стал неосмотрителен. Ссыпал семечки в сумку и, как ни в чем не бывало, спокойно пошел в курилку, ждать своего вылета. И вдруг, когда я отошел несколько метров от самолета, услышал:

- Заднипранец!

У меня по спине пробежал легкий холодок, это был голос командира эскадрильи. Я повернулся и быстрым шагом подошел к нему, не успев толком обдумать как буду объясняться. Но командир опередил меня:

- Семечки? - совсем спокойным наожиданно для меня голосом спросил Колесников.

Что я мог ответить? Сделав обреченный вид, выдавил из себя:

- Семечки...

И тут неожиданно Колесников продолжил мягким (видимо заметил на моем лице какую-то обреченность) успокаивающим голосом:

- Ты ведь знаешь, что мы сегодня уезжаем в Майкоп?

Инструкторы на оба выходных уезжали в Майкоп, а в лагере оставался только дежурный и ответственный.

- Да, знаю.

- Ты-же знаешь, что у меня трое ребятишек?

Ковалев воспитывал одно время троих ребятишек, так как жену лишили материнства и выселили из Майкопа. Но это было, когда он был заместителем командира АЭ. Его долго и не ставили на командира эскадрильи, пока он вторично не женился. Основанием у политотдела было то, что он не смог воспитать жену. Так как-же можно ему доверить эскадрилью? Это был крайний идиотизм: человек, воспитывавший один троих детей, не имел права командовать эскадрильей!

- Конечно, знаю, - благожелательно и с чувством уважения ответил я.

- Нажарь мне сумку семечек. Хорошо? Хочу побаловать ребятишек.

- Конечно, нажарю, - не по уставу ответил я.

Да и не требовал командир четкого выполнения уставных положений. Он готовил летчиков. Время у меня было достаточно, так как запланированные полеты я отлетал. Побежал на поле за семечками. Теперь уже меня пропустили без очереди к утишке, пропуском было то, что жарил для командира. А Ковалева уважали все безоговорочно. Сразу по его прилету я отдал ему полную сумку жареных семечек.

Шел сентябрь, мы во-всю летали в составе пары. Летал я с капитаном Рягузовым, видимо опять Кизюров улетел в командировку. В эскадрильи в этот период было самым позорным, если на пилотаже пара рассыпалась, и инструктор с курсантом потеряли друг друга. На аэродром возвращались по одному. Тогда такой полет называли в шутку «взлет парой, сбор в столовой». К счастью у нас в группе никто не потерялся ни разу. Но была группа, где регулярно прилетали раздельно на точку.

Их так и прозвали группа «взлет парой, сбор в столовой». Инструктором группы был молодой летчик, и видимо еще не наработал опыта вождения пар. Конечно подтрунивали мы над ребятами, но не издевались насмешками.

А я во-всю летал в передней кабине в самолете ведущего. В звене мне стало не хватать полетов, мои ребята тоже распробовали вкус полета за ведущего. Стал проситься в другие звенья, инструкторы не отказывали и планировали у себя. Вот так понемногу я и набрал необходимый мне налет. Но никогда не пропускал возможности слетать в составе экипажа, как мы записывали такой вылет. Не происходило и без ЧП на полетах. Однажды, возвращаясь из зоны, запросил вход к четвертому развороту.

- Разрешил вход к четвертому на шестьсот, - ответил РП.

Убрав обороты, планировал к четвертому, уже прошел траверзом третий разворот и ниже увидел Ути Миг-15, который снижался после третьего разворота к четвертому до четырехсот метров. Было любопытно смотреть на него сверху, идя почти параллельными курсами. Но, что-то было не так, не как всегда. Я не мог понять сразу, что-же не так. Присмотрелся внимательней и увидел, что в первой кабине не было верхней, закрывающейся части фонаря кабины. Я не придавал значение, когда в эфире до этого шли помехи, вроде как шум ветра в эфире, когда с Утишки вели

радиообмен. Теперь стало ясно, что воздушный напор в кабине почти заглушал радиообмен инструктора. Ребята выполнили разворот и пошли на посадку, а я стал строить заход по кругу. Когда сел, то ребята на земле рассказали, что на взлете при выполнении первого разворота у Риса Галимова сорвало фонарь. Конечно-же без юмора и тут не обошлось. Раис потом рассказывал:

- Закрыл я кабину после запуска, а герметизировать не стал, чтобы ветерок продувал, пока рулим. После выруливания на полосу забыл про фонарь, так и взлетели. А на первом развороте фонарь сорвало и меня стало «высасывать» из кабины.

Тут надо сделать отступление. Дело в том, что если полет был не на пилотаж, то курсанты не особо притягивали себя к креслу привязной системой. Она была немного ослаблена, чтобы не сдавливать тело. Хотя это и запрещалось. Фонарь кабины Ути Миг-15 был большим и над ним, по всем законам физики было

большое разряжение. Поэтому все предметы мгновенно могли вылететь из нее, если не были закреплены. Раис продолжал:

- Я ухватился за ручку управления, чтобы не «высосало» меня. А инструктор кричит, матерится, чтобы отпустил ручку, ему трудно пилотировать. Не мог я выпустить ручку... Меня-бы высосало!

Так на ручке управления с Раисом инструктор и сажал самолет. Посадка прошла нормально. Организовали группу поиска из курсантов со-старшим за фонарем кабины. Нашли его на первом развороте, на пашне. Был он цел и невредим. Его очистили и поставили на самолет.

Третью декаду сентября мы летали в зону для отработки атак и фотострельб по одиночному истребителю. Это уже было ближе к тому, к чему нас готовили. Всегда усложнение задачи на полет приносит больше радостного удовлетворения. Эта аксиома стала нормой, во-всяком случае для меня. На самолете был установлен в носу ФКП (фотокинопулемет), который работал совместно с прицелом. И вот когда цель была на достаточной дистанции, обрамляешь ее, и нажимаешь гашетку. Вместо пушек работает ФКП. Потом уже на земле проявляют пленку и смотрят: попал или нет в цель. Условно конечно. Однажды за цель в зоне работал капитан Остапенко

Он ходил вдоль зоны, а курсанты звена поочередно отрабатывали фотострельбу. Я увидел самолет Остапа еще на подходе в зону и направился к нему, собираясь

после разворота пристроиться в хвост и «отстрелять» фотоопленку. Остапенко был на Ути Миг-15.

- 727-й, наблюдаешь меня? – спросил он, когда я занял зону и готовился к маневру.

- Наблюдаю, - как обычно ответил ему.

И тут он встал в левый вираж, собираясь зайти мне в хвост. Зная его, я понял, что он решил подшутить надо мной. Тогда я тоже заложил левый вираж, чтобы зайти ему в хвост. Но пришлось все больше и больше увеличивать крен, чтобы маневр удался, ведь я был на боевом, а он в горизонте менее маневренный, чем Утишка. Мы не выполнили полный вираж, Остапенко, поняв, что я могу упустить контроль за скоростью и сорваться в штопор, вдруг вывел свой самолет в горизонт и сказал по радио:

- Работай!

Я отработал упражнение и, доложив об окончании, направился на аэродром. На земле потом Остапенко подошел ко-мне и немного рассержено, как мне показалось, сказал:

- Я-бы тебе за два виража в хвост зашел! Разве ты не знаешь этого?!

- Сомневаюсь, - это уже была моя наглая самоуверенность, замешанная на украинской упертости по папиной линии.

- Ты посмотри! Он еще и сомневается! – Остапенко понял, что я не хотел «сдаваться без боя» и «рвал тельняшку нагрудн», поэтому засмеялся своим заразительным смехом и качнув головой пошел в курилку.

Да, он на сто процентов был прав! И я знал, что только на вертикалях я мог с ним бороться! Но высота в зоне была ограничена, поэтому я никак не мог уйти на вертикаль. А наверное надо было... Это я сейчас так поступил-бы, а тогда... Неоперившимся юнцом не смел нарушить условия полета. И вот думаю сейчас, что уйдя тогда на вертикаль, Остапенко не стал-бы ругать меня. И упрекнул он меня, как теперь понимаю, за то, что принял неверное решение в той обстановке. А в хвост ему, наверное, не смог-бы зайти и на вертикалях, мой опыт не шел ни в какое сравнение с опытом Остапенко. Ну, да ладно, что уже теперь об этом.

С первыми числами октября мы приступили к перехвату одиночно. Цель следовала по маршруту, а перехватчик наводили с КП. Так как у нас не было КП на аэродроме, то наводили с РСП (радиолокационная система посадки) только используя обзорный локатор. После взлета штурман брал управление на себя и давал кратчайшее направление в предполагаемую точку перехвата. Когда самолет был обнаружен визуально, мы докладывали:

- 727-й, цель наблюдаю.

- 727-му разрешил работу, отвечали с земли.

А дальше, как и на ФСах, отработывали пленку, докладывали на землю о конце работы:

- 727-й работу закончил.

- 727-му курс на точку на своей высоте, связь со стартом.

Все полеты на ФС нужно было стараться отработывать на «отлично», ведь в совокупности потом определялась средняя оценка за перехваты. Мы после каждого вылета бегали в группу дешифрования результатов фотострельб и смотрели отснятые кадры пленки — распирало любопытство под каким ракурсом самолет-цель попал в обрамление прицела. Сейчас жалею, что не оставил несколько таких кадров своих стрельб.

Параллельно с зонами и ФСами мы летали и по маршруту, закрепляли навыки самолетовождения. Полет был не сложный, надо было только выдерживать курс и вести ориентировку, сверяя по времени прохождение поворотных пунктов

маршрута. Все земли Кубани были распаханы на ровные прямоугольники. Одни были светло-желтые, это спела пшеница. Другие были зелеными, это сажали травы на корм скоту, третьи были ярко-желтые, это были поля подсолнечника. Были и земли под парами, это значит паханные, но не засеянные. Земля отдыхала, как говорят крестьяне. Были и темно-зеленые поля, это были бахчи с арбузами. И даже с высоты можно было различить стройные шеренги пирамидальных тополей, которые росли по краям полей в посадках. Тополя выполняли несколько функций, главными из которых было снегозадержание при постоянно дувшем ветре, гашение потоков ветров в приземном слое, чтобы не было эрозии кубанского чернозема. А еще в посадках селились птицы, которые защищали поля от вредителей. Когда я летал контрольные полеты с Остапенко, то он всегда спрашивал, пролетая над очередной станицей:

- А это что за населенный пункт?

Тут я, да и наверное другие ребята, искал глазами церковь или собор в ней. Найдя собор и пересчитав маковки на нем, вспоминали в какой станице такой собор или церковь. Это Остапенко нас так научил. И тогда я узнал, что в селе церковь, а в станицах соборы. Это ооже было тподсказкой. А еще можно было по элеватору уточнить, так как элеваторы не везде были, да и не было их одинаковых. Одним словом разным премудростям, которые не описаны в учебниках, учили нас инструкторы.

Весь октябрь мы летали на перехваты. Но осень уже стучала в окно. Иногда выпадали дожди и тогда нужны были сутки, чтобы аэродром подсох. Вот в эти дни мы и изучали район полетов, читали инструкцию летчику. В саду яблоки уже были все съедены, а подсолнуховое поле скошено. Все говорило о том, что наше «пионерское лето» закончилось. В сентябре мы летали с капитаном Рягузовым, а в октябре нашу группу передали капитану Быховцу. В эскадрильи у него было прозвище Слон. Это инструкторы дали ему такое прозвище за его массивную фигуру. Он был большой и грузный, и на свое прозвище не обижался, а даже, по моему, ему нравилось это прозвище. Но был у нас и Слоненок. Это лучший друг Слона, старший лейтенант Оленин. Он тоже был такой-же комплекции, как и Быховец, только в уменьшенном слегка варианте. Любимое занятие у них было вспоминать похождения. Они дружили семьями и часто свободное время проводили вместе. А кода Слон и Слоненок отдыхали вместе, то обязательно были приключения. Нам интересно было слушать в курилке их рассказы. Причем они говорили о себе только в юмористической форме и всегда смеялись сами над собой. Мне иногда казалось, что это они для нас рассказывали о своих приключениях. Для нас эта открытость была немного в диковинку, но она позволяла нам понять, что инструкторы воспринимают нас, как равных себе. А это не в каждом даже офицерском коллективе бывает.

Однажды в разговоре с инструкторами коснулись темы перегона самолетов на авиарембазу. Кто-то спросил командира звена капитана Ковалева: “А оружие с собой берут на перелет?” По всем документам при перегонке авиатехники или перелетах на другой аэродром, необходимо было брать с собой личное оружие - пистолет Макарова (ПМ).

- Запретили брать летному составу с собой оружие при перелетах.

- А почему? – это был вполне естественный вопрос.

И Ковалев рассказал, как полетели они группой гнать самолеты в рембазу. Сейчас не помню, что за город это был, но был довольно большой город. Как всегда после прилета, вечером пошли в ресторан. Пили, ели, веселились, а ближе к закрытию Борис Иванович Моисеев (штурман АЭ), решил пригласить на танец женщину. Станцевал раз, станцевал второй раз, а потом к столику подошел мужчина и пригласил Бориса Ивановича выйти в фойе. В советское время все «непонятки»

между мужчинами разбирались обычно в туалете.

- Мы сидим за столом, - продолжал Ковалев, - отдыхаем, как и положено, в ресторане, но глазом косим на фойе ресторана. И вдруг выстрел! Мы подхватились и бегом в фойе. Поняли, что это наш Боря стрелял. В фойе картина: мужик стоит бледный перед Борей, а Боря размахивает пистолетом у него перед носом и орет: «Ты на кого руку собираешься поднять, на советского офицера?! На летчика?!» Мы выхватили у Бори пистолет и извинившись перед заведующей, которая тоже выбежала на выстрел, стали собираться в гостиницу. Боря стрелял в потолок, поэтому ущерб был минимальный. Мы заплатили «за причиненные неудобства» и уже собирались выходить, как приехала милиция. Борю мы отстояли, а вот пистолет пришлось сдать на хранение под расписку в милицию, пока Боря не протрезвеет. На следующий день пистолет отдали.

- Таких случаев по Союзу было очень много, - резюмировал Геннадий Федорович, - И теряли пистолеты, и стреляли. Поэтому и запретили брать с собой пистолеты. Только при перелетах над тайгой или малонаселенной местностью выдавалось оружие.

На четвертом курсе я заметил, что инструкторы в разговорах в курилке не сторонились нас, как это было на первом курсе, когда нас принимали за еще несмышленных юношей. Теперь нас воспринимали почти за равных. Не исключено, что кто-то из нас через год волеется в этот коллектив инструкторов и будет наравне с ними трудиться, и вместе с ними отдыхать семьями.

Следующие два месяца нам предстояло сдавать сессию. А в январе мы должны были уезжать в Майкоп. Теперь предстояло летать в станице Ханской на базовом аэродроме.

* * *

По возвращении в Армавир стал готовиться к сессии. Полеты полетами, а сессию сдавать все равно надо было. Месяц мы учились, а перед Новым годом сдавали сессию. 31-го декабря я прибежал домой, чтобы бросить портфель переодеться и ехать к Ирине в станицу Павловскую, где она вместе с девчонками проходила практику. Это от Армавира в сторону Ростова на Дону полторы сотни километров. На автобусе часа три трястись, а то и все три с половиной, учитывая промежуточные остановки. Поэтому не стал долго мешкать, переоделся и кинулся на автовокзал. До него надо было на двух автобусах добираться из поселка. Благо, что тогда автобусы между городами ходили регулярно и по расписанию. По моему, купил билет на проходящий, на который уже шла посадка, и автобус минут через пять отъехал от перрона. На медугородних линиях работали тогда два типа автобусов: ЛАЗ Львовского завода и венгерские Икарусы. ЛАЗы работали на ближних линиях, а Икарусы работали на дальних. Вот на таком Икарусе я и ехал к своей супруге в Павловскую. По тем временам Икарусы были самые комфортабельные автобусы. В салоне тепло, вверху под полкой ручной клади стояли плафоны подсветки и система вентиляции, совсем как в самолете. Где-то через три с половиной часа я уже был в Павловской. Дом нашел без проблем. Ирины и подруг не было дома, встретила меня радушная хозяйка, которая сдавала комнаты молодым медикам. Ирина ее предупредила, что я должен приехать. Хозяйка сказала, что девчонки в совхозном клубе, готовят новогодний бал. Я оставил портфель и хозяйка проводила меня в клуб. Прошел к актовому залу и увидел у елки и Ирину, и девчат, которые вместе с местными парнями готовили зал. Они наряжали елку. На сцене ребята расставляли аппаратуру и опробовали звучание колонок. Проходившую мимо меня в зал девушку я попросил позвать Ирину. Конечно радость встречи и все такое, но оставаться на Новый год в

клубе я не хотел, поэтому уговорил Ирину к ним на квартиру и встретить там вдвоем Новый год. Сейчас уже не помню, вдвоем мы встречали или подошли девочки, а может они подошли позже. Но помню, что мы пили шампанское и танцевали с ней под песни Демиса Роуссоса, которые были записаны на подаренный нам к свадьбе магнитофон.

На следующий день мы с Ириной и Лена Заводнова собрались в Армавир. На остановке мы долго ждали автобуса. А пока ждали, подошли двое подвыпивших ребят. Мы с Ириной стояли в сторонке, а ребята подсели на лавочку к Лене. Я слышал разговоры, смех, а потом Ирина сказала, что к Лене пристают. Я обернулся в ее сторону и понял, что Ленка дококетничалась. Подошел к ней и взяв за руку хотел увести к нам с Ириной, но тут встали два «кавалера». Одним словом дело дошло до того, что один из них вытащил нож. Тогда я впервые вот так, до банальности обыденно, увидел нож, приставленный мне к животу. Почему-то не было никакой паники в голове. Я понимал, что могу их завалить обоих, но гарантий, что не получу нож в живот, нет. А это госпиталь и списание на землю. На самолеты я тогда смотрел-бы только задрав голову вверх. Стал разговаривать спокойно с ними, чтобы они успокоились. Сказал, чтобы убрал нож, что рано ему в тюрьму такому молодому, ну и там еще что-то. Одним словом просто разговаривал с ним. Удивительно, но это сработало, а второй увидев на пальце руки у меня обручальное кольцо, потащил друга в сторону, приговаривая:

- Ты что не видишь, это его жена.

А через пять минут подошел и автобус. Не знаю почему, но в Армавир я ехал с нехорошим осадком на душе. Вот так два поддонка запросто испортили хорошее новогоднее настроение.

* * *

Праздники были не долгими и теперь мы уезжали в Майкоп на полеты. В Майкопе учебный полк, а вернее территория штаба полка и казармы располагались в городе. За забором штаба стояли пятиэтажки военного городка, где жили семьи офицеров. На территории полка было много деревьев, некоторые стволы невозможно было обхватить вдвоем. Видимо эти вязы еще видели Кавказскую войну 19-го века. Мне понравился комплекс полка, удобное расположение казарм и сами казармы добротные, выстроенные из кирпича. Одним словом здания сталинской постройки. Фасады всех зданий были разумно повернуты в сторону северо-востока. А это значило, что в летнюю жару солнце находилось сзади казармы, поэтому в помещении сохранялась относительная прохлада. Новой было только здание столовой. Это было современное двухэтажное строение из панелей, с большими окнами в современном стиле. В зал столовой, который находился на втором этаже вела широкая парадная лестница. В такой столовой можно было устраивать и торжественные приемы, и свадьбы, и праздновать дни рождения.

Мы разместились на первом этаже казармы, а вход в нее для нашей эскадрильи был в правом крыле. В левом-же крыле на втором этаже жили «ночники». Не успев обустроиться, мы естественно поспешили к ним, чтобы узнать о порядках здесь на базовом аэродроме. Рукопожатия, объятия были недолгими, потом рассказывали про жизнь в полку, требования и так далее. Самое главное, как нам сказали, это избегать встречи с командиром полка, полковником Авериным Борисом Арсентьевичем. Был он немалый самодур и человек настроения. Но, как позже мы убедились, настроения у него никогда не было. Редкий случай, когда он мог пройти мимо курсанта, не сделав ему замечание или выговор, а то и того хуже – отправить на гауптвахту. Уже сейчас понимаю, что

Аверин был до педантизма строг. Он был умен и вся его деятельность была направлена только на службу. Потом мы убеждались не раз, что кроме службы он ничего больше не видел. Он всеми силами стремился вверх по карьерной лестнице и вникать в психологию курсантов ему было недосуг. И в этом нам еще предстояло убедиться. Он стал начальником Ставропольского училища впоследствии и получил генерала. Но и по прошествии многих лет я не слышал от АВВАКУЛЬцев доброго слова об Аверине. Ну, а все остальное, как и в училище.

Аэродром располагался рядом со станицей Ханской. Находилась станица на пол-пути к городу Белореченск, в одиннадцати километрах от Майкопа. История станицы началась в середине осени 1862 года. Его основателями были казаки, направленные для несения службы в здешние края. Ханская после своего основания стала относиться к Майкопскому отделу на Кубанских землях. Происхождение названия современной станицы связано с Ханским бродом, который в давние времена существовал на реке Белой задолго до появления здесь станицы. По древним преданиям на реке когда-то располагалась ставка крымского хана, которая размещалась вверх по течению от станицы.

Возили нас туда в крытых тягачах, а инструкторы ездили на полковом автобусе. Но вначале, как и положено, изучили район полетов и все радиотехнические данные своего и запасного аэродромов. Первый полет в Майкопе я сделал 10-го января с командиром звена. Пару раз полеты отбивали по погоде, а потом подошел срок зимнего отпуска. Уезжали мы с железнодорожного вокзала из Белореченска. Я поехал конечно-же в Армавир. В Армавире был недолго, и переговорив с Ириной отправился проведать своих родителей. Ирина осталась писать дипломную работу.

* * *

В Клину ничего нового не было, кроме встреч с учителями и выступлений в школе. Теперь Царевы жили в Москве на Чистопрудном бульваре. Там были старые здания, которые собирались капитально ремонтировать. Все жильцы из коммуналок переселились в новостройки. А Элле Александровне дали пока две комнаты в этих полупустующих коммуналах. Михаил приехал за мной и мы поехали к его родным. Там посидели за столом, отметили наш отпуск, погуляли немного по бульвару. На следующее утро я приехал в Клин.

Самое странное, что я сейчас не могу вспомнить что-то яркое в отпусках, когда я учился в училище. Разве что только поездку на Волгу, когда я привозил Ирину перед свадьбой в Клин. Все проходило однообразно. Одноклассники или работали, или учились. Наши каникулы никогда не совпадали с гражданскими ВУЗами. Летом студенты пропадали в стройотрядах. Родители тоже работали.

Правда, на втором курсе ездили с мамой в деревню на недельку. Тогда меня встретили, как мне показалось, осиротевшие после смерти прадеда, хата и сад. Все вроде было то и в то-же самое время не то. Бабушка ухаживала за садом и старалась, чтобы все было, как при прадеде, но чувствовалось, что не хватает здесь прадеда. И сад, и подворье без прадеда уже не так выглядели радостно. И это чувство было настолько тонкое, что невозможно описать просто внешние признаки. Может эта тоска по прадеду исходила от самого сада, за которым он так любовно ухаживал? Казалось, что горечь утраты хозяина, так трепетно любившего свой сад, источали сами растения и она проникала в каждого, кто открывал калитку. Бабушка встретила нас на пороге хаты. Лицо светилось от радости, что приехали родные. Я поставил чемоданы у входа, а сам пошел в дальнюю комнату, где на кровати все так-же, как и три года назад сидела прабабушка Мариша, пытаюсь потихоньку встать на свои больные ноги и выйти на встречу к гостям. Мы

обнялись с ней, расцеловались, а на глазах у нее появились слезы. Я помог ей потихоньку встать с кровати и мы пошли к дверям комнаты. Конечно-же первым делом стали доставать из чемодана подарки. В то время не дарили дорогих подарков, а самыми востребованными были Павловопосадские платки, да халаты с ночными рубашками. Это для женщин. Мужчинам обычно дарили рубашки, это еще при жизни дедушки ему привозили родители. Ну и конечно-же бутылочку хорошего вина из Москвы привозили. Водки-то и в деревне было достаточно, а вот хорошего вина не было. Погостили мы недолго. Пришло время прощаться. И такая тоска обняла меня, что трудно передать словами. Я понимал, что возможно больше не смогу увидеть бабушку Маришу, очень она сдала после смерти своего мужа. И мне показалось, что она уже мысленно сама собирается к нему, туда...

В поезде в купе нас было трое до Москвы, с нами ехала женщина. Она была наеврное ровестницей маме, и так-же, как и мы, села в Ильмене. Мы познакомились. А знакомство всегда в дороге располагает к разговорам. Я увидел, что она достала книжку «Остров сокровищ», но положив ее на столик, не читала, а больше разговаривала с мамой. Я попросил разрешения почитать. Мама, пока я читал, выяснила, что эта женщина работает в книжном магазине в Рудне. Рудня не такой уж большой населенный пункт, поэтому эта женщина знала мамину двоюродную сестру Дагаеву Екатерину Яковлевну, второго секретаря райкома партии. Потом пошел разговор про книги. И она рассказала, что в квартире у них с мужем почти нет мебели, все место занимают книжные шкафы.

- Все это приданное для двух дочерей, - пояснила она, видя наши удивленные глаза.

В то время книги были не только источником знаний и информации, но и хорошим вложением капитала. Романы классиков с рук продавали за две, а то и три их номинала. Чтение было одним из любимейших занятий в стране. Читали везде; и сидя, и стоя. Читали газеты, журналы, брошюры, книги. Книги читали в метро, поездах, электричках. Журналы и газеты читали в общественном городском транспорте. Тогда любой человек знал и наших и зарубежных писателей. И тех, кто писал в прошлом веке, и тех, кто писал в наше время. Узнав, что я просто «запоем» читаю книги (это мама так охарактеризовала мое увлечение чтением), эта женщина предложила присылать мне книги в училище посылками. Конечно-же я был не против. До Москвы я «проглотил» «Остров сокровищ», мы обменялись адресами, а на вокзале тепло расстались с той женщиной.

В Майкоп после отпуска мы уезжали на машинах от училища. Проезжая на машинах по улице Советской армии мимо Дома офицеров, где гремела музыка и армавирский полк отдыхал в увольнении. Мы завидовали им. А когда приехали в Майкоп, то узнали, что в тот вечер на танцах милиционер застрелил нашего курсанта. Милиционер был пьян и вне службы, а причиной была девушка. Но почему у него оказался табельное оружие при себе, так и осталось загадкой. Дело это замяли. Одним словом было обидно за то, что наше командование спустило это дело «на тормозах» и пришло к мировому соглашению с МВД города.

В первых числах февраля приступили к полетам. По утрам мы тряслись в тягаче, кутаясь в воротники меховых курток, и пытались дремать, пока нас везли на аэродром. Вначале получалось плохо, но потом не только дремали, а засыпали по-настоящему. Привыкли. Промозглая февральская погода на юге не особо поднимала настроение. И только предполетная подготовка приводила нас в чувство. На стоянке уже стояли в ряд полтора десятка спарок и боевых мигарей. И на фоне всей этой промозглости серебристые, они выглядели эдакими франтами и радовали глаз. После предполетных указаний все расходились из класса, за исключением ребят, кто летал третью или вторую заправку. Они оставались в теплом классе и «добирали» сна, устроившись на сдвинутых стульях. Курсант, если

он не выспался, то всегда найдет возможность “добрать” той самой малости сна, которой ему не хватило.

Весь февраль мы летали маршруты, зоны, и «системы». «Системы» - это тоже полет под шторкой в районе аэродрома, только выход на приводную радиостанцию выполнялся особым способом. Главное в этом полете было отработать снижение на посадочном курсе, не наблюдая земли, по приборам. Мне это здорово нравилось; этот полет требовал строгого выдерживания параметров высоты, скорости и направления полета. Менять можно было только вертикальную скорость в зависимости от удаления до полосы, да поправку в курс при наличии бокового ветра. В авиации есть расхожее выражение «собрать все стрелки (приборов) в кучу». Вот в таких полетах и собирали все стрелки «в кучу». Нас готовили к сложным метеоусловиям, а там шторку не откроешь, не посмотришь так заходишь на полосу или нет.

16-го марта случилось событие незаурядное для учебного полка, в полк прилетел начальник боевой подготовки авиации ПВО полковник Хижняк. Он прилетел с инспекционной проверкой летной подготовки летного состава полка. Узнали мы это уже после предварительной подготовки, когда в казарму пришел майор Ковалев и сказал мне, что завтра контрольный полет по схеме полечу не с ним, как было запланировано в таблице, а с полковником Хижняком. Я не ожидал такого поворота и пытался говорить, что может с кем из других ребят слетает? Но Ковалев только заулыбался и сказал:

- Вы оба хохлы, поэтому договоритесь!

Хижняк должен был слетать с курсантом, инструктором и командиром звена по очереди. И наверное с кем-то из состава управления полка, но это только мое предположение. Вот этим курсантом и оказался я .

На следующий день у самолета меня представлял командир звена, майор Ковалев. Полковник Хижняк спросил только:

- Ну, что готов?

- Так точно! - а что я еще мог ответить.

Не успел я взлететь, как он закрыл шторку в моей кабине. Шасси и закрылки убирал уже под шторкой. Весь полет он молчал, только однажды подсказал что-то. Шторку открыл уже после прохода ближнего привода и полоса, как-то необычно близко, появилась перед моими глазами. Тогда я еще не предполагал, что в дальнейшем, когда буду летать в строевых частях, полоса будет появляться перед «самым носом» неожиданно, но уже в реальных условиях минимума. На земле нас уже ждало командование АЭ . Замечаний почти не было, только на посадочном ошибки исправлял с запаздыванием. Я видел лицо Ковалева, в глазах которого читалось переживание за меня и интерес, как все-же я слетал. Он мне в этот момент напоминал родного отца, переживающего за сына.

Возможно, я преувеличиваю и идеализирую отношения Геннадия Федоровича ко-мне, но мне в школьном возрасте не доставало внимания отца к моим успехам. Недоставало его поддержки, такого интереса к тому, чем я занимался. Я не виню отца, он был в разъездах и зарабатывал деньги, чтобы семья ни в чем не нуждалась. А здесь я ощутил именно то, что мне не хватало тогда. На такое отношение у нас, мальчишек реакция одна — мы готовы идти за такими людьми, учиться у них, буквально боготворя их.

Удивительным по своему отеческому отношению к курсантам был и сам комэск подполковник Колесников. Да и не только по отношению к курсантам, а вообще ко-всей молодежи в эскадрильи. Был он человеком с юмором, это мы поняли после того, как он дал прозвище «Граф» Володе Толубееву. На жизненные ситуации Колесников смотрел так: если это была серьезная ситуация, то и решалась она по серьезному, а если ситуация была не слишком серьезна, то всегда решение было

через юмор. Вообще в эскадрильи инструкторский состав любил юмор. Любили подшутить и над офицерами, и над курсантами. Но юмор был не злой, не унижал чье-то человеческое достоинство; юмор был одним из средств обучения летной работе и жизни.

Как-то на предполетных указаниях на ЦЗС (центральная заправочная стоянка), когда мы стоя в строю записывали данные на полеты в свои планшеты, произошел поучительный случай. Когда метеоролог закончил свою «молитву»: «Погода района обуславливается гребнем антициклона....» и т. д., Колесников спросил его о прогнозе на следующий день (у нас были два летных дня подряд), метеоролог начал опять с «мамонтов, которые жили на земле, когда она была еще теплой»:

- Погода района обуславливается.... Что предполагает устойчивость антициклона, а следовательно малооблачную погоду с высотой облачности.... Предполагаемый прогноз на завтра ПМУ...

- Так, все понятно, - не дал договорить метеорологу Колесников, - А теперь слушай мой прогноз. Вон видишь на горизонте горы? Вся эскадрилья повернула голову туда, куда показывал комэск. Действительно за дымкой на горизонте отчетливо были видны горы Кавказа. А Колесников тем временем продолжал:

- Я тут летаю не первый год и запомни, - это он опять обращался к метеорологу-двухгодичнику, - если хорошо видны горы, то на следующий день обязательно будет плохая погода!

Что мог ответить на это молодой дипломированный специалист, если сам комэск опровергал его прогнозы? И как не странно, вопреки метеорологической науке, комэск оказался прав! На следующий день был минимум и летали только инструкторы, а нас отправили в классы заниматься.

В казарме полка жизнь была не так разнообразна, как в училище. Из-за ограниченности территории части, пойти было некуда. Спортгородок был перед окнами казармы, столовая и штаб тоже рядом. Поэтому смотрели телевизор и играли в карты. Карты, не знаю, кто организовал, занимали большой промежуток нашего личного времени. Вначале в дурака играли, а потом предложили в секу играть. Это уже на деньги. Играли по мелочи, но для курсанта, эта уже была не мелочь. За игрой нас ловили несколько раз и отбирали карты, пока не осталось ни одной колоды в казарме. Надо сказать, что из Майкопа нас женатых и армавирцев не часто, но отпускали в Армавир в увольнение. Ездил и я раза два. Чаше не получалось - финансовые возможности курсанта не позволяли делать такие вояжи еженедельно. И вот Юра Рябцевич привез лото из дома. Ну, лото и лото, ничего в этом нет предосудительного, но в лото мы тоже стали играть на деньги. Как-то вечером сидели на сдвинутых кроватях и с надеждой в душе истово закрывали номера на карточках, как вдруг наше внимание привлекла тишина в казарме и только «крикун» кричал на всю казарму:

- Тридцать пять, двадцать шесть, барабанные палочки, дед...!
Мы подняли головы и увидели в дверях Геннадия Федоровича - он был ответственный по эскадрильи в субботу. На его лице было написано изумление:

- Вы чем занимаетесь? - такое-же изумление звучало в его вопросе, ибо он понимал чем мы занимаемся.

- В лото играем, - ответил кто-то из нас.

- Да я вижу, что в лото играете. Как старые бабки! Неужели других игр нет больше? Заднипранец, и ты тоже с ними?

От меня такого, как я понял, Геннадий Федорович не ожидал и продолжил с крайним возмущением:

- Будущие летчики и сидят играют в лото!

- А во-что нам играть? Вы-же все карты у нас отобрали.

- Так вы-же играете в секу! На деньги! Нет, чтобы играть в преферанс. В настоящую офицерскую игру! А они в храп... Тфу!

Он в сердцах повернувшись, вышел из помещения. У меня пропало настроение играть и остался неприятный осадок на душе, что уронил себя в глазах Геннадия Федоровича. Хотя я знал, что он не станет мне вспоминать, но все-же...

Однажды в субботу, ближе к вечеру в казарму позвонили с КПП полка и сказали, что меня ждут на КПП. Кто мог ждать на КПП, если знакомых в городе не было? Я вышел из казармы, соображая на ходу, кто это может быть. Мелькнула мысль, что может быть отец проездом заехал? Он иногда ездил на Кавказ в командировку, но уж больно эфемерной эта показалась мысль. Я уже подходил к КПП, когда увидел за воротами Ирину, сияющую от радости. Я не мог предположить, что она соберется и придет, ведь она училась еще. Приехала она не одна, а с Зоей Гранкиной. Саня уже был на КПП и обнимал жену, расплываясь в улыбке. Как и положено, мы обнялись и расцеловались, а потом пошли с Александром отпрашиваться в увольнение. Нам выписали увольнительную до вечера следующего дня. Быстро переоделись и покинули часть. Девчонки не сразу приехали к нам, а вначале сняли в гостинице два номера. Счастливые, мы взяли своих жен под руки и пошли в город. Город был зеленым, но жара заставила слегка пожухнуть листву, и пыль из-за длительного отсутствия дождей осела сероватым налетом на деревья и кустарники. Немного побродив по городу, мы направились в гостиницу. Собрались у нас в номере. Девчата накрыли, как могли в тех условиях стол, появилась бутылка "Южной ночи" на столе (догадливые жены постарались). вечер пролетел быстро за разговорами, но и нам, и Гранкиным не терпелось остаться наедине...

На следующий день проводили в обед девчат на автобус до Белореченска, Им еще предстояло три часа на поезде добираться до Армавира, а мы направились в полк.

* * *

Весь апрель мы летали в сложных метеоусловиях. Отрабатывали заходы на посадку в СМУ и маршрутные полеты. После этого приступили к перехватам за облаками и стрельбам из пушек на полигоне. продвигаясь по программе, мы приблизились к самым интересным видам подготовки. Летали с огромным удовольствием. Полигон был недалеко от аэродрома, может километрах в пятидесяти. Над ним постоянно висели три истребителя, встав в круг и расстреливая выложенные нами-же мишени - силуэты американских самолетов. Внутри эти мишени были засыпаны опилками, отчего были желтыми. Уже на второй день полетов все мишени, а лучше сказать опилки, были сожжены. Ведь каждый третий снаряд был трассирующий. После этого привезли еще машину опилок с мебельной фабрики и стали перед стрельбами поливать их в силуэте мишени из поливальной машины, а сырыми опилки не горели. Захватывающим был сам заход, прицеливание на пикировании и очередь из снарядов. Старались стрелять короткими очередями по три снаряда, чтобы побольше сделать заходов. Вывод был не ниже 500 метров, но искушало желание проводить взглядом трассирующие снаряды до цели — попал или не попал в мишень. И в одном полете не избежал этого искушения и я, но немедленно услышал в наушниках голос своего командира звена Ковалева, он руководил в тот день на полигоне:

- 732-й, в набор!

Выполнил безоговорочно, но на земле после полетов получил разнос от Геннадия Федоровича. И он был прав! Сколько летчиков за историю авиации таким образом «набрали полный рот земли», не одна сотня, а может и больше. И

не только потому, что запаздывали с выводом, но и в поле осколков своих-же снарядов влетали. Стреляли вначале из НР-23, потом из Н-37. Разница была ощутимая. А когда перешли на залпы со-всех трех стволов, то ощущение было такое, что кто-то тянет самолет за хвост назад. Тело повисало на ремнях, а самолет сотрясала дрожь от отдачи при выстрелах. И после каждого захода на цель на полигоне, руководитель стрельб по радио сообщал было попадание в мишень или нет. А за каждый вылет выставлялась оценка в зависимости от количества попаданий.

Конечно впечатлений было через край, которыми и делились друг с другом на стоянке. Теперь уже на стоянке не было мальчишества и баловства, как-то ребята сразу повзрослели. Наверное правильно говорят, что если хочешь сделать из юноши мужчину, дай ему в руки оружие.

Программу нашей подготовки двигали интенсивно и я не заметил, да наверное и другие ребята тоже, как быстро закончились полеты на полигон. И было очень жаль, что теперь неизвестно когда придется вот так пострелять на полигоне из пушек, да и придется-ли. Теперь вся летная подготовка сосредоточилась на перехватах одиночно и парой за облаками. В этот период инструктором у нас в группе был капитан Остапенко, он временно исполнял должность командира звена. Удивительный по складу характера был этот человек! Он не показывал своего превосходства над нами ни на земле, ни в воздухе. Был человеком с юмором, мог подшутить над курсантом. Но его шутки были не злые, а доброжелательные, на которые никто из нас не обижался. Были такие инструкторы, которые старались шуткой обидеть курсанта, а то и откровенно наорать на него. У нас в эскадрильи таких инструкторов я не видел, разве что Кизюров позволял себе изредка такое. Но это я больше относил на его жизнь «одинокого волка». Будь он женат, наверное характер был-бы другим у него. Вспоминая сейчас обучение на Миг-17, я благодарен судьбе, что большую часть этого времени мне пришлось летать не с Кизюровым. Ковалев Г.Ф., Остапенко В.А., Быховец В.И. - вот те люди которые формировали во-мне уверенность в том, что из меня получился летчик. А утверждения Ковалева, что я «уже почти готовый инструктор», дорогого стоило. Но в любом случае я был и остаюсь благодарен Кизюрову, что и он вкладывал в меня свой опыт, знания и умения. Только закончив летать, можно оценить правильно работу инструкторов, которые тебя учили в училище. Невозможно мальчишкой-курсантом подойти с правильных позиций к оценке работы твоего инструктора. Да, может быть и обида иногда на инструктора в душе, и ты не согласен с его оценкой твоих полетов, но нельзя делать скороспелых выводов молодым человеком. Только после того, когда сам окунешься в эту работу; когда половину полетов станешь выполнять с места инструктора; когда у тебя появится результат в этой работе в виде летчика, готового самостоятельно летать и принимать самостоятельно решения в воздухе; вот только тогда можно оценить работу твоих инструкторов.

В этой плеяде инструкторов, которые непосредственно работают с курсантами, остаются незамеченными заместители командиров эскадрильи, штурманы, замполиты. А ведь они тоже инструкторили, тоже когда-то были рядовыми инструкторами, а потом командирами звеньев. У них тоже был богатый опыт обучения курсантов. Они тоже почти не вылезали из кабин самолетов, подменяя заболевших инструкторов или отпускников. Но у них была и своя, конкретная должности работа. С большим уважением вспоминаю капитана Кашкина Н.М. Он был замполитом эскадрильи. Пришел в полк после военно-политической академии им. Ленина, а до этого летал на Дальнем Востоке. Много рассказывал про красоты и особенности Сахалина, про встречи с американскими самолетами над океаном. Он-же был и инициатором выпуска фотогазет на полетах, а мне

опять приходилось, как и в Аджикабуле, выпускать эти фотогазеты. Приходилось вертеться, но мне нравилась эта работа.

Однажды вылетел с ним в паре на перехват одиночного истребителя за облаками. Он на спарке Ути МиГ-15 был ведущим и двал контрольный полет кому-то из курсантов, я на МиГ-17 - ведомым. КП навело нас на истребитель и мы приступили к работе. Это был один из моих крайних полетов на перехват парой. Вначале спарка приступила к работе по цели, а я летел параллельным курсом поодаль с превышением, ожидая своей очереди отработать фотострельбу. Спарка закончила работать:

- 754-й работу закончил, - и отвалила вправо, освобождая позицию для меня.

- 732-й приступаю к работе, - должен я и со снижением влево стал выходит в заднюю полусферу цели.

Отработал несколько ФСов, пока не закончилась пленка, и доложил, что работу закончил и выхожу вправо. Выполняя маневр стал искать глазами ведущего и ... не увидел Утишку там, где я ожидал ее увидеть. Облачность ограничивали обзор. И тут я вспомнил Бароновку и "славный" экипаж "Взлет парой, сбор в столовой". В голове мелькнула мысль: "Неужели и мне в одном из крайних полетов на перехват придется вот так бесславно вернуться на аэродром в одиночестве, потеряв ведущего?"

Видя мое замешательство и поняв, что произошло, Кашкин спросили:

- 732-й, меня наблюдаешь?

- Пока не наблюдаю..., - как можно спокойнее ответил я.

На лбу, как мне показалась, выступила легкая испарина от понимания, что и на СКП, и все те, кто в воздухе был в этот момент, поняли, что пара развалилась.

- Посмотри вправо под 45 выше тебя, - спокойно отреагировал замполит в эфире.

Я бросил взгляд в ту сторону и увидел мелькающую за облаками спарку.

- Семьсот тпол-ста четвертый, вас наблюдаю, - и с радостным сердцем стал занимать место в паре.

- 732-й справа на месте, - доложил, когда занял место в строю.

После этого мы развернулись на точку. На земле ни Кашкин, ни кто-то другой ничего про мою временную потерю ведущего мне не сказал. Это был рабочий момент, мы-же учились. Но свою ошибку я понял уже на земле - никогда нельзя упускать из виду ведущего, даже если работаешь по цели. А фотострельба получилась опять на "отлично".

Время летело неумолимо, мы его на замечали за полетами. Не смотрели на календарь, а только ждали с нетерпением очередных полетов. Летать, летать и еще раз летать, вот только этим мы и жили в то время. Свой крайний полет, уже закончив программу, я полетел на спарке с командиром звена Ковалевым Геннадием Федоровичем. Самолет шел за цель и Ковалев спланировал меня в спарку к себе. Весь полет выполнял я, Ковалев только вел радиообмен - не могли курсанты вести радиообмен, когда летели в самолете, который шел за цел. Когда перехватчики отработали упражнения, а мы развернулись в сторону аэродрома, Ковалев спросил:

- Ну, что ты хочешь, чтобы мы выполнили?

Я быстро перебрал в уме все фигуры пилотажа и пришел к выводу, что повторять то, что крутил сам, банально в крайнем полете. Хотелось чего-то такого, что еще ни разу не выполнял. И тогда я сказал:

- А можно двойную полу-петлю выполнить?

Я никогда не видел, чтобы этот элемент выполнялся на реактивном самолет, только на спортивных Яках. Ковалев немного помолчал, потом по СПУ я услышал:

- Фонарь кабины не выдержит, треснет.

- Понятно..., - протянул я.

И не долго думая:

- Разрешите тогда заход на посадку "из-за угла"?

- Давай! - не колеблясь разрешил Ковалев.

Мне не приходилось выполнять такую посадку самому, только наблюдал с земли, как другие инструкторы выполняют такие заходы. Да однажды, когда вот так-же в спарке с капитаном Остапенко летали за цель, он выполнил такой заход. Ее особенность состояла в том, что самолет на третий разворот выходил близко к полосе и начинал выполнение разворота на траверзе ближнего привода. Третий и четвертый развороты выполнялись слитно со снижением. Фактически получалась полу-спираль. И после вывода из разворота, который происходил уже по сути после ближнего, оставалось только начинать выравнивать самолет перед посадкой.

С чувствами, переполнявшими меня от того, что Ковалев верит в мою технику пилотирования и от того, что поставлю жирную точку в конце программы обучения на боевом истребителе, я построил узкий круг и на траверзе полосы поставил кран шасси на выпуск. При подходе к траверзу ближнего Ковалев доложил на СКП своим позывным:

- 730-й на третьем, шасси выпустил, разрешите заход?

- Разрешаю.

Я создал крен и перевел самолет в снижение. Ковалев подсказал:

- Выпускай закрылки.

*Мой командир звена на МиГ-17
майор Ковалев Геннадий Федорович*

Не уменьшая крена, выпустил закрылки. Самолет разворачивался на ближний привод, а высота уменьшалась. Ближний проскочил метрах на шестидесяти, после

этого самолет выровнял по крену. А вот уже и полоса! Выравнивание, выдерживание и мягкое касание шасси о бетон. Мне показалось, что не прошло и минуты с начала разворота, а мы уже на полосе.

Не помню точно, что сказал Ковалев, что-то вроде "хорошо" или "молодец", но мне вдруг стало немного грустно. Грустно от того, что вот и все, теперь только экзаменационный полет. Остались позади зоны, шторы, перехваты, боевые маневрирования и стрельбы из пушек. Этот короткий период вместил в себя столько переживаний, радости, нетерпения и удовлетворения, что казалось такого не будет больше никогда. Я понимал, что все это только прелюдия к длинной летной жизни в боевом полку, что будут и более сложные элементы летной работы, будут и переживания и радости, и удовлетворение. Но вот такой отеческой заботы, которая окружала нас, в полках может и не быть. Будет работа. Сложная, ответственная, связанная во-многом с риском, но все-же работа. А еще было грустно и потому, и наверное это главное, что не поднимусь больше в воздух с Геннадием Федоровичем; не услышу его теплый, отеческий голос в СПУ, полный уверенности за тебя, что ты справишься. Да, всего этого мне потом будет часто не хватать. И часто буду вспоминать Ковалева в чуть сдвинутом на бок шлемофоне из под которого будет выглядывать белый подшлемник; с его широкой открытой улыбкой на лице, а на согнутой в локте большой сильной руке его будет перевешиваться выдавшая виды кислородная маска.

Всю неделю до предстоящего экзаменационного полета мы заполняли летные книжки, считали налет, исправляли недочеты в летной документации. Конечно-же слегка мандражировали, во-всяком случае я, перед первым государственным экзаменом. Если теоретические госы я еще примерно предполагал как пройдут, а вот как будет проводиться летный гос.экзамен ни мне, ни другим ребятам было неизвестно. 30-го мая прошла предварительная подготовка, где нам довели характер полетов. Это были хорошо нами усвоенные полеты отворотом на расчетный угол с заходом на посадку с прямой в облаках. Кстати я тогда и предположить не мог, что мне не придется больше выполнять такой вид захода на посадку в облаках. Этот полет, где самое главное было выдержать режимы, не представлял ни для кого сложностей. Еще не зная про вид полета, я предполагал, что это будет перехват воздушной цели, один из наиболее сложных видов подготовки. Но оказалось все до банальности просто и я даже немного в душе расстроился, что не по сложному виду подготовки будет экзамен.

На следующий день в классе на аэродроме провели предполетные указания и мы приступили к сдаче летного экзамена. Не было суеты, все было почти буднично, если не считать нашего внутреннего напряжения. Хоть полет и не сложный, но ответственность перед экзаменаторами заставляла волноваться. Успокоился я только тогда, когда сел в кабину Ути Миг-15 и запустил двигатель. Его нарастающее урчание удивительным образом успокоило меня, я почувствовал себя словно рыба в воде. Экзаменующим во второй кабине был летчик-инструктор капитан Замятин. Я не знал из какой он эскадрильи или полка, но он входил в состав государственной экзаменационной комиссии по летной подготовке. Весь полет выполнил хорошо и этому сопутствовало то, что в воздухе не было болтанки, а значит все параметры выдерживались без проблем. Оценку за полет получил "отлично". Если честно сказать, то не знаю, кто из нашего курса получил "хорошо" за экзаменационный полет и получил-ли. Книжка уже была расписана накануне, поэтому сразу после полета Александр Питиримович Кизюров представил ее Замятину, где тот и расписался.

Пару дней мы «подбивали бабки», как говорят в авиации про подсчет налета, и сдавали все летное обмундирование - готовились к отъезду в Армавир. В день отъезда мы получили проездные документы в штабе полка, а денежное

довольствие командир взвода выдал нам накануне. И вдруг ребята стали обнаруживать, что деньги, которые хранили в каптерке в чемоданах пропали. У всех появилось ощущение, что на нас вылили ушат помоев. Мы считали себя одной семьей и вдруг такое. Подозрение пало на Красильникова. Он стал каптером недавно, буквально за неделю-другую до отъезда. Старого каптера Юру Фирсова отлучил от дела командир взвода, когда тот попался нетрезвым, придя из увольнения. У нас не пропадали вещи или деньги в каптерке никогда, за исключением случая с моим обручальным кольцом. Тогда дневальным оставался тоже Красильников, а Юрка был на полетах. Решили, когда всех отпустят, за проходной полка прижать Красильника и проверить его всего. Переводов он не получал, поэтому у него не должно было быть денег больше, чем месячное довольствие. Но, видимо стукачок был в эскадрильи, командиру взвода донесли, что мы будем "трясти душу" из Красильника за пределами полка. Ком. взвода, чтобы не разбираться, просто отпустил Красильника на два часа раньше, чем всех остальных. Об этом мы узнали, когда нас - две эскадрильи, построили у штаба полка, чтобы командир полка полковник Аверин попрощался с нами. Это был плевков всем ребятам со-стороны командира полка. Я всегда пытался вспомнить его фамилию, но в голове осталось только его прозвище "Сучья головка". Дали ее ему из-за несоразмерно маленькой головы и неприятной, подхалимской улыбки. Уже потом позднее, когда был командиром эскадрильи и на встречах в честь юбилея выпуска после увольнения, я встречался с Красильниковым, но он отводил глаза при встрече и сразу-же уходил.

Строй двух эскадрилий образовал каре, а Аверин ходил внутри его и произносил речь. Но вдруг остановился около кого-то, увидев незначительное нарушение формы одежды, и стал перед всеми курсантами, без пяти минут офицерами, отчитывать. И тут громко, из середины строя вдруг послышалось:

- Каким ты был, таким ты и остался!

Надо было видеть в этот момент Аверина! Он забежал глазами по всему строю крича: "Кто сказал?!" Все стояли молча, только в глазах всего строя стояла усмешка. Не любили Бориса Арсентьевича курсанты, презирали за его надменность, подозрительность к курсантам. Мы ощущали, что в нас он видит не "детей своих", как это видел инструкторский состав, а быдло, пытающееся стать летчиками. И в своем отношении к Аверину, все курсанты были единодушны. И его беготня вдоль строя, и его поиски того, кто сказал, только унижали его, как командира полка. Мы подсознательно сравнивали его с "Батей" - командиром Аджикабульского полка Засолкиным, который был нетороплив, полностью доверял инструкторскому составу, верил в курсантов. Но главное то, что "Батя" никогда не позволял себе перед строем орать на кого либо. И Аверин проигрывал "Бате" в этом сравнении начисто. Был он молодым командиром полка и все окружающие видели, что целью своей он ставил только карьерный рост. А такие цели в летной среде презирались всегда.

Не найдя того, кто обронил фразу, Аверин дал команду распустить строй. Мы покидали расположение полка с нехорошим чувством. Вот так один человек способен испортить настроение всему полку. Основная масса ребят направилась в Белореченск на поезд до Армавира, кто-то на автовокзал - разъехаться по родным станицам, майкопчане остались дома. Но, все равно в понедельник всем надо было быть в училище.

Я с нетерпением ехал домой к жене и теще с тестем. Я знал, что меня там уже ждут - письма мы писали регулярно друг другу с Ириной. Радости дома не было предела, когда я появился во дворе. Да я и сам был очень рад, что опять с семьей и теперь буду с ней до выпуска. Одно только огорчало, что теперь до строевой части не поднимусь в воздух.

Два дня пролетели незаметно. Мы гуляли в городе, помогали родителям дома, а вечером наслаждались легкой прохладой после жаркого дня. Смелова тетька Валя, которая заглянула к родителям по своим делам, позвала нас с Ириной собирать черешню к ним в сад. Это была сестра моего тестя, а жили они недалеко от Ирининых родителей. Ее муж дядя Петя был смугл и черен волосами, как настоящий армянин или турок. Когда я его увидел впервые, то подумал, что он и есть армянин. Таким-же был и старший их сын Александр. Дядя Петя был степенным мужчиной, рассудительным. Решения не принимал, чтобы хорошо его не обдумать. А вот Александр был полная противоположность ему. Решения принимал на лету, часто не обдумывая и всегда с веселостью. Вообще он был в то время веселым человеком, который мог и пошутить, и серьезный вопрос перевернуть в шутку. И всегда смеялся над всеми шутками, были-ли они его или кто-то другой шутил. Сама Валентина Прокофьевна была довольно высокой женщиной, во-всяком случае рядом со своим мужем она выглядела солиднее. Ее крупная фигура была воплощением кубанского стереотипа, что такая женщина отличается завидным здоровьем. Только седина густо проредила ее темно-каштановые волосы. Мы пришли к Смеловым с железной миской, что чрезвычайно удивило тетю Валю:

- А чего это вы с такой мелкой посудой пришли?! Я вам сейчас дам ведро, вот в него и будете собирать!

Мы с трудом переубедили ее, что пришли только покушать и немного отнести родителям. А она все переживала, что черешня «ломится» от урожая, а мы только с «мисочкой» пришли.

Я полез на черешню, а Ирина осталась внизу. Мы ели и собирали. А черешня была бордовая на одном дереве и желтая на другом. Ирина любила бордовую черешню, она была слаще. Мы ели и собирали в обливную миску черешню. Минут через пятнадцать и я, и Ирина были уже сыты, а миска полна крупной сладкой черешни. Больше не стали собирать, оставили и другим родственникам, а их было много. Одних только двоюродных братьев у Ирины было трое, да сестер тоже трое. И све между собой дружили в то время. Мы часто встречались с ними, ездили в город, или ездили к ним в гости. А братья Смеловы Санька и Петро (это младший брат) почти каждый день заглядывали к нам. Петро являл собой полную противоположность Александру. Был он высок и рус, как его мать, только нос, как и у Александра, был с горбинкой. Если молодежь собиралась гулять в город, а это был обычно парк с аттракционами, то Смеловы всегда присутствовали. Отношения у меня с ирининой родней сложились хорошие, по большому счету родственные, а это большого стоит.

В училище нас поселили в казарму армавирского полка на второй этаж. Теперь уже кровати у нас стояли в два яруса, так как помещение было небольшим, но это никого не угнетало. Зато через центральную дорогу училища, которая вела на аэродром, располагался спортивный комплекс. И это преимущество проживания мы прочувствовали сразу - часто бегали на спорткомплекс, чтобы потаскать штангу, покататься в спортгородке или искупаться в бассейне. Одевали спортивные трусы, полукеды и полотенце через плечо, и на правах старшего курса в таком виде «гуляли» в спорткомплекс. Конечно, это было нарушением, но офицеры ходили там редко и мы осмелели, не «крутили головой на 180 градусов», как предписывалось в полете боевым летчикам. Эта самоуверенность сыграла со-мной злую шутку. Направлялись однажды мы с Лешей Шутько в таком пляжном виде в бассейн и только перешли дорогу, как слева, со-стороны учебного корпуса послышалось:

- Товарищи курсанты... Подойдите ко-мне!

Обернувшись, мы увидели метрах в тридцати направлявшегося к нам заместителя

начальника штаба училища подполковника Кобцева. Сказать, что сердце «в пятки ушло», не скажу, но «под ложечкой слегка засосало» - такая встреча не предвещала ничего хорошего, в лучшем случае «штрафработы». Мы остановились, а подошедший ЗНШ задал логичный вопрос:

- Кто такие? Представьтесь.

Мы, как и положено по уставу, приняли стойку «смирно» и представились.

- И куда вы в таком виде направились?

- В спорткомплекс, товарищ подполковник! - стараясь сохранять бодрость, отрапортовал я.

Он не стал объяснять нам, что это нарушение формы одежды, что такой вид дискредитирует курсантов, что это не пляж, а училище, а спокойно сказал:

- В субботу подойдете на КПП к коменданту и скажете, что я вас наказал, и чтобы комендант определил вам фронт работ. Понятно?

- Так точно!

- А сейчас марш в казарму!

Ничего не оставалось делать, как изменить направление движения и отправиться в казарму. Настроение было испорчено и мы отложили занятия спортом на потом.

В голове крутилась мысль, что в субботу вместо дома, я буду мести плац или красить что-то по распоряжению капитана Горы — коменданта училища. Это не прозвище, это такая фамилия была у бывшего командира взвода нашей роты.

Суббота прошла и перед нами с Лешкой встал вопрос, созвучный с романом Николая Чернышевского «Что делать?». Лешка справедливо предлагал не усугублять, на всякий случай, наше положение перед сессией и идти сдаваться капитану Горе. Но у меня была очень веская причина не сдаваться, меня ждала жена дома и тещин борщ, которого в столовой не готовят. А посему я предложил не ходить к коменданту, обосновывая такие действия тем, что Кобцев нас видел впервые вот так лично, поэтому не мог запомнить фамилий наших, тем более, что и преподаватели, которые читали нам лекции часто перевирали мою фамилию. Да и дел серьезных у зам.начштаба достаточно, чтобы помнить такой ерундовый эпизод. На том и порешили. И надо сказать, что все обошлось.

К окончанию училища мы должны были сделать по шесть прыжков с парашютом на сушу и один прыжок на воду. И вот командование училища заказало самолет, чтобы отвезти весь четвертый курс в Геленджик для прыжков на воду. В Геленджике был профилакторий училища и на его базе проводились парашютные прыжки в Геленджикский залив. Из Клина прилетел Ан-26 на котором был командиром экипажа сын командующего авиацией ПВО майор Боровых. Андрюша Боровых, как его звали в ПВО. Дело в том, что армавирцы, кто летал в армавирском полку, отпрыгали на Сенгилеевском водохранилище в Ставрополье, а майкопчанам, то есть нам, не пришлось прыгать. Вся майкопская рота должна была отпрыгать в течении одного дня. Вначале пол-роты нашего курса летело в Геленджик, где их уже ждал на аэродроме училищный Ан-2, а самолет возвращался за второй половиной роты. Прилетала вторая половина роты, а первая, уже отпрыгавшая, садилась в самолет и возвращалась в Армавир. Мы попали во вторую половину. Прогулок по Геленджику не предполагалось, а только нахождение на аэродроме, поэтому нам приказали одеть тренировочные костюмы и полукеды.

Настроение было отличное, день обещал быть насыщенным на впечатление. Когда самолет вернулся через три часа, мы уже были на стоянке самолетов. Полет был недолгим, через час мы уже сидели в Геленджике. Рядом с полосой были расстелены укладочные столы, на которых нас ждали «дубы» - парашюты Д-1. Отпрыгавшая полурота ждала отлета тут-же, перекуривая и обсуждая прыжки в море. Нас построили и объявили, что прыгать будем не в бухту, а в открытое море,

так как ветер был больше обычного и нас могло отнести на берег, а еще хуже на дома на берегу бухты. И посему нам разрешили прыгать только в плавках, чтобы не мочить спортивные костюмы. Мы подогнали подвесные системы и стали грузиться в Аннушу, а Ан-26 уже запускал двигатели, чтобы вылететь в Армавир. Мне повезло попасть в первый подъем. Когда Ан-2 набирал высоту, кружа над бухтой, то сверху хорошо был виден весь Геленджик прилепившийся к бухте. Прыгал вторым в подъеме. Когда отделился от самолета, то взгляд охватил все пространство над морем, которое терялось далеко в голубоватой дымке. Парашют раскрылся, я стянул чехлы со-строп, уселся на подвесной поглубже и стал расстегивать замок подвесной системы. Затем подкачал спасательный жилет немного и оставшееся время любовался видами приморского города, подернутого голубоватой дымкой. Легкий теплый ветер, напоенный морем, ласково обдувал тело. Такой чистоты воздухом нигде нельзя насладиться, даже в горах. Только спускаясь на парашюте можно понять, что внизу мы дышим коктейлем из всего, что может издавать запахи. Этот воздух я всегда сравнивал по своей чистоте с бриллиантом высшей пробы.

А внизу на волнах покачивался наш спасательный катер. Когда до воды оставалась два-три метра, я, как и учили, выскользнул из подвесной системы, но одной рукой удерживал ее, чтобы ветерком не отнесло слишком далеко от меня. Сразу-же оказался с головой в морской воде, вынырнул, а катер уже приближался ко-мне. Ребята стали затаскивать купол парашюта на борт, а потом и я стал карабкаться на катер. Это был катер «Волга» на подводных крыльях, на таком прогулочном катере только высокие чины позволяли себе прогулки вдоль побережья, любуясь красотами курортов, да в киножурналах снимали, как «рядовые граждане»

совершают на таких катерах прогулки в Крыму. А тут он работал в качестве спасательного. Пока самолет делал повторный заход для выброски очередного парашютиста, капитан этого маломерного судна разрешил нам поплавать вокруг катера. Спасжилеты мы сняли и сигналили с борта в изумительно прозрачную, отливающую слегка бирюзой воду. Вода была настолько прозрачна, что видно было ноги. Мне не приходилось купаться в водоемах с водой такой прозрачности и это меня завораживало. Создавалось впечатление, когда смотрел вниз на свое тело, что парю в воздухе.

Геленджикская бухта

Когда крайний парашютист выбрался на палубу, мы уселись и катер рванул к берегу приподняв корпус над водой на подводных крыльях. А на берегу нас ждала не совсем приятная новость, мы оставались ночевать в профилактории. Как нам сообщили, Андрюша Боровых, решил отдохнуть и заявив, что по маршруту гроза, перенес вылет на следующий день. Нас загрузили в автобус и повезли в летный профилакторий Армавирского училища. Находился он на берегу бухты почти в центре Геленджика. С одной стороны остаться на ночь на море было здорово, но очень хотелось есть, а столовой в профилактории не было и время обеда давно уже прошло. А с другой стороны х/бэшное трико не позволяло нам сделать достойный променад в город, это могло-бы походить на ситуацию из фильма «Джентльмены удачи».

В профилактории мы расставили солдатские кровати, сколько их было, а кому не хватило, так постелили матрасы прямо на полу. Постельного белья естественно никто нам не приготовил, да и не было возможности на такое количество курсантов найти простыни и наволочки. Поэтому предполагалось, что ночь переспим вне правил гигиены. Оставшееся время до отбоя после перекуса в сухомятку бутербродами (все-же кто-то из офицеров организовал такой маленький праздник для наших желудков) каждый проводил, как мог. В основном купались в море да бродили вокруг профилактория. Утром, наскоро попив чаю, нас загрузили в автобус и повезли на аэродром. Обедали мы уже в училище. Но все равно, во всяком случае у меня, остались самые приятные впечатления от нашего маленького приключения, особенно прыжки с парашютом в море.

* * *

Ирина, пока я был в Майкопе, закончила медучилище и получила диплом фельдшера-акушера. Устроилась работать в городскую больницу медсестрой. В родильное отделение устроиться было невозможно потому, что при наличии в городе данного факультета, недостатка в этом отделении в медперсонале не было. Иногда, когда она дежурила, я приезжал к ней в больницу. Но долго находиться не мог, там строго было с дисциплиной. Оставалось дожидаться, когда я окончу училище, а время неумолимо двигалось к этому моменту.

Нам дали десятидневный каникулярный отпуск перед сессией. А может после сессии перед госэкзаменами... Сейчас уже трудно вспомнить, но этот отпуск запомнился тем, что в Клин мы с Михаилом летели на Ан-24 клинского полка. Ирина работала, поэтому в отпуск я полетел один. Вначале мы с Михаилом хотели ехать поездом, но он прибежал к нам в казарму и сообщил, что на аэродроме полковник Иванов - командир клинского полка, и он собирается в Клин. Мы быстро собрались и побежали на стоянку транспортных самолетов, но еще не добежав до нее встретили Иванова вместе с экипажем, шагавшего к нам на встречу. Михаил обрисовал нашу проблему и спросил разрешения лететь с ним в Клин.

- Ребята, я вообще-то объявил экипажу банно-стаканный день, поэтому мы полетим в понедельник, - развеял наши надежды Иванов.

Казалось, что попасть сегодня домой в Клин нам уже не светило, так как была суббота, а ждать до понедельника только ради полета на самолете ну никак не хотелось. И вдруг Иванов, выдержав небольшую паузу посоветовал:

- Там стоит еще Ан-24, вот он вылетает на Клин, скажите командиру экипажа, что я разрешил вас взять на борт. Но он полетит через Астрахань. Да, бог ты мой, хоть через Аляску, лишь-бы сегодня улететь! Мы поблагодарили Иванова и кинулись на аэродром. По пути мы обогнали штурмана экипажа,

который уже возвращался от диспетчера с разрешением на вылет. Спросили кто командир и изложили свою просьбу, добавив, естественно для убедительности, что «Иванов разрешил нам лететь с ними».

- Конечно-же полетели, раз Иванов разрешил! - в голосе командира мне послышался легкий юмор, который мог означать только одно, что и без разрешения Иванова они взяли-бы на борт «земляков».

- Только мы, ребята, через Астрахань летим. И в Клину будем только вечером...? – полу-вопросом-полу-информацией продолжил командир.

- Да мы знаем, - почти хором ответили мы, - нам все равно!

- Добро! Идите на борт, а то вон и штурман пришел.

От диспетчера по протоптанной в зарослях амброзии тропинке подходил штурман экипажа. И уже обращаясь к штурману:

- Ну, что? Добро есть?

Штурман кивнул головой утвердительно, прибавив, что в Астрахани их уже ждут. Кто ждал в Астрахани, мы не знали, но предполагали, что еще кого-то будем забирать на Клин.

Полет до Астрахани был не долгим. Уже через час мы заруливали на стоянку в центре боевого применения авиации ПВО. Экипаж выключил двигатели, а механик открыл рампу фюзеляжа. Мы с Мишкой сбежали по рампе на бетонку аэродрома и тут в лицо ударила астраханская духота. Ощущение было такое, словно мешком, набитым травой бабахнули по голове. Перепад температур после салона был настолько велик, что мне показалось, что мозги сразу стали какими-то ватными и затуманенными. Но это состояние быстро прошло. Естественно, отойдя с бетонки на траву, если можно так назвать высушенные и выжженные солнцем почти до соломенного цвета реденькие стебельки, справили малую нужду. Заведено так уж в авиации было, после полета сбегать за хвост самолета по малой нужде.

Не подходя к самолету, закурили. Я стал оглядывать абсолютную степь, где не было видно ни одного намека на деревце. Пасшийся вдалеке верблюд, да аэродромные постройки напоминали, что степь обитаема. А жара давила на мозг, звенела в ушах. Ждать пришлось не долго. Уже минут через десять к самолету подкатил ПАЗик и из него высыпали полковники и генералы. Видно было, что они в приподнятом настроении. Наверное, был отвальный обед в летной столовой. Кто-то остановился покурить, кто-то пошел в самолет занимать места. Приехал на велосипеде штурман от диспетчера и командир попросил всех занять места в самолете. Мы тоже забежали, но уже после офицеров. Кресел в полу-салоне самолета на всех не хватило и нам с Мишкой пришлось довольствоваться откидными сидениями. Когда поднялись в воздух, в салоне установилась нормальная температура и дышать стало легче. Мы узнали от механика, что это были командиры дивизий и корпусов авиации ПВО, они в Астрахани были на сборах. Кто-то из них задремал в кресле, а четверо сели за столик играть в преферанс. Я невольно наблюдал за ними, особенно за высоким красивым полковником, брюнетом, смахивающим на цыгана. Самых карт не видел, но по реакции за столом понимал, что полковник «раздевает» генералов. Вдруг кто-то из генералов обратил на нас с Михаилом внимание:

- А вы с какого курса ребята?- еще несколько офицеров повернули в нашу сторону голову.

- Четвертый курс, - в разной с Мишкой ответили слегка робея, не зная, что за этим вопросом последует.

- А летный гос. экзамен уже сдали? - расспрос продолжался.

- Так точно, сдали, - уже увереннее отвечали мы.

И тут один полковник с широченной улыбкой на лице выдает следующее:

- Товарищи офицеры, так это уже готовые летчики. Давайте разбирайте пока

«горяченькие»!

И тут посыпались предложения:

- Так, кто ко-мне на Камчатку?
- Давай ко-мне в Забайкалье!

Мы опешили, да и не решили мы куда лучше всего попасть служить. Дальний Восток, то есть Камчатка отпадала. Я уже решил для себя, что хочу на Север, но не окончательно, еще колебался. Поэтому мы ответили:

- Да мы сами еще не решили... Куда распределят...

Прозвучало нерешительно, но тут-же нам предложили подумать, пока летим до Клина. Если-бы я тогда знал, что такое Камчатка! Я-бы ни минуты не колебался! Уже офицером мне рассказали и про климат этой зоны, и про природу, и про рыбалку, и про грибы. А еще там, в климате близком к Сочинскому, платили полтора оклада. Но это я узнал потом. В Клин мы прилетели уже вечером. Быстро добрались до остановки и сели в автобус. Я вышел на ул. Карла Маркса, а Михаил поехал на вокзал. Ему еще предстояло трястись в эдектричке до Москвы.

После отпуска, я вернулся не в казарму уже, а домой к Ирине. Конечно-же привез и подарки. Сейчас все вспомнить не могу, но помню французские духи «Фиджи». Даже помню, что покупал их в магазине «Одежда» в парфюмерном отделе, что на улице Гагарина. При наличии некоторого дефицита на хорошую иностранную продукцию, «Фиджи» стояли на полке свободно. Видимо потому и стояли, что цена у них была двадцать пять рублей за небольшой флакончик. Конечно по сравнению с советскими духами от трех пятидесяти до 10 рублей это было слишком дорого. Ирина была без ума от духов! Потом, когда они уже закончились, хотя она очень аккуратно ими пользовалась, еще долго хранила пузырек. И наверное поэтому, видя, как Ирина радуется французской парфюмерии, Александр Прокофьевич принес как-то с работы французские тени, лак для ногтей и тушь для ресниц. Где и у кого он все это купил, а главное их цену, он не сказал. Наверняка заплатил втридорога и с рук у кого-то. Но ему было приятно видеть радующуюся Ирину. Сейчас не понять тех маленьких радостей, которые испытывали женщины, получив заграничную парфюмерию.

Мечта всех женщин Советского союза.

А в училище началась подготовка к государственным экзаменам. Мы писали курсовые работы и исправляли оценки по предметам, кто хотел получить красный диплом. Таковых было немного, в основном всех устраивали оценки. Красный диплом давал право выбора места службы; не конкретно полк, а армию или округ. Не помню кто уже из ребят подошел ко-мне и поднял вопрос пересдачи Петей Чикиным инженерной графики. Дело в том, что у него по всем предметам были пятерки, а по инженерной графике у него была тройка. И тройка-то была только

из-за грязных чертежей. Делал он их неряшливо, быстро, часто работал стеркой и оставлял грязные пятна на чертеже от рук. Все мы остальные поддержали идею пересдачи. Петей этого предмета. Против был только один человек, это сам Петя. Он просто не хотел тратить время на перечерчивание чертежей, считал это время потерянным. Пришлось долго его уговаривать. Уговорили его только защитить чертежи, а что касалось договариваться с преподавателем о пересдаче и перечерчивать чертежи, то этот труд ребята взяли на себя. По училищу уже шло объявленное политотделом училища соревнование за самый высокий общий бал среди классных отделений. И тут вопрос стоял о чести классного отделения.

С преподавателем инженерной графики пришлось «помучиться». Он долго не хотел соглашаться на пересдачу, но аргументы: круглый отличник, соревнование, выбор места службы и так далее (не знаю, какие аргументы еще приводили ребята) сделали свое дело. Чертежи перечерчивали наши художники Слава Щипицин и Виктор Дригин. Через два дня они были готовы и Петя пошел защищаться. Эту проблему он решил с легкостью, но преподаватель так и не поставил ему отлично, мотивируя тем, что это была пересдача. Поставил в диплом четверку. И эта была у Пети, если я не ошибаюсь, единственная четверка, что не помешало его распределению в Хабаровскую армию. Не знаю, выбирал-ли он сам или положился на судьбу. В последствии я узнал, что он попал в Золотую Долину, что недалеко от Находки.

После летних каникул произошло событие знаковое для всех нас - нас переодели в полевую офицерскую форму. Но погоны были курсантские. Это было связано с тем, что закончился набор на первый курс, а третий курс уже был четвертым. Вот в училище и переодевали выпускников перед госэкзаменами в полевую форму. А была она красива! Это не теперешние штаны мешком и бесформенная куртка, а на ногах берцы. Бриджи (зауженные брюки) и приталенный китель были полушерстяными цвета хаки. На ногах красовались новенькие до ослепительного блеска хромовые сапоги, которые издавали легкий скрип при ходьбе, что считалось высшим шиком. А стройность фигуры курсанта-выпускника подчеркивала кожаная портупея с широким офицерским ремнем. Венчала всю эту красоту офицерская фуражка такого-же цвета с кокардой. В городе мы ощущали на себе взгляды прохожих. Это несколько смущало, но и подстегивало к подобающему поведению, чтобы не уронить чести будущего офицера. А еще произошло то, что вчерашние по сути мальчишки как-то сразу повзрослели внутренне.

Возвращение из последнего каникулярного отпуска не прошло без происшествий. Утром первого дня занятий, у казармы командир роты майор Балым построил роту и провел проверку — вечером не все еще вернулись из отпуска. Не вернулся Юра Горбачев. И вот утром его опять не оказалось в строю. Но тут прибежал с почты солдат и отдал Балыму телеграмму. Балым прочитал телеграмму и лицо его побагровело. И тут-же передал командиру взвода ее и приказал читать. В телеграмме была веская причина задержки Юры из отпуска: «Задерживаюсь отсутствием билетов. Целую Юра». Нам стали понятны столь резкие изменения на лице Балыма. Когда командир роты закончил читать, рота со смеху чуть не повалилась наземь. Балым выразил свое негодование:

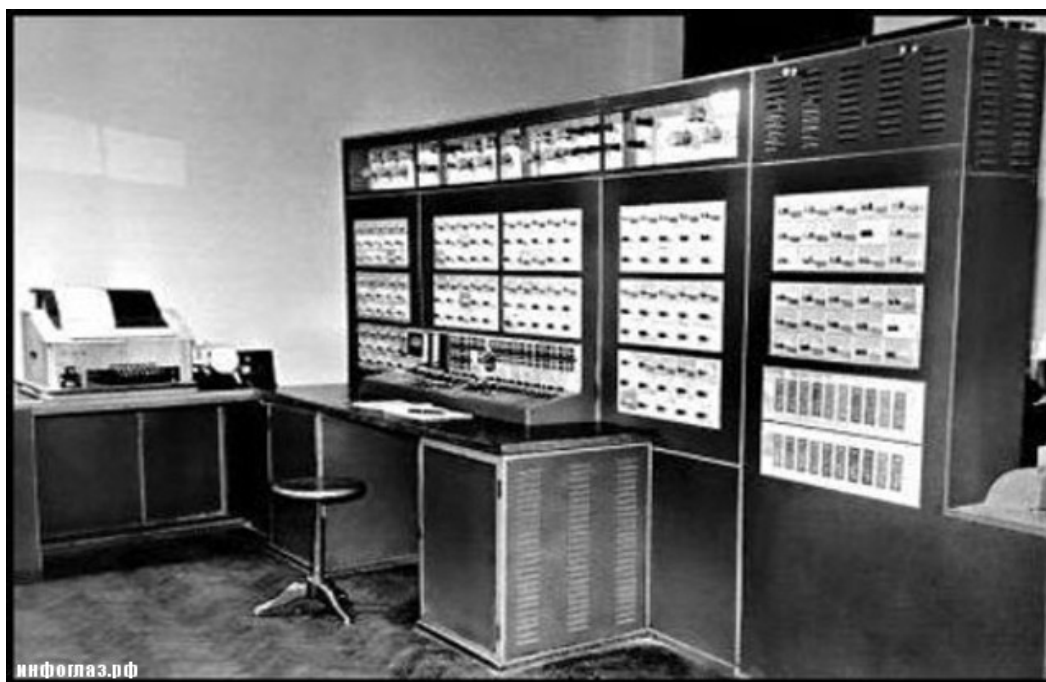
- Пусть только приедет, я его так поцелую...!

Далее шли расхожие в командирской среде нечитаемые выражения, которые должны были укрепить всех в уверенности, что все сказанное будет сделано. Юрка приехал на следующий день, командир роты естественно провел с ним «воспитательную» беседу и все улеглось

Дипломным проектом, который мы должны были сдать перед госами, был расчет необходимых сил и средств из состава полка для перехвата групп

самолетов противника. Нас готовили принимать решение на уровне командира полка. Кто-то из преподавателей сказал, что училищное образование дает нам возможность занимать должности до командира полка включительно. Но это в теории, а на практике без академического образования командирами полков не ставили. Это была серьезная работа и тут уже ни у кого не спишешь, надо было все расчеты делать самому, да еще и в секретной тетради. Для этого нам выдали специальные папки, которые хранились в секретной части и опечатывались личной печатью. Мне нужно было рассчитать необходимый состав сил и средств из состава полка Су-9 для перехвата стратегического бомбардировщика В-52 «Стратофортрес» под прикрытием десяти истребителей F-4 «Фантом». Налет, как было определено в задании, производился с авиабазы американских ВВС в Турции Эрзурум.

Теперь все время самоподготовки было занято дипломным проектом. Мы чертили карты, на черновиках писали работу. А вот расчеты делали в лаборатории ЭВМ училища. Это было здание, заполненное металлическими ящиками, в которых и находилась ЭВМ первого поколения «Мир». Делали расчеты не мы, а сотрудники лаборатории. Мы только давали данные наших исходных расчетов, а они вводили эту информацию в ЭВМ. Обработанную информацию мы получали только через неделю не потому, что долго длился расчет — дипломных работ было более двухсот.

Примерно такие машины делали нам расчеты в курсовой работы

Когда мы корпели над дипломными работами, нам дали понять, что зоркое око военной контрразведки не дремлет, что мы на постоянном контроле. А случилось это с Сашей Слинько. Он не успевал оформить во-время самоподготовки текстовую часть работы с графиками и чертежами. Поэтому он взял работу в казарму, а секретную папку опечатал печатью и сдал в секретную библиотеку. И вот тут случилась странная вещь, библиотекари решили «навскидку» проверить наличие документов в папках курсантов. Естественно обнаружили у Александра несоответствие количества документов их описи. Сانه-бы извиниться и покаяться перед секретчицами, а он «полез в пузырь», что без него вскрыли папку. Скандал вылез наверх. А начальница секретной части пообещала испортить Саше жизнь. Не знаю, как с жизнью, но распределение она ему испортила. Саша собирался

было ехать в Киевскую армию ПВО, а попал в итоге в Ташкентскую армию ПВО. До сих пор я не верю в случайную проверку папок, так как после этой проверки у меня папка не была вскрыта (стояла моя печать), да и у других тоже. Только «сразу» наткнулись странным образом на папку Слинько. Это подтвердило мои догадки, что среди нас есть стукачи, которые стучат и командованию роты, и особому отделу. Уже после выпуска ребята узнали, что стучал Пожидаев Толя. Об этом им сказал сам командир роты майор Балым:

- Вам служить с ним и вы должны знать, что это он стучал на всех вас . Вот так, что называется «в доску свой парень» закладывал своих-же друзей.

Буквально перед госэкзаменами в роте случилось ЧП. И невольным соучастником в этом стал я. В одну из суббот я сдавал наряд по роте Славе Щипицыну. Когда наряд был сдан, Славка отводит меня в сторонку и рассказывает, что получил письмо от своей девушки из Кемерово в котором она сообщала, что выходит за муж за лейтенанта - выпускника кемеровского военного училища.

- Мне надо съездить туда, разобраться.

Ребята ездили иногда с разрешения командира роты домой в станицы, даже в Москву отпускал. А тут вдруг в Кемерово. И это еще пол-беда. Вся беда была в том, что Славка заступил дежурным по роте, а уехать хотел, когда командиры уйдут в город. Вот об этом он меня и хотел предупредить. И добавил в конце:

- Если командир роты будет спрашивать, когда приеду, скажи, что во вторник вернусь.

Мои попытки отговорить его от этой затеи не принесли успеха, он стоял на своем. Я ушел домой и наказал ребятам передать слова Славки Балыму. Когда вечером в воскресенье я вернулся в казарму, то Саня Ткаченко рассказал, как Балым узнал про Славкин отъезд:

- Балым вернулся из города в казарму...

Здесь надо сделать паузу и объяснить, что командир роты и командир взвода были майкопские и жили в казарме в канцелярии роты. По вечерам они уходили в город, но вечером перед проверкой обязательно один из них возвращался в казарму.

Саня продолжал:

-... и, переодевшись, крикнул из канцелярии, чтобы позвали дежурного по роте. Я зашел в казарму и представился за дежурного по роте. Балым уставился на меня и спрашивает где Щипицын. Отвечаю, что у него девушка выходит замуж за офицера и он уехал в Кемерово сказать, чтобы не выходила за муж. Балым ничего не сказал и отпустил меня.

Командира роты можно было понять, он нес всю ответственность за курсантов. Что мог Славка устроить в Кемерово, можно было только гадать. Ничего не оставалось, как только ждать его приезда и молить бога, чтобы он там не наворотил дел. Славка приехал раньше — в понедельник вечером. Первым делом он спросил у меня как там Балым? Утешить его я не смог и сказал, как есть:

- Рвет и мечет.

Щипа (эта было его прозвище в казарме) ничего не сказал, а достал две бутылки коньяка и направился к канцелярии. Постучав в дверь и услышав «войдите», он шагнул «в пасть льва». Я остался ждать его в проходе казармы. Был он там недолго, через минут пять он вышел, улыбаясь и уже без коньяка рассказал:

- Захожу в канцелярию, Балым сидит за столом и пишет что-то. Я постоял минуту, он голову не поднимает. Тогда я подошел к столу, поставил коньяк на стол и сказал «Простите, товарищ майор, но мне надо было съездить». Балым оторвался от писанины, откинулся на спинку стула и изрек «Щипицын, (нечитаемое выражение), вот с этого надо было и начинать! Неужели-бы я тебя не

отпустил?! Иди, готовься к завтрашнему дню».

Вот так иногда решались проблемы. Да и как командир роты мог наказать без пяти минут выпускника? Практически они могли надеяться только на нашу совесть.

Конец четвертого курса ознаменовался чередой свадеб. Отгуляли свадьбу с песнями, танцами и маленькой дракой с местными у Олега Саврасова из нашего взвода. А потом пошли с Ириной на свадьбу Миши Акулова. Там свадьба была скромной, не из обеспеченных семей были Михаил с Натальей. Гуляли свадьбу у Наталии в частном доме, где она снимала комнату. Стол не ломился, но мы видели Мишкино с Натальей положение и не было поэтому недопонимания. С военной стороны были гостями я с Ириной, Володя Толубеев, Леша Шутько. Конечно набрались мы крепко, но это было не страшно - не надо было идти в казарму мне, а дома тесть на гауптвахту не посадит. От молодоженов мы вышли втроем: Ирина, я и Граф (так мы чаще называли Толубейчика). Ирина взяла нас под руки и мы направились к остановке автобуса №5, чтобы отправить Володю в училище. На солнце нас с ним здорово развезло и мы шли, пошатываясь из стороны в сторону. Ирина старалась нас держать так, чтобы мы не «мотылялись», как камыш на ветру, но удавалось ей это с трудом. И тогда она взмолилась:

- Ребята, вы хотя-бы качайтесь в стороны синхронно! Мне трудно вас держать! Пришлось «взять себя в руки» и идти, стараясь не качаться. На остановке дождались автобуса, посадили Графа и сами отправились домой.

Экзамены подошли как-то незаметно. Мы уже были готовы к сдаче. И наверное в большей степени морально, чем теоретически. Запомнить все, что нам преподавали, просто не возможно. Но нас учили не столько запоминать, сколько мыслить логически. Первым экзаменом была аэродинамика. Никогда я так не переживал, как в этот раз. Одно дело представлять, как воздействует воздушный поток в полете на самолет и совсем другое дело объяснять с выкладками формул у доски. В день сдачи аэродинамики с нас собрали по пятьдесят копеек якобы «на цветы» комиссии. Мы-то понимали, что это для хорошей сдачи экзаменов нами. Тогда не давали взятки в принятом на сегодняшний день отношении, а накрывали столы «за успешную сдачу экзаменов».

Утром выбрившись, начистив сапоги и латунную пряжку ремня, взяв в портфель конспекты по аэродинамике, получив благословение Ирины (теща видимо перекрестила меня вслед), я отправился в училище. От казармы наше отделение двинулось в новый учебный корпус. Наскоро перекурив перед входом, поднялись на второй этаж, где находилась кафедра аэродинамики. Командир роты выстроил нас в две шеренги перед преподавательской и пошел докладывать начальнику кафедры полковнику Матаржону Василию Макаровичу. Из преподавательской они вышли вместе. Прозвучала команда «смирно». И тут начальник кафедры полковник Матаржон неожиданно спрашивает нас:

- Ну что, зайцы, оценки вам сейчас сказать или потом?!

Мы все выразили бурно наше желание узнать оценки до сдачи экзамена, но Василий Макарович быстро охладил наше желание в только ему присущей нарочито-грубовато-отцовской манере:

- Хрен вам! Узнаете после экзамена. Ниже выставленной оценки не сдадите, а улучшить результат сможете, - и сделав паузу, добавил, - Если покажете знания лучше, чем показывали в течении всего периода обучения.

О Василии Макаровиче надо сказать отдельно. Это был офицер с непререкаемым авторитетом, как среди офицеров, так и среди курсантов. Был довольно высок, с крупными чертами лица. Руки с крупными кистями говорили о том, что Василий Макарович в молодости занимался спортом. К курсантам он относился по-отечески строго, но в душе любил подрастающее поколение. У него было две дочери, но не было сына. Вот он и отдавал нам свою невостребованную

отцовскую любовь и заботу к так и не появившемуся сыну. Ему многое сходило с рук за его бескомпромиссность. Мне мой инструктор Шкарин Владимир Александрович рассказывал истории, связанные с Василием Макаровичем. Однажды их отделение сидело на научном коммунизме, где лекцию читал начальник кафедры. Подводя итог сказанному, он сделал упор на то, что научный коммунизм есть для курсантов главный предмет, так как он дает им (курсантам) понимание всех остальных предметов и происходящих процессов не только в обществе, но и науке. Следующим предметом по расписанию у отделения была практическая аэродинамика. Лекцию читал тоже начальник кафедры, он-же Василий Макарович Матаржон. И тоже не упустил случая нацелить курсантов на углубленное изучение «самого главного для будущих летчиков предмета». И тут кто-то из аудитории бросил реплику Василию Макаровичу, что начальник кафедры научного коммунизма считает иначе и, что научный коммунизм самый важный предмет в училище. Василий Макарович долго не думал, а ответил в присущей ему манере:

- Передайте ему (нач. кафедры научного коммунизма), что голова не мусорный ящик!

И ведь предали! На следующих-же занятиях и передали. Возмущению начальника не было предела. А с Василием Макаровичем он долго не здоровался. А ведь в то время за такую «бескомпромиссность» можно было в лучшем случае получить и выговор по партийной линии. Но непререкаемый авторитет Василия Макаровича ограждал его от подобных нюансов.

Но вернемся к экзамену. Заверения Василия Макаровича нас успокоило и мы стали делить очередь на сдачу экзамена. Никто не хотел идти первым, хотели посмотреть, как комиссия покажет свою лояльность. Первым пошел, если мне память не изменяет, Петр Чиков, а за ним потянулись те, кто чувствовал уверенность в своих знаниях. Я решил идти где-то пятым-шестым. Последним идти тоже не хотел, чтобы не терять свое лицо в глазах подчиненных. Билет достался не особенно сложный. В нем был первый вопрос из аэродинамики, а два из практической аэродинамики и динамики полета. Заумных формул выводить не пришлось, а практическую аэродинамику, подкрепленную практикой, я в общем-то знал не плохо. Когда подошла очередь, вышел к столу комиссии, доложил, что к ответу готов. По лицам успел заметить, что члены комиссии настроены лояльно. За свой ответ я получил четверку. Этим я остался чрезвычайно доволен. С хорошим настроением пошел в казарму.

Экзамен все сдали успешно и после обеда отбыли в город отмечать первый успех; а «женатики», как нас, успевших жениться, называли холостяки, естественно пошли в свои семьи порадовать своих вторых половин. Ирина конечно порадовалась за меня. Я чувствовал, что рады были и тесть с тещей. Это было написано на их лицах. Отмечать конечно не отмечали, но Ирина предложила сходить на дачу бабушки Иры за виноградом. Дважды меня просить не надо, когда вопрос касается фруктовых лакомств. Да и на даче у бабушки мы еще не разу не были. Когда Ирина взяла ведро, у меня на лице видимо явно нарисовалось удивление, потому, что она пояснила, что с меньшей тарой и ходить не стоит. И в этом я убедился очень скоро. Дача была на задворках завода, а проще сказать сзади завода в районе стихийной свалки стройматериалов, которые туда вывозили с завода. Через эту свалку я ходил на Кубань рыбачить. Дача была только названием, а по сути представляла небольшой сарайчик, расположенный на шести сотках земли. Но эти шесть соток земли были засажены не только виноградом, но и яблонями, абрикосами, кустами смородины. Сам виноградник был на особо большой, но множество сортов делало его, в своем роде, интересным. Кисти винограда были крупными, каждая, наверное, с килограмм. Мы

срезали с каждой лозы по кисти винограда и прошли только половину виноградника, когда ведро было заполнено до краев. Дома мы устроили «праздник живота»! Я еще раз убедился, что даже кубанский суглинок, где была расположена дача, может давать хороший урожай. Благодатный климат делал свое дело и земля одаривала богатым урожаем.

Вторым экзаменом у нас должен был быть научный коммунизм. Честно скажу, что к нему готовился не так интенсивно, как к аэродинамике. Не только я, но и другие ребята не всегда понимали материал. Все эти политические термины стали понятны, когда не стало впоследствии СССР. Вот тогда до меня стало доходить значение всех политических и экономических терминов, и что они символизируют. Принимать его приехала комиссия Главного политуправления вооруженных сил. Это не было связано с тем, что наш выпуск был экспериментальным. Дело в том, что в 1975-м году на Дальнем Востоке выпускник нашего училища старший лейтенант Беленко угнал в Японию современнейший на тот момент истребитель-перехватчик МиГ-25. Он был сов.секретным самолетом и вдруг такое. И для училища, да и для нас курсантов это было сродни пощечине. В душе чувствовал какой-то гадкий осадок. Наверное и другие ощущали тоже самое. Нашей промышленности после этого пришлось здорово попотеть, чтобы сменить радиоэлектронную начинку этих самолетов. Ну, а ГлавПУР и военная контрразведка включились в работу по выявлению потенциальных предателей «на всю катушку». Нас предупредили, что спрос на экзамене будет серьезный, никакой пощады чтобы не ждали. Так оно и случилось - за редким исключением, большинство получило тройки. Говорили, что после этого последовали серьезные оргвыводы в отношении кафедры и политотдела училища, но это было уже после нашего выпуска. Честно сказать меня эта тройка не расстроила совсем. Конечно, тройка на госах это не совсем то, что мне хотелось. Но по большому счету я отводил политическим предметам последнее место в своих знаниях. Если-бы я тогда мог предположить только, что они, эти знания, будут преследовать меня половину моей службы, словно-бы в отместку за мое пренебрежение к ним.

Теперь предстояло сдать последний гос. экзамен - тактику. Нам было отведено несколько дней, как и перед предыдущими экзаменами, и мы использовали это время на самоподготовку по полной. Теперь, после тройки по научному коммунизму, мне хотелось сдать экзамен более успешно. Поэтому для контроля своих знаний привлек свою вторую половину. Ирина с удовольствием согласилась проконтролировать мои знания. Еще в 75-м году я купил справочник «Средства воздушно-космического нападения вероятного противника», вот по этому справочнику Ирина и контролировала мои знания. Гоняла по серьезному, без скидок. Она открывала справочник на произвольной странице и называла самолет. А я должен был рассказать все о самолете и его вооружении, и предназначении. Тактика была моим одним из любимых предметов, поэтому с удовольствием подчинялся требованиям жены «учить еще». Она уходила заниматься по хозяйству, я сидел и повторял ТТД самолетов и крылатых ракет. И вот наступил день сдачи. Пошел одним из первых сдавать. Тому было две причины: первая - это то, что тактику знал не плохо, а вторая была более весома - надо было занять место у училищного фонтана, где самого последнего, сдавшего экзамен, должны были купать. Это была традиция заведенная неизвестно в каком году, но неукоснительно соблюдавшаяся всеми выпусками. Традиции были во-всех военных училищах. Так в Даугавпилском училище, которое было расположено в старинной крепости, заряжали старинные пушки на крепостной стене порохом и стреляли, давая знать всему городу, что состоялся очередной выпуск.. Выпускники военно-морских училищ Ленинграда ночью начищали до блеска причинные места

коньям на Аничковом мосту на Невском проспекте. Наверное и в остальных военных училищах были свои традиции, но я знал только об этих трех традициях.

Отвечал я третьим в первой группе. На первые два вопроса ответил неплохо и тогда преподаватель предложил выбрать модель любого палубного штурмовика вероятного противника и рассказать о нем. Все модели самолетов делались на кафедре. Вдоль стены этажа был эдакий музей макетов самолетов, как зарубежных, так и наших начиная с ТБ-3. Вот оттуда и перекочевали самолеты на стол комиссии. Я выбрал американский легкий палубный штурмовик А-4А «Скайхоук». Не успел рассказать и половины того, что знал о нем, как меня прервал экзаменатор:

- Достаточно! Оценка «отлично»!

Мне хотелось рассказывать еще, это был мой конек, но преподаватель только улыбнулся и предложил пригласить следующего. Сказать, что я был доволен оценкой, не сказать ничего. Я был счастлив! Не так часто за теоретические экзамены я получал отличные оценки. И опять, как после крайнего полета с Ковалевым, накатила душевная пустота, что все закончено. Уйдет в прошлое училищная жизнь, где ты подчинялся единому распорядку дня, где рядом были товарищи и друзья.

Теперь стало только занять место у фонтана и ждать последнего сдавшего экзамен. Мы две недели перед этим собирали с каждого по копейке, чтобы купить на эти деньги бутылку водки. Это тоже было неотъемлемой частью старой традиции. У фонтана я оказался не первым, там уже крутились девчонки. Скорее всего это были дети офицеров из военного городка, а может кто из ребят и своих жен привел. Оказалось, что город знал об этой традиции курсантов и каждый год обязательно у КПП собиралась молодежь, пытаясь пройти на территорию училища и посмотреть на это действо. По мере того, как сдавали экзамены, все больше ребят собиралось у фонтана. Из окон старого и нового корпуса высовывались преподаватели и контролировали ситуацию. Им не хотелось, чтобы именно с их кафедры вынесли последнего сдавшего. Вдруг с кафедры аэродинамики из окна высунулся сам полковник Матаржон и громогласно спросил:

- Сколько там еще осталось?

Это он имел в виду кафедру научного коммунизма. Из толпы собравшихся озвучили информацию:

- Там один уже остался!

- Понял! У нас двое! Сейчас ускорим процесс!

И действительно, буквально через пару минут из нового корпуса вышли оба новоиспеченных «аэродинамика». А политработники из Главпура не спешили выпускать намечающегося лейтенанта с высокими морально-политическими качествами. И вдруг кто-то выбежал из старого учебного корпуса и, что есть мочи, закричал: «Несут!» Обе половины дверей корпуса распахнулись, а ребята организовали живой коридор. И тут под «ура» всех собравшихся, а толпа уже была так велика, что пробиться к фонтану было просто невыносимо, на руках вынесли одного из самых маленьких по росту в четвертой роте Володю Николаева. Толпа расступилась, освобождая проход к фонтану. Володя только успел крикнуть:

- Документы!

Ребята дали вытащить документы и под всеобщие возгласы кинули его в фонтан. Под крики «Давай, давай!», «Володя, гребни!» Вовка поплыл по кругу фонтана. Сделав первый круг, остановился, а его уже ждал стакан водки и огурец.

Выпив залпом и откусив от огурца, он поплыл второй круг. После второго круга ему поднесли второй стакан. А потом вытащили из фонтана, завернули в одеяло и понесли в казарму спать. Надо сказать, что все это действо наблюдали из окон учебных корпусов все преподаватели, которые в этот момент находились там. Народ начал расходиться.

Я шел в казарму с ощущением легкой тоски. Радости не было. Было сожаление в душе, что вот и все! Поставлена точка в пребывании нас в нашей альма-матер. Зачетыре года училище стало родным домом, преподаватели и офицеры-воспитатели стали нашими отцами, каждый со-своим характером, но по-своему любившие нас курсантов. В училище одновременно училось тысяча двести курсантов на четырех курсах и каждому они старались дать свои знания и кусочек души. Кого-то любили больше, кого-то меньше любили, но всем честно отдавали частичку своей души. Шел я в казарму и понимал, что скоро, после вручения диплома, придется расстаться со-всеми этими людьми, дорога в жизнь распахнута и настало время переступить порог родного училища. Что ждет впереди каждого? Неизвестность - в новом коллективе в новой местности, с военной карьерой и новой боевой техникой.

. Предстоящие пару дней необходимо было получить обмундирование офицера и денежное довольствие. Обмундирование нам всем шили в ателье каждому; и повседневное, и парадно-выходное. Собственно мы и получили его на следующий день, а через день должно было быть вручение дипломов. Смешно было видеть, как получив обмундирование, мы расползались, словно муравьи по городу, таща на себе мешки обмундирования. Дома мы с Ириной и тестем принялись

По традиции, последнего курсанта, сдавшего госэкзамен, бросают в фонтан. После каждого заплыва по кругу фонтана полагается стакан водки.

выкладывать из мешка не только кителя с брюками, но и трусы, майки, носки, амуницию. Одним словом упаковали меня полностью, разве что зубную пасту с мылом не положили. Тестю больше всего понравилась плащ-накидка, это в нем заговорил уже рыбак. Узнал я это несколько минут спустя, когда Ирина подошла и попросила подарить отцу плащ-накидку на память. Четыре года я как-то обходился без плащ-накидки и нужды в ней особой не видел, поэтому с удовольствием подарил тестю плащ-накидку. Его радости не было предела, он был настолько счастлив, что наверное я его больше таким счастливым не видел. Хотя нет, видел; и это было тогда, когда у поезда в Сары-Шагане я сказал им с мамой, что родился Сережка.

А маме и Гене решили что-нибудь купить на «толкучке». Были тогда стихийные рынки на пустырях, где можно было купить с рук импортные вещи. Да и наши хорошие тоже продавали. Одним словом там продавали то, что не продавали в магазинах, как тогда говорили «спекулянты спекулировали». А «толкучками» такие стихийные рынки назывались потому, что там было очень много народа, ряды продавцов были настолько близко друг к другу с товаром разложенным у ног на земле, что народ покупающий вынужден был, проходя по рядам, в прямом смысле слова толкаться, а иногда и проталкиваться. Но никто не считал это неудобством. И лишь тогда, когда какой-нибудь карманник вытаскивал у кого-то деньги из кармана, возмущались неудобствами. Да, это было раздолье для карманников. Их ловили, но меньше их не становилось и возможность потерять, таким образом, кровно заработанные не уменьшалась. Выход был один - держать деньги в руке.

Тридцатого сентября на аэродроме нам должны были вручать дипломы, значки о высшем военном образовании. С утра нарядившись в парадную форму и под брюки надев хромовые сапоги (так решило командование, чтобы при прохождении парадным маршем лучше «печатался шаг» на бетонке аэродрома) выехал один из дома. Сбор всех выпускников был в казарме, поэтому Ирина сказала, что подъедет попозже, к началу вручения дипломов.

Настроение было праздничное! Мы уже не были курсантами, а стали настоящими офицерами. Невольно каждый при возможности бросал взгляд в зеркало в казарме, осматривая себя и еще раз убеждаясь, что это не сон. Прозвучала команда спускаться вниз. Майор Балым повел нас строем в последний раз. И вел он уже не строй курсантов, а строй офицеров. На аэродроме наши две роты выстроили повзводно в две шеренги и напротив каждого взвода были установлены столы, на которые раскладывали наши дипломы и значки о высшем образовании. До начала церемонии вручения вынесли знамя училища. Вышел на середину строя начальник училища полковник Крюков и произнес полагающуюся к этому случаю речь. Затем началось вручение дипломов. А на краю бетонки к этому времени собралось много родственников тех, кто становился офицером с этого момента в полном смысле слова. И не просто офицером, а летчиком истребительной авиации противовоздушной обороны страны. Лица матерей, отцов, жен, братьев и сестер светились от счастья, что их сын, брат, муж состоялся как летчик, как офицер. Я глазами искал Ирину в толпе собравшихся, но никак не мог найти ее. Не знаю, видела-ли она меня. После вручения мы построились повзводно в колонны и под марш в исполнении духового оркестра, который нам наигрывал на сдаче физподготовки гопака, пошли последний раз торжественным маршем перед руководством училища и родственниками....

*Прохождение торжественным маршем
после вручения дипломов*